

ЖЕНСКИЕ
ТАЙНЫ

ЧЕСТЬ. ПРЕДАТЕЛЬСТВО. ЛЮБОВЬ.

Дорды Белого замка

ЭЛИЗАБЕТ ЧЕДВИК

Несомненно, лучшая романистка, пишущая о Средневековье...

Historical Novel Society

Женские тайны (Азбука-Аттикус)

Элизабет Чедвик
Лорды Белого замка

«Азбука-Аттикус»

2000

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Чедвик Э.

Лорды Белого замка / Э. Чедвик — «Азбука-Аттикус»,
2000 — (Женские тайны (Азбука-Аттикус))

ISBN 978-5-389-12946-7

Англия. XII век. Когда пятнадцатилетний оруженосец Фульк Фицуорин, отважный юноша из старинной аристократической семьи, садился играть в шахматы с наследником английского престола, будущим королем Иоанном Безземельным, он и не предполагал, сколь роковым образом повлияет эта партия на всю его дальнейшую жизнь. Царствующие особы никому не прощают поражений, и в тот вечер началось противостояние, которому суждено было длиться долгие годы... Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-12946-7

© Чедвик Э., 2000
© Азбука-Аттикус, 2000

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	43
Глава 6	51
Глава 7	57
Глава 8	65
Глава 9	77
Глава 10	83
Глава 11	91
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Элизабет Чедвик

Лорды Белого замка

Elizabeth Chadwick

LORDS OF THE WHITE CASTLE

Copyright © 2000 by Elizabeth Chadwick

All rights reserved

© Е. Кисленкова, перевод, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

Элизабет Чедвик живет в Ноттингеме со своим мужем и двумя сыновьями. Большую часть своих изысканий она осуществляет как член «Regia Anglorum» – реконструкторского общества, с особым вниманием относящегося к точному воссозданию прошлого. Она также преподает искусство сочинения исторических и любовных романов. Ее первый роман «Любовь по расчету» получил премию Бетти Траск. Элизабет была включена в шорт-лист Премии авторов любовных романов за «Завоевателя» в 1998 году. «Лордов Белого замка» в 2001-м, «Зимнюю мантию» в 2002-м и «Соколов Монтара» в 2003-м.

Ее шестнадцатый роман «Алый лев» номинировался Ричардом Ли, основателем «Historical Novel Society», как один из десяти лучших исторических романов за последние десять лет.

Подробнее об Элизабет Чедвик читайте на www.elizabethchadwick.com.

Несомненно, лучшая романистка, пишущая о Средневековье.
Historical Novel Society

Как всегда, Элизабет Чедвик предлагает великолепный роман о Средневековье, книгу, полную политических интриг и потрясающих описаний людей, которые окружали английский трон.

Historical-Fiction.com

Книги Чедвик не просто читают. В них живут.
Shelf and Staff

Автор, под пером которого чудесным образом оживают исторические события.
Times of London

Элизабет Чедвик описывает средневековую Англию с тем же блеском, что Филиппа Грегори – эпоху Тюдоров и Стюартов, а Бернанд Корнуэлл – Темные века.

Books Monthly (UK)

Глава 1

Вестминстерский дворец, декабрь 1184 года

Хотя полдень еще только миновал, угрюмый зимний день уже уступал место сумеркам. Дождь со снегом, прервавший упражнения на мечах, колотил в ставни стеклянными иголками. Горели все факелы и канделябры, каждой жаровне нашлась работа. За пределами очерченных ими кругов света и тепла, в лестничных пролетах и темных галереях растянувшегося во все стороны Вестминстерского дворца затаился промозглый холод, только того и ждущий, чтобы накинуться на каждого, у кого достанет глупости выглянуть наружу без плаща.

Сидя в оконном проеме Белого зала, Фульк прислушивался к завыванию ветра и полировал новый щит – подарок отца на день святого Мартина, когда ему исполнилось пятнадцать. Это был настоящий щит взрослого воина, разделенный на четыре части и украшенный изображением герба Фицуоринов – их фамильными цветами издавна были красный и белый. Фульк затирает на поверхности большие и маленькие царапины, полученные сегодня утром.

– Ага, две шестерки! Я выиграл! – раздался чей-то торжествующий голос.

Фульк поднял голову. Принц Иоанн сражался в кости со своими оруженосцами. И сейчас один из них, кудрявый молодой человек, звякнув монетками, сгреб со стола в ладонь горку денег. Принц Иоанн, юноша лет семнадцати, насупился, полез в висевший на поясе кошелек и подбросил на стол еще серебра.

Фульк с удовольствием присоединился бы к игрокам, однако, увы, все его богатство составляла одна-единственная серебряная монетка достоинством в полпенни. Борись юноши на руках, Фицуорин точно бы не остался в стороне. Как известно, госпожа Удача своенравна, а вот на собственную силу и ловкость Фульк вполне мог положиться, ибо обладал в избытке и тем и другим.

Когда чуть меньше года назад Фицуорин приехал в Лондон из Валлийской марки¹, остальные юноши поначалу обзывали его мужланом и деревенщиной. Они дразнили новенького, прятали одежду, ставили ему на лестнице подножки и выливали на него, спящего, содержимое ночного горшка. Им потребовалась неделя, чтобы на собственной шкуре узнать: все, что доставалось Фульку, возвращалось его обидчикам сторицей. Правда, его до сих пор продолжали называть Деревенщиной, но теперь уже это было просто прозвище, знак принятия Фицуорина в свою компанию, пусть даже и не совсем на равных.

Фульк получил место в свите Иоанна, поскольку король Генрих высоко ценил преданность семьи Фицуорин и потому оказал их старшему сыну величайшую милость. Фульк знал, что по доброй воле Иоанн никогда бы не выбрал его в товарищи, и антипатия их была взаимной. Молодые люди были почти ровесниками, но возраст оказался единственным, что их объединяло.

Фульк снова глянул на игроков. Иоанн перехватил его взгляд и недовольно сверкнул глазами:

– Ради Христа, прекрати уже миловаться с этим чертовым щитом и принеси мне вина! – Он поднял свой пустой кубок и помахал им. На среднем пальце блеснул перстень с аметистом; другой перстень, из массивного золота, украшал большой палец.

– Да, сир. – Фульк аккуратно отложил щит, взял с буфета кувшин и подошел к играющим.

¹ Валлийская марка – традиционное название областей на границе Англии и Уэльса. – Здесь и далее примеч. перев.

– Прикидываешь свои шансы, Деревенщина? – спросил кудрявый оруженосец. Фульк улыбнулся, и его орехово-серые глаза вспыхнули.

– Скорее, твои, Жирар. – Он кивнул на очередную горсть монет на столе. – На локотках я с тобой на эти деньги силой померяюсь, если захочешь. – И, налив вина Иоанну, он поставил кувшин на стол, предоставив остальным позаботиться о себе самим.

– Ну уж нет, я на эту удочку больше не попадусь! – фыркнул Жирар.

Фульк широко улыбнулся:

– А жаль.

Он согнул руку, и вздувшиеся мускулы тотчас натянули рукав.

Жирар ответил ему непристойным жестом и сгреб кости. Фульк задержался, посмотрел, как тот выбросил тройку и потерял весь выигрыш, а затем не спеша вернулся на место, к своему щиту.

Справа и слева от запертых ставней стояли две каменные скамьи с мягкими подушками, а между ними – игорный стол, на который мастер Гланвиль, учитель Иоанна, водрузил тяжелую деревянную шахматную доску.

Опершись на щит, Фульк задумчиво, с грустью, переходящей в пронзительную ностальгию, разглядывал фигуры из слоновой кости. В мечтах он перенесся домой, в поместье в Ламборне. Увидел мысленным взором лица младших братьев, играющих в бабки у очага. Отблески огня пляшут на их лицах. Мать читает при свечах и беззвучно проговаривает слова одними губами. Фульк вспомнил, как они с отцом играли в шахматы, сидя в оконном проеме, точно таком же, как этот. Он отчетливо представил, как отец напряженно морщит лоб и, поигрывая взятой у противника пешкой, обдумывает следующий ход. Фульк прекрасно сознавал, что издали все кажется более притягательным, чем на самом деле, но если он и приукрашивал сейчас образ родного дома, то не слишком. Фульк вздохнул. Не то чтобы он испытывал совсем уж невыносимую тоску, но все же ему частенько не хватало тепла и любви близких. Фульк нередко жалел, что отец принял решение отправить старшего сына в Лондон, изучать премудрости рыцарской службы среди высшей знати.

– Король Генрих оказал нашей семье великую честь, – в один прекрасный день прошлой весной сказал Фульк ле Брюн, вернувшись с аудиенции при дворе. Прямо с порога, не успев даже снять запыхавшуюся в дороге одежду, он объявил радостную новость: – Тебя не просто будет учить юстициарий Ранульф де Гланвиль, ты станешь общаться с влиятельными людьми, которые когда-нибудь, возможно, нам помогут.

Фульк помнил, как вспыхнуло тогда бледное лицо отца, а в его темно-карих глазах зажглась честолюбивая искорка.

– И Уиттингтон², – заключил он, – может снова стать нашим.

– А что такое Уиттингтон? – подал голос младший брат Фулька, четырехлетний Ален. В отличие от старших мальчиков, ему еще предстояло впитать в плоть и кровь историю громкого судебного процесса.

– Это замок и земли, которые принадлежат нашей семье, – пояснила мать, беря Алена на руки. – Твой прадедушка владел им много лет назад, еще во времена короля Генриха Первого. Потом началась война, и замок у него отняли да так и не вернули. Наш папа уже давно пытается забрать Уиттингтон обратно.

Это было что-то вроде сказки, рассказанной простыми словами, чтобы понял ребенок, и голос матери звучал ровно, без вражды и злобы, накопившихся за долгие годы борьбы.

– Да уж, слишком давно, – вставил Фульк ле Брюн. – Роджер де Поуис заявляет, что замок принадлежит ему, но на самом деле у него нет на Уиттингтон абсолютно никаких прав.

Помнится, Фульк тогда еще поинтересовался:

² В переводе со староанглийского языка «Whittington» обозначает «Белый город».

– Если король Генрих ценит тебя настолько высоко, что согласился взять меня в свиту принца Иоанна, то почему он не вернет тебе Уиттингтон?

– Не все решается словом короля, – ответил ему отец. – Свои законные права приходится доказывать в суде, а если вдруг дело окажется щекотливым или же судьи сочтут его надуманным, то рассмотрение этого дела могут и вовсе отложить, занявшись решением неотложных вопросов. Видит Бог, я приложил все силы, чтобы вернуть Уиттингтон. Генрих обещал мне содействие, но у короля, разумеется, есть заботы поважнее. – Он пристально посмотрел на Фулька, стиснул ему плечо, как мужчина мужчине, и сказал: – Ранульф де Гланвиль вправе рассмотреть нашу жалобу, а он будет твоим наставником. Ты уж, сынок, постарайся быть у него на хорошем счету.

И Фульк старался вовсю, и не только потому, что фамильной гордости у него было не меньше, чем у отца. Фульк вообще имел обыкновение, взявшись за какое-нибудь дело, выполнять его на совесть. Под руководством юстициария он научился виртуозно разбираться в тонкостях математики, а также здорово поднатерел в латыни и юриспруденции. Однако Фицуорин до сих пор не знал, доволен ли его успехами мастер Гланвиль, ибо наставник его был серьезным человеком средних лет, чрезвычайно скупым на похвалу.

Фульк отбросил со лба волосы и скривился. Не такая уж это великая привилегия – получать воспитание при дворе. Ему осточертело быть на побегушках у принца Иоанна. Дома Фулька любили и холили. Помимо всего прочего, он был старшим сыном и наследником земель и, сызмальства ощущая свой особый статус, добродушно верховодил пятью младшими братьями. Здесь же он оказался человеком низшего ранга, он был никто, и Иоанн помыкал им, как ему заблагорассудится.

Тут Фицуорин оторвался от невеселых размышлений: за игорным столом вдруг началась какая-то суматоха. Принц Иоанн вскочил, и кувшин, который Фульк только что по его приказу наполнил, свалился на пол.

– Ах вы, подлые воры, шлюхины дети, а ну вон отсюда, все! – Иоанн в бешенстве указал на дверь. – Вымогатели, и больше ничего! Да каждый из вас и ночного горшка не стоит!

Фульк выскользнул из своего угла и собрался было последовать за остальными, но не тут-то было.

– Эй, Деревенщина, а ты останься! – прорычал Иоанн. – Принеси мне еще вина!

– Да, сир.

С невозмутимым выражением лица Фульк нагнулся к кувшину, валявшемуся на тростнике у ног Иоанна. На позолоченном серебре виднелась уродливая выбоина.

– Не надо было оставлять его на столе, – с раздражением заметил принц. – Поскольку это ты виноват, то и заплатишь за новый кувшин.

Благоразумнее было бы промолчать, но Фульк не смог сдержаться:

– Это несправедливо, сир.

Иоанн, прищурившись, посмотрел на него:

– Ты что, споришь со мной?

Фульк встал, держа в руках помятый кувшин, и оказался лицом к лицу с принцем.

– Да, я оставил кувшин здесь, хотя следовало бы вернуть его на буфет, но я не сбрасывал его со стола.

Иоанн угрожающе наставил на собеседника указательный палец:

– Ты заплатишь, и точка! Разговор окончен. А теперь принеси еще вина, и поживее!

Не слишком утруждая себя поклоном, Фульк быстро вышел из зала. Несмотря на зимний холод, он весь так и пылал от ярости.

– Ни единого фартинга я тебе не заплачу, – пробормотал он, стрелой вылетев в соседний зал, и быстро зашагал к столу батлера.

– Для принца Иоанна, – деревянным голосом сообщил Фульк слуге, протягивая кувшин.

Батлер, поджав губы, неодобрительно осмотрел вмятину:

– Как это получилось?

– Случайно.

Хотя Фульку хотелось задушить Иоанна, в присутствии посторонних юноше пришлось прикусить язык. И оттого что он вынужден был помалкивать, гнев его разгорелся еще жарче.

– За месяц это уже третья «случайность». – Батлер поднес сосуд к бочке и повернул кран. – Кувшины, знаешь ли, у нас тут не на деревьях растут. Между прочим, вещь дорогая, полмарки стоит, не меньше.

«Это почти семь шиллингов, – мрачно подумал Фульк, – недельное жалованье конного сержанта»³. Такая сумма была для него огромной: теперь, чтобы раздобыть деньги, придется либо просить помощи у отца, либо целую неделю бороться на руках.

Хотя Иоанн велел ему поторопиться, Фицуорин медлил с возвращением в королевские покои, давая тому время успокоиться. Он преуспел, но лишь отчасти. Когда юноша постучал в дверь и вошел с кувшином вина, от негодования принца остались только тлеющие угольки.

Иоанн отпер ставни на том окне, рядом с которым стояла шахматная доска, и теперь, опершись о камень, мрачно вглядывался в бурную тьму. Гонимые ветром стрелы дождя со снегом проносились мимо. Дворы и дорожки были погружены в темноту – в такую погоду задует любой факел, – но окна залов, где находились люди, отбрасывали тусклый мерцающий свет, и под навесом в углу двора часовые поставили себе жаровню с углями. Вдалеке, словно темные драгоценные камни, поблескивали огромные окна аббатства.

Иоанн обернулся. Одну руку, сжатую в кулак, он заткнул за пояс, другой оперся о ставень.

– Долго же ты ходил.

– У батлера ждали очереди и другие люди, сир, – солгал Фульк и налил Иоанну в кубок вина. – Теперь я могу уйти?

Он попытался произнести это равнодушно, так, чтобы в голосе его не сквозила надежда, но, заметив, как выражение лица Иоанна становится суровым и зловещим, понял, что выдал себя.

– Нет, Деревенщина, тебе придется остаться и составить мне компанию. Ты и так без должного усердия отрабатываешь свой хлеб. – Принц указал на кувшин. – Налей себе. Не люблю пить один.

Фульк неохотно плеснул вина в один из пустых бокалов, оставшихся после оруженосцев. Ветер трепал настенные гобелены и колыхал пламя оплывающих в светильниках свечей, грозя погрузить комнату в темноту.

– Сколько у тебя братьев, Деревенщина?

Фульк секунду помедлил, пытаясь сообразить, что на уме у принца, но понял лишь, что настроение у того скверное.

– Пятеро, сир.

– И что они наследуют?

– Я не знаю, сир. Это будет решать наш отец, – осторожно ответил Фульк.

– Брось. Ты его старший сын и наследник. Все отойдет тебе.

Фицуорин пожал плечами:

– Может, и так, но никто из моих братьев не будет нуждаться.

³ *Сержант* – в средневековой Англии землевладелец, за право владения землей несущий ту или иную службу для своего сеньора.

– Полагаешь, ни один из них не станет возмущаться тем, что ты получаешь львиную долю наследства? По-твоему, остальным не будет обидно?

Иоанн небрежно провел пальцами по кожаной обивке щита, который Фульк поставил на скамью.

– Во всяком случае, не настолько, чтобы между нами надолго установилась неприязнь, – сказал он. – Даже если я порой и ссорюсь с братьями, все равно, кровь не вода. Родственные чувства очень много значат.

– Неужели? – с мрачной иронией поинтересовался Иоанн.

– В нашей семье – да.

Фульк глотнул вина, чувствуя, что ступил на скользкую почву. Его собеседник, младший из детей Генриха, родился уже после того, как семейное наследство было поделено между остальными сыновьями, и никто из них не желал уступать своего ни на йоту. Иоанна называли Безземельным, иногда – в лицо. И теперь, глядя в непролазную тьму за окном, ощущая на лице уколы приносимого ледяным ветром дождя и снега, Фульк начал понимать, почему именно он стал для принца козлом отпущения. Неудивительно, что человек, который имел счастье родиться первым в большой семье и тем самым надежно обеспечил себе наследство, раздражал Иоанна.

– Отец говорит, что все мы единый организм. Голова не может существовать без туловища и конечностей. И если ты что-то делаешь для одного, то делаешь это для всех.

– «Отец говорит», – передразнил его Иоанн. – Ты хоть сам замечаешь, насколько часто это твердишь? Вечно ссылаешься на своего папашу!

Фульк побагровел:

– Если даже и так, то лишь потому, что он говорит разумные вещи.

– Или потому, что ты ребенок, который так и не научился думать самостоятельно.

Иоанн бросил на него презрительный взгляд и отгородился ставнями от беснующейся снаружи непогоды. Свечи перестали оплывать, и в комнате внезапно установилась тишина, насквозь пропитавшаяся дымным запахом горящего воска. Принц угрюмо сел за шахматную доску и тронул слона.

Фульк с нетерпением ждал, когда прозвучит рог, зовущий к ужину. Судя по сгустившимся сумеркам, это должно было произойти уже скоро.

– Давай заключим пари, Деревенщина? – Иоанн жестом пригласил его за доску.

– Пари? – У Фулька упало сердце. Он взял щит и положил руку на обитую кожей липу, словно бы изгоняя следы прикосновения Иоанна.

– Сыграем в шахматы, и если ты выиграешь, то я прощу тебе испорченный кувшин.

От Фулька не укрылась язвительная нотка в голосе Иоанна. Принц был великолепным шахматистом, причем их общий наставник, мастер Гланвиль, постоянно совершенствовал и оттачивал его умения. Фульк же, прямо скажем, хотя и любил играть в шахматы, однако особыми успехами в этом деле похвастаться не мог. Опыта у него было маловато, да и в теории Фицуорин силен не был. Правда, он обладал способностью быстро принимать решения.

– Как вам будет угодно, сир, – покорно произнес Фульк и сел за стол.

Иоанн оглядел его с высокомерной улыбкой и развернул доску так, чтобы играть белыми.

– Первый ход мой, – объявил он.

Фульк еще раз наудачу дотронулся до своего щита. Он понимал, что при любом раскладе не окажется в выигрыше. Если проиграет Иоанну, придется искать деньги на кувшин. Если же вдруг одержит победу, принц наверняка изобретет другие, более тонкие, более зловещие способы наказания. Самый безопасный для него вариант – как можно быстрее проиграть партию, а потом осыпать принца лестью. Так поступил бы любой из окружения Иоанна.

Рассудив так, Фульк потянулся было к коню, искренне намереваясь поддаться, но тут врожденное упрямство заставило его против воли изменить ход. В результате он бросил противнику открытый вызов.

Иоанн прищурился: подобного он никак не ожидал.

– Где это ты такому научился? – спросил принц.

– У отца, – нарочно ответил Фульк.

Ну до чего же странно! Стоило Фицуорину только вступить в битву, как он почувствовал, что внутри у него вместе с упомянутым уже упрямством неуклонно нарастают уверенность и чувство превосходства. Он играет не хуже Иоанна, только по-другому, вот и все. Фульк рассудил, что если он будет следовать тактике Иоанна, то потерпит поражение, вне зависимости от результата. Но если станет играть по собственным правилам, то обретет свободу – и тогда будь что будет.

Иоанн пытался загнать Фулька в угол, но тот не давался, делая мелкие выпады, которые постоянно разрушали замыслы противника. Принц все больше досадовал, чувствуя, что не в силах предвидеть смелые ходы Фулька. Утратив контроль над ситуацией, Иоанн опустошил еще два кубка вина; он нервно теребил перстни и пощипывал скудную черную поросль на подбородке. Выражение лица принца с каждой секундой становилось все более угрожающим.

Фульк сделал ход слоном и объявил:

– Шах.

А еще через два хода будет мат, и тут уж его противник ничего поделать не сможет.

Иоанн в изумлении и ярости смотрел на доску. А когда просчитал ходы, как чуть раньше это сделал Фульк, у него задержались веки и на скулах заходили желваки.

– Кажется, папаша тебя заодно и мухлевать научил, – произнес он дрожащим от ненависти голосом.

Фульк сжал кулаки, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не врезать Иоанну по зубам.

– Я выиграл честно, – заявил он. – И вы не имеете права клеветать на моего отца, чтобы оправдать свой проигрыш.

Иоанн вскочил на ноги. От яростного удара кулака шахматные фигурки разлетелись в стороны.

– Я имею право делать все, что захочу!

– Только не по отношению ко мне и моим близким! – Фульк тоже вскочил, и глаза его потемнели от ярости. – Пусть в жилах ваших и течет королевская кровь, но сейчас я последнего мусорщика готов уважать больше, чем вас!

Иоанн взвыл. Схватив обеими руками шахматную доску, он со всей силы ударил ею Фулька по лицу.

Переносица хрустнула. Фульк пошатнулся от столь яростного удара. По лицу его, мешаясь с жаром хлынувшей крови, стремительно разливался холод онемения. Фицуорин провел рукой по переносице и теперь в изумлении разглядывал окрасившиеся алым пальцы.

Иоанн снова бросился на него. Фульк уклонился от удара и пнул противника. Тот пошатнулся. Под ногу ему попала одна из шахматных фигурок, и принц рухнул навзничь, с глухим ударом стукнувшись головой об оштукатуренную стену. Колени его подогнулись, и он повалился на пол, как бык на бойне.

– О Господи! Ну и дела! – судорожно выдохнул Фульк и, наскоро промокнув нос рукавом, неверными шагами подошел к распростертому на полу телу Иоанна и наклонился над ним.

С перепугу юноша решил было, что случайно убил принца, но затем он увидел, что грудь лежащего мерно поднимается и опускается, а приложив ладонь, почувствовал резкое биение пульса на шее, рядом со шнуровкой рубашки.

– Сир, очнитесь! – в отчаянии воскликнул Фицуорин.

Со все возрастающим страхом он потряс принца за плечо. Вот ужас-то! Это надо же было так влипнуть!

Иоанн застонал, но глаз не открыл. Капли крови, льющейся у Фулька из носа, падали на синюю котту принца, пропитывая дорожную ткань липкой влагой. Фульк, пошатываясь, подошел к буфету, налил себе вина и залпом выпил его, чувствуя на языке привкус крови. Потом снова наполнил кубок и принес его Иоанну. Приподняв лежащего принца за плечи, смочил ему губы вином.

Щелкнула задвижка, и дверь отворилась. Ранульф де Гланвиль и его племянник Теобальд Уолтер, еще один наставник Иоанна, обучающий принца фехтованию, в изумлении остановились на пороге.

– Господь милостивый! – воскликнул Теобальд Уолтер, от удивления широко распахнув свои серые глаза. – Что здесь происходит?

Фульк сглотнул.

– Его высочество ударился головой, а я никак не могу привести принца в чувство. – Собственный голос странно зазвенел у него в ушах, а слова были неразборчивы от крови, забившей нос.

– И как же это с ним произошло?

Лорд Уолтер твердым и властным шагом прошел в комнату. Он уже успел сменить гамбезон на котту из малиновой шерсти, до колена длиной – такие носили придворные. Правда, на боку у него по-прежнему висел меч, но лишь для того, чтобы обозначить статус, а вовсе не потому, что лорд Уолтер собирался пустить его в ход. Ранульф де Гланвиль осмотрительно закрыл за собой дверь.

– Я... мы... э-э-э... Тут у нас случилось небольшое разногласие, и мы подрались, – произнес Фульк, чувствуя себя прескверно. Тяжелая пульсирующая боль словно бы молотом безжалостно колотила по переносице.

Лорд Уолтер смерил его тем же оценивающим взглядом, каким во время учебных боев изучал оруженосцев на поле.

– Подрались, значит, – повторил он. Теобальд Уолтер говорил тихо и учтиво. Этот человек вообще никогда не кричал и не выходил из себя. Одного движения брови, блеска глаз было достаточно, чтобы оруженосцы выстроились в шеренгу и замерли. – И по какой же причине, позвольте узнать?

Он присел на корточки рядом с Фульком, чуть хрустнув коленями. Для своего возраста – а Уолтеру уже исполнилось тридцать девять – он хорошо сохранился, но промозглый лондонский климат не щадил даже самых крепких людей.

Фицуорин плотно сжал губы.

– Ну же, юноша, не молчите, – строго произнес лорд Уолтер. – Лучше скажите правду: искренность сослужит вам лучшую службу, нежели молчание.

Он осторожно повернул набок голову Иоанна и обнаружил под волосами вспухающий синяк. Потом принялся к дыханию принца и, скривившись, отстранился.

Фульк знал, что во время занятий по фехтованию Теобальд всегда сохраняет невозмутимость и поступает по справедливости. Поэтому он ответил, глядя барону прямо в глаза:

– Мы сражались в шахматы, и принц обвинил меня в нечестной игре, а когда я, возмущившись, стал отрицать свою вину, ударил меня доской. И тогда... – Фульк стиснул зубы, вздохнул и честно завершил свое признание: – И тогда я тоже ударил, защищаясь, а он упал на спину и разбил голову.

– Насколько там все серьезно? – Поглаживая аккуратную седую бородку, де Гланвиль подошел поближе и встал у ног принца. Лицо его являло удивительную смесь из двух, казалось бы, взаимоисключающих эмоций: озабоченности и отвращения.

– На затылке шишка размером с кулак, но, мне кажется, пока нет оснований посылать за священником. То, что принц потерял сознание, произошло отчасти потому, что он пропитан вином, как селедка рассолом. – Теобальд коротко глянул на дядю, затем снова на Фулька и заключил: – Боюсь, нос у этого юноши уже никогда больше не будет сидеть на лице так ладно, как сегодня утром.

Де Гланвиль поднял с пола деревянную шахматную доску, внимательно изучил трещину, пробежавшую посередине. И поинтересовался:

– А где остальные? – Его голубые глаза были ледяными.

– Его высочество приказал всем уйти, сэр.

Фульк стоял перед юстициарием, чувствуя себя заблудшей душой у Трона Господня в Судный день.

– Я бы тоже ушел, – добавил он, – но принц захотел еще вина... а потом – чтобы я сыграл с ним в шахматы.

Иоанн застонал и открыл глаза. Взгляд их неуверенно сфокусировался на Фульке, который все еще стоял, наклонившись над ним.

– Ты, ублюдок, отродье поганой шлюхи! – выдохнул принц, повернулся на бок, и тут его стошнило прямо на тростниковую подстилку: сказывалась недавняя попойка. – Уж будь уверен, я позабочусь о том, чтобы с тебя спустили твою поганую шкуру!

– Учитывая ваше состояние, милорд, вы можете заботиться лишь о собственном проломленном черепе, – холодно произнес де Гланвиль и добавил, повернувшись к Теобальду: – Заберите Фицуорина и приведите его в порядок. Когда закончите, отыщите остальных членов свиты. С этой историей мы разберемся потом.

Будучи на двадцать лет старше Теобальда, де Гланвиль предпочел не опускаться на колени рядом с Иоанном, а сел на обитую тканью скамью, сурово буравя глазами лежащего на полу юношу.

Теобальд встал и потянул Фулька к выходу.

– Идем, – строго, но беззлобно сказал он.

Когда Фульк в сопровождении Теобальда покидал комнату, он услышал, как Иоанн капризно и сердито потребовал:

– Я хочу видеть отца!

Фульк, весь дрожа, следовал за Теобальдом по огромному залу, примыкавшему к покоям Иоанна. Боль в бешеном ритме пульсировала между глаз, и дышать приходилось ртом. Во рту стоял приторный металлический привкус крови.

– Думаете, он и правда пожалуется королю?

– Зная принца Иоанна, лично я в этом нисколько не сомневаюсь.

Фульк промокнул нос и посмотрел на красное пятно на тыльной стороне ладони.

– Меня, наверное, выгонят из свиты принца, – мрачно сказал он.

– Вполне возможно, – покосился на него Теобальд. – А ты сам захотел бы остаться после всего, что произошло?

– Отец говорит, что получать воспитание при дворе короля Генриха – это уникальный шанс и великая честь для нашей семьи.

Сказав это, Фульк вдруг понял, что недавняя насмешка Иоанна имела под собой основание. Он и впрямь то и дело цитирует отца.

– Он в целом прав, – сухо произнес Теобальд, – но вот только ошибается насчет цены.

– Прошу прощения, милорд? – не понял юноша.

– Да так, ничего.

Теобальд внезапно остановился и, издав восклицание, в котором смешались раздражение и удовлетворение, резко повернулся влево. В одной из ниш, образованных поддерживающими потолок колоннами, продолжалась игра в кости. Жирар де Мальфе опять выигрывал.

– Хватит уже ерундой заниматься. – Теобальд подошел к юношам и встал, заложив руки за пояс. – Отправляйтесь к своему господину и исполняйте его приказания.

– Но он сам отослал нас, милорд, – запротестовал Жирар слишком громким от выпитого голосом.

– А я отсылаю обратно. Милорд де Гланвиль ждет вас там. Давайте пошевеливайтесь, а то заставлю вас целую неделю драить шлемы. Кувшин оставьте здесь. И так уже достаточно бед натворили.

Жирар принялся неловко распахивать по карманам свой выигрыш. В какой-то момент он поднял голову, собираясь, видимо, что-то возразить Теобальду, и тут заметил Фулька, стоявшего позади барона.

– Боже милостивый, Деревенщина! – Он изумленно разинул рот. – Что это с тобой стряслось?

Теперь Фулька разглядывали уже все оруженосцы.

– Я оступился, – ответил он.

Теобальд показал большим пальцем через плечо и рявкнул:

– А ну, живо!

Нетрезво галдя, молодые люди побрели прочь. Теобальд помотал головой, словно бык под плетью погонщика.

– Боже сохрани, если мне хоть когда-нибудь, даже в глубокой старости, придется полагаться на такой сброд, – простонал он.

На Фулька волной нахлынуло головокружение, и он пошатнулся. Теобальд подхватил его:

– Аккуратней, парень. Давай-ка держись. Ты же не красна девица, чтобы падать в обморок мне на плечо.

От такой насмешки у Фулька потемнело в глазах, и он выпрямил спину:

– Можете во мне не сомневаться, милорд! Я великолепно себя чувствую!

Это была неправда, но собственная гордость и крепкая рука Теобальда помогли Фицуорину устоять на ногах.

В серых глазах барона зажглась искорка одобрения.

– Ну что же, – сказал он. – Пожалуй, среди этих никчемных болванов все-таки есть хоть один, на кого можно положиться.

Глава 2

Пока Фульк и Теобальд шли по двору, ветер с реки изо всех сил хлестал их по лицу снегом и дождем, так что юноше уже начало казаться, что голова его сейчас расколется на части. Когда они вошли наконец под благословенное укрытие деревянной постройки позади дворца, бедняга уже мало что соображал: лишь смутно помнил, как Теобальда приветствовали другие лорды, как они бросали в сторону Фицуорина любопытные взгляды и задавали вопросы, которые его наставник пресекал вежливо, но односложно. Тяжелый шерстяной полог отодвинулся в сторону, и Теобальд провел Фулька в маленькую импровизированную спальню.

Щедро наполненная жаровня источала приятное тепло. Крупные угли просвечивали через дно красными драконьими глазами. Усевшись на дубовый дорожный сундук, оруженосец лорда Теобальда, которого Фульк прежде видел лишь мельком, настраивал мавританскую лютню. В комнате стояла походная кровать, застеленная одеялами и покрывалом из зеленого фламандского сукна. На ней сидел священник в вышитом далматике архидьякона и при свете толстой восковой свечи читал пергаментный свиток.

Теобальд удивленно уставился на занявшего его кровать человека.

– Хьюберт? – произнес он, словно не веря своим глазам. – Ты, что ли?

Священник поднял глаза и улыбнулся. На упитанных щеках его появились две глубокие складки.

– Неужто я за год настолько переменялся?

Он встал, и комната и все присутствующие в ней сразу показались миниатюрными из-за его высокого роста и внушительных габаритов.

– Да нет, пожалуй, – ответил Теобальд, быстро приходя в себя. – Просто не ожидал увидеть тебя сегодня вечером, братец.

Мужчины крепко обнялись, хлопая друг друга по плечу. Когда они стояли рядом, фамильное сходство становилось очевидным, несмотря на разницу в телосложении. Те же лоб и нос, одинаковая манера улыбаться.

– Я как раз успел к службе девятого часа в аббатстве, – пояснил Хьюберт Уолтер. – У меня там есть где переночевать, но сперва я решил посмотреть, как ты и дядюшка Ранульф уживаетесь со всем этим дьяволовым отродьем. Я уже собирался отправить твоего слугу, молодого Жана, на поиски господина.

Теобальд коротко и невесело рассмеялся.

– «Дьяволово отродье» – лучше не скажешь! Одному Богу ведомо, что произойдет, когда придут Ричард и Жоффруа.

– Для того мы все и собрались – выступить свидетелями, когда будет решаться вопрос о наследовании принца Иоанна.

Архидьякон показал на Фулька, который дрожал у жаровни, и поинтересовался:

– Тео, а это что за юноша? И почему он выглядит так, словно только что вернулся с поля боя?

Теобальд скривился:

– В каком-то смысле именно так оно и есть. И поскольку я наставник этого молодого человека – имею честь обучать его фехтованию, – то несу за него ответственность. – Он сделал Фульку знак подойти и велел: – Вырази свое почтение архидьякону Йоркскому. – А затем повернулся к Хьюберту. – Это Фульк Фицуорин из Ламборна, сын Фулька ле Брюна. Он состоит в свите принца Иоанна и служит семейству Ранульфа.

– Ваша милость, – еле ворочая языком, произнес Фульк и преклонил колено, целуя кольцо архидьякона.

– И кажется, бедняга сломал нос и заработал как минимум два фингала, – сказал Хьюберт. Своей огромной ручищей он взял Фулька за подбородок и внимательно осмотрел его. – Как это тебя угораздило?

– Играл в шахматы, ваша милость.

Брови Хьюберта поползли вверх, встретившись с коричневым обрамлением его тонзуры.

– В шахматы?

– С принцем Иоанном, – уточнил Теобальд и щелкнул пальцами своему оруженосцу. – Жан, принеси воды и какую-нибудь тряпку.

– Вот как? – сказал архидьякон. – Не слишком ли бестактно с моей стороны будет поинтересоваться, кто выиграл?

– К сожалению, решать это будет более широкое собрание, если принц добьется своего, – неприязненно произнес Теобальд. – А пока просто скажем, что наш юный друг не остался в долгу.

– Я понял. – Хьюберт скатал пергамент и сунул его себе за рукав. – Противники разошлись полюбовно.

– Не то чтобы полюбовно, но вряд ли эта история послужит хорошим аргументом в пользу амбиций принца – он ведь заявил, что уже достаточно зрел, чтобы ему позволили владеть собственными землями, – особенно после эскапад его старшего брата, и все мы хорошо знаем, чем они закончились.

Это был намек на наследника престола, сына и тезку покойного Генриха II Плантагенета, которому, дабы не путать его с отцом, дали прозвище Генрих Молодой Король. Полтора года назад этот никчемный и ограниченный молодой человек, вечно враждовавший со своими родными за земли и влияние, умер в Аквитании от дизентерии.

– Иоанну следует винить во всем лишь себя самого! – раздраженно крикнул Теобальд.

– Вот уж чего он никогда не сделает. Только такие люди, как мы, Тео, и сдерживают неуравновешенность его анжуйского нрава.

Хьюберт снял с кровати свой плащ и облачился в него.

– Прогуляйся со мной до аббатства, – попросил он брата. – Мальчиком может заняться твой оруженосец, а мое жилье лучше, чем это.

Теобальд подумал и кивнул.

– Жан, постели еще одну постель, – распорядился он. – Пусть Фульк располагается здесь на ночлег.

– Да, сэр. – Оруженосец перестал рыться в сундуке и выпрямился, держа в руках латунный кувшин и льняную тряпицу. – А как же ужин?

– Я поужинаю у архидьякона. А тебе советую принести еду для себя и Фулька сюда.

На подвижном лице оруженосца отразилось разочарование.

– Жан, это приказ! – строго сказал Теобальд. – Достаточно уже на сегодня происшествий, не стоит лишний раз искушать судьбу. Нынче вечером в общем зале вам лучше не ужинать.

– Да, сэр.

Голос и облик Жана выражали полнейшее смирение. Теобальд еще раз напоследок погрозил юноше пальцем и вышел вместе с братом из комнаты.

Когда дверной полог, колыхнувшись, замер, Жан выругался.

Фульк кашлянул:

– Иди занимайся своими делами. Я и сам справлюсь.

Его собеседник хмыкнул, скривив тонкий изящный нос:

– Ты когда-нибудь видел труп, с которого содрали кожу? Зрелище не из приятных. – Он склонил голову к плечу, и в его темных глазах сверкнули искорки. – Ты пока что еще, слава

Богу, не труп, однако видок у тебя, между нами говоря, еще тот. – Он подошел к Фульку с кувшином и тряпицей. – Я правильно понял, что ты подрался с принцем Иоанном?

– У нас возникли некоторые разногласия, – уклончиво ответил Фульк.

С тех пор как Фицуорин прибыл ко двору, его чистая, доверчивая душа постоянно подвергалась такой же суровой муштре, как и тело.

– Да уж, – хмыкнул Жан, – похоже, ты сильно поскромничал, назвав это словом «разногласия». – И он наклонился к Фульку.

Тот весь напрягся, ожидая боли, но Жан осторожно стер запекшуюся кровь и осмотрел его рану, сделав это удивительно мягко и умело.

– У тебя останется интересная горбинка на переносице, – объявил он. – Не хотел бы я играть в шахматы по твоим правилам.

Фульк осторожно потрогал рукой лицо. Переносица сильно распухла, и место перелома было крайне болезненным на ощупь.

– Правила устанавливал вовсе не я, а Иоанн, – устало сказал он.

Оруженосец понимающе завел глаза к небу:

– Я видел его приемы на тренировочной площадке. Лорд Теобальд говорит: ни дисциплины, ни благородства.

Фульк живо согласился, но тут же нахмурился:

– Разумно ли распускать язык перед совершенно незнакомым человеком? А если я пойду к Иоанну и повторю ему все, что ты тут наболтал?

– Господи Иисусе, да я бы не удержался в оруженосцах у лорда Теобальда дольше, чем горит свеча, если бы не знал, когда можно говорить спокойно, а когда следует попридержаться вожжи! – усмехнулся Жан, демонстрируя великолепные белые зубы. – Между прочим, я и тебя тоже видел на площадке. И лорд Уолтер тебя хвалил. Держи-ка! – Он сунул в руку Фулька кубок. – Выпей. Может быть, совсем боль и не уйдет, но уж точно ее смягчит.

Фульк с трудом улыбнулся. Он сделал глоток, и жар обжег ему глотку, а на языке остался сладкий привкус.

– Что это?

– Голуэйский вересковый мед, – пояснил Жан. – Ох и сильное средство! Дает такой пинок, что будешь лететь до завтра.

Он налил и себе, отсалютовал Фульку кубком и в один прием опрокинул его содержимое в свою крепкую молодую глотку. Затем опустил кубок на колено и протянул гостью свободную руку:

– Я Жан де Рампень, оруженосец и слуга лорда Теобальда Уолтера. Если мой французский кажется тебе странным, то это потому, что я говорю с аквитанским акцентом, как и моя покойная мать. Она была родом из тех мест, но вышла замуж за английского рыцаря – ну прямо как королева Алиенора Аквитанская за короля Генриха. К счастью, у меня нет братьев, оспаривающих мое право наследования. – Он ослепительно улыбнулся. И, выдержав для лучшего эффекта короткую паузу, добавил: – К сожалению, и наследовать мне тоже нечего.

Фульк пожал протянутую руку, слегка ошарашенный словоохотливостью оруженосца, который на учебной площадке предпочитал помалкивать. Он сделал еще один глоток, чувствуя, как теплота меда жидким золотом растекается по телу. Одно из двух: либо Жан прав и мед действительно приглушает боль, либо он начал привыкать к постоянному пульсированию в пострадавших костях и мышцах. Так или иначе, но ему стало легче.

– А у меня есть братья, – сказал Фульк, – целых пятеро. Но, слава Богу, никто из них не похож на Иоанна... Хотя не знаю. Насчет Алена сказать трудно, ему всего лишь четыре года.

– Возможно, сходство и впрямь есть, поскольку Иоанн порой ведет себя как четырехлетний ребенок, – подмигнул Жан.

Фульк прыснул было, но его веселье быстро прекратила мучительная боль в носу.

– Перестань, – попросил он.

– Но это правда. Лорд Теобальд всегда так говорит.

«Лорд Теобальд говорит... Отец говорит...» Фульк поморщился. Похоже, каждый человек испытывает потребность апеллировать к некоему авторитету, и так вплоть до наивысшего из возможных. Он сделал еще глоток и удивился, заметив, что чаша почти опустела.

– Я не знал, что брат лорда Теобальда – архидьякон Йоркский, – сказал он, чтобы сменить тему.

Жан вернулся к сундуку и взял лютню.

– Со временем этот человек пойдет еще дальше, – заметил юноша, расправляя красные и синие ленты на грифе инструмента. – Я точно знаю, что их дядя Ранульф надеется рано или поздно передать Хьюберту пост юстициария.

– Я думал, этот пост не наследуется.

– Формально не наследуется, однако каждый юстициарий заблаговременно готовит себе преемника, и, как правило, это оказывается его родственник. Помяни мое слово, следующим юстициарием будет Хьюберт. Он достаточно для этого образован, и у него есть мозги, – Жан постучал себе по лбу, – которые ему потребуются, когда он будет иметь дело с королем Генрихом и его сыновьями.

– Да уж, ему придется быть не архидьяконом, а святым, – кивнул Фульк.

От крепкого меда закружилась голова, язык спотыкался о слова. Живот громко заурчал: за всеми перипетиями сегодняшнего дня Фицуорин совсем забыл, что, кроме завтрака, сегодня ничего не ел.

Вскочив с сундука, Жан забрал у Фулька пустую чашу.

– Теперь надо перекусить, – сказал он. – А не то мед, минувя завтрашний день, забросит тебя куда-нибудь аж на середину следующей недели. Пошли.

Фульк недоуменно посмотрел на него:

– Но лорд Теобальд запретил нам уходить, а ты еще ответил, мол, пусть с тебя живого кожу сдерут, если ты его ослушаешься.

Жан развел руками:

– Мой господин имел в виду, что нам не стоит показываться в общем зале. Если только ты не отделал Иоанна как следует – ну, так, чтобы он слег в постель, – принц, скорее всего, будет в зале. Однако лорд Теобальд не станет возражать, если при этом нас никто не увидит.

Вообще-то, у Фулька еще оставались сомнения, но голод вкупе с энтузиазмом Жана убедили его. Грех было не воспользоваться ситуацией. К тому же Фульк не сомневался, что в случае необходимости сумеет за себя постоять.

– И куда же мы пойдем? – поинтересовался он.

– На кухню, – ответил Жан, – куда же еще?

Судя по теплоте приему, де Рампеня хорошо знали на местной кухне. Правда, старший повар, озабоченный приготовлениями к дворцовому пиру, велел юношам не болтаться под ногами и не мешать, но одна сердобольная краснолицая женщина нашла для них местечко в уголке. Не обращая внимания на знатное происхождение обоих юношей, кухарка велела им очистить миску вареных яиц – деликатес для почетных гостей, ибо яиц в это время года было мало.

– Хотите получить ужин – заработайте его, как все делают, – добродушно сказала она по-французски с ярко выраженным саксонским акцентом.

Рукой, от которой сильно пахло луком, кухарка наклонила Фулька голову и внимательно взгляделась в его лицо:

– Святые угодники! Мальчик мой, где же это тебя угораздило?

Не успел Фульк решить, как следует поступить: дать женщине приличествующий случаю благопристойный ответ или же сказать, чтобы кухарка не совалась не в свое дело, – как подал голос молодой человек, сервировавший стол для почетных гостей:

– Да я же тебе о нем рассказывал, Марджори. Это тот самый парень, который чуть не вышиб мозги принцу Иоанну.

– Вообще-то, дело было не совсем так, – запротестовал Фульк, с тревогой и любопытством прикидывая, как это новость могла распространиться столь быстро.

– А жаль, что не вышиб, – ехидно заметила Марджори. – И тебе тоже, кажется, досталось.

– Я...

– Принц ударил его по лицу шахматной доской, – поведал юноша с удовольствием человека, которому есть что рассказать слушателям.

– Не обязательно подслушивать под дверью, чтобы узнать сплетни. Можно просто посидеть тут часок, – ухмыльнулся Жан и постучал яйцом о край миски. – Тебе все доложат в лучшем виде: чья жена с кем спит, кто при дворе в фаворе, а кто – в немилости и даже какого цвета была утренняя моча короля. – Он улыбнулся, получив от Марджори шуточный подзатыльник. – И кормят здесь лучше, чем за королевским столом, пусть даже и заставляют сперва чистить яйца.

– Принцу Иоанну тоже не помешало бы поработать. Жаль, конечно, паренек, что ты так пострадал, но я очень рада, что у тебя хватило смелости дать ему сдачи, – заявила Марджори, одобрительно кивая Фульку. – Ему еще в детской надо было вдолбить, что значит прилично себя вести. Я так скажу: королева Алиенора родила на одного ребенка больше, чем следовало.

– Ходят слухи, что и сама королева Алиенора тоже так думает, – вставил Жан. – Она была уже не первой молодости, когда носила Иоанна. А король тем временем резвился с молодой любовницей.

– Да? Ну тогда неудивительно, что мальчишка стал паршивой овцой, – хмыкнула Марджори. – Ох и семейка! Родители вечно ссорятся, братья враждуют. Легко поверить в сказку о том, что они ведут свой род от дьявола. – И кухарка перекрестилась.

– В какую еще сказку? – заинтересовался Фульк.

Марджори поставила перед юношами блюдо, щедро выложила на него два больших куска свинины в остром соусе, тушившейся в одном из котлов, прибавила по ломтю пшеничного хлеба. Фульку, которого уже мучило от голода, не потребовалось дважды повторять приглашение. Он схватил нож и ложку и немедленно приналег на еду, только за ушами трещало.

Кухарка принесла еще одну миску яиц, села их чистить и завела рассказ:

– Когда-то давным-давно один из предков Генриха, граф Анжуйский, влюбился в молодую женщину, необычную и прекрасную.

Марджори заговорила чуть громче, чтобы всем вокруг было слышно. Песни и сказки были неотъемлемой частью работы на кухне. Они помогали скоротать время, да и работалось под них приятнее.

– У нее были светлые волосы с серебряным отливом, словно бы сотканые из лунного света, и зеленые глаза, такие глубокие, что любой мужчина запросто мог в них утонуть. Граф женился на своей избраннице, и у них родилось двое детей: мальчик и девочка, оба такие же пригожие, как и мать. И все бы хорошо, да вот только госпожа упорно не желала ходить в церковь. А если иной раз и приходила, то никогда не оставалась на мессу, но всегда выскальзывала в боковую дверь еще до начала приготовления даров. Друзья графа заподозрили, что ее красота и власть над супругом имеют сверхъестественную природу: говорили, что, мол, прекрасная графиня – чернокнижница.

Тут кухарка для пущего эффекта сделала паузу. В наступившей тишине Фицуорин негромко рыгнул и облизал пальцы. Марджори расколола скорлупу очередного яйца о край миски.

– А дальше? – поторопил рассказчицу Фульк.

– И вот решили ее испытать, насильно заставив остаться в часовне до конца мессы. Все двери заперли на засовы, а снаружи поставили вооруженную охрану. Когда пришло время возносить святыне дары, красавица наша, конечно, как всегда, засобиравшись к выходу, а бежать-то и не может. Священник окропил ее святой водой, отчего графиня вдруг издала нечеловеческий вопль. Плащ ее превратился в крылья летучей мыши, и она вылетела из окна, и больше с тех пор ее никто не видел. Но у графа Анжуйского остались дети, в жилах которых текла дьявольская кровь матери. Мальчик вырос и унаследовал титул отца. Он-то и был прапрапрадедом нашего короля Генриха. – И кухарка усиленно закивала, подтверждая свои слова.

– Ты сама-то в это веришь? – скептически осведомился Фульк.

Марджори смахнула яичную скорлупу себе в фартук:

– Я только повторила то, что мне рассказывали. Но нет дыма без огня.

Юноша хмыкнул:

– У нас в семье бытует предание, что мой дед поборол великана, но это всего лишь сказка, которую он придумал для моего отца, когда тот был маленьким.

– Нет, парень, ты меня не переубедишь, – гнула свое кухарка. – Ты только взгляни на них – сразу поймешь, что к чему. Если в принце Иоанне нет ничего от дьявола, я съем свой фартук и яичную скорлупу в придачу.

Она ушла к помойному ведру. Фульк подцепил корочкой хлеба последний кусочек свинины, собрал оставшиеся капли соуса и с наслаждением проглотил.

Жан взял лютню и пробежался пальцами по струнам.

– Получится отличная баллада, если положить на музыку, – сказал он. – «Граф Анжуйский и прекрасная дьяволица».

Из деревянного корпуса лютни полетел каскад серебряных звуков, похожих на нити лунного света.

Сытый и умиротворенный, Фульк с любопытством наблюдал за игрой своего нового товарища. Хотя музыку он любил, особенно бравые военные песни и саги валлийских бардов, его собственные способности в данной области были ничтожны. Как можно извлекать из лютни чудесные звуки – это было выше его разума. Ломка голоса у Фулька уже полностью завершилась. Мало того, голос Фулька обещал стать глубоким и звучным, когда тот полностью возмужает, однако при этом музыкальный слух у Фицуорина был такой, что юноша не сомневался: его пение напоминает вой пса в подземелье.

– Лютня откроет двери, закрытые и для сапога, и для меча, – сказал Жан. – Мужчины будут привечать тебя за веселье и радость, которые ты приносишь в их дом. Простолюдины расплатятся с тобой ужином, незнакомцы быстрее примут в свой круг. А женщины порой допустят тебя в свои святилища. – Он многозначительно вскинул брови.

Фицуорин чуть заметно покраснел. В силу юного возраста женщины и их святилища невероятно интересовали Фулька, однако, увы, по-прежнему все еще оставались для него тайной за семью печатями. Высокородные барышни вплоть до самого замужества сидели дома взаперти, и за ними строго надзирали родительницы. Добропорядочные девушки более низкого положения держались строго и неприступно. А те, которые не были добропорядочны, метили на королевское ложе, скромная постель оруженосца не казалась им привлекательной. Дворцовые шлюхи предпочитали тех, у кого в карманах водилась звонкая монета. Так что, между нами говоря, Фульк был совершеннейшим профаном в области отношений между полами и старался лишний раз не демонстрировать свое невежество.

Жан склонился над лютней, наигрывая мелодию в качестве платы за вкусный ужин. Голос у него был чистый и уверенный, высокий, но сильный, как колокол. Он несся над всей мешаниной кухонных звуков, превращая в песню историю, которую им только что поведали. Фульк слушал его с увлечением и чуть завистливым восторгом. Это был воистину божий дар, и Фульку стало немного обидно, что сам он подобным талантом не обладает. Впитывая слова и звуки, Фульк заметил, сколь трепетно Жан обращается со своей лютней. Наблюдая, как он ставит пальцы на струны, Фульк вспоминал другой образ: свои руки, столь же почтительно заглаживающие шрамы на поверхности щита.

Внезапно все наслаждение и охватившее душу умиротворение разом пропали. Голос Жана еще звенел, сопровождая последние звуки лютни, когда Фульк рывком вскочил и бросился к двери.

Не обращая внимания на громкие аплодисменты и требования продолжать, де Рампень торопливо поклонился и поспешил за своим подопечным.

– Ты куда? – схватил он Фулька за рукав.

– Я вспомнил, что оставил свой щит в покоях Иоанна.

– Но тебе сейчас туда нельзя! – изумленно воскликнул Жан. – Кухня еще ладно, но за такое мой господин с нас обоих наверняка шкуру спустит!

– Щит новый совсем, – упрямо гнул свое Фульк. – Мне его отец прислал, в подарок на день рождения.

– Боже милостивый, ты что, маленький ребенок, который не может уснуть без любимой игрушки?! – По добродушному лицу Жана впервые скользнуло раздражение. – Подожди до завтра, ничего с твоим щитом не случится.

– Нет, надо забрать его прямо сейчас. Ну как ты не понимаешь: это дело чести.

– Не будь таким идиотом. Я...

– Не хочешь идти со мной – и не надо, – невозмутимо перебил его Фульк. – Никто тебя не заставляет, но меня ты не остановишь.

И с этими словами он шагнул на улицу, в безумную ночь. Снаружи сильно похолодало, слякоть превратилась в снег, и начиналась метель.

Жан поколебался, затем, выругавшись, поспешил вслед за новым приятелем.

– Я хочу лишь забрать то, что принадлежит мне, – сказал Фульк.

Он быстро шагал вперед, оставляя на покрывающейся белизной траве темные мокрые следы.

Бормоча проклятия и пригнув от ветра голову, Жан пытался не отставать.

Дверь в королевские покои была закрыта, и снаружи в карауле стоял солдат. Колышущееся пламя от укрепленного на стене светильника играло на его кольчуге и шлеме, превращая железные заклепки в золотые и время от времени выхватывая из темноты острый наконечник копья.

Стражник уставился на юношей суровым взглядом:

– Молодые люди, что вы здесь делаете?

Фульк обладал цепкой памятью на лица и знал всех караульных, охранявших покои. Этот, по имени Роджер, был из числа тех, что больше лает, чем кусает.

– Я недавно забыл здесь щит, – сказал он. – И хотел бы забрать его... сэр.

– Слышал я про это «недавно». – Некоторое время стражник внимательно разглядывал изуродованное лицо Фулька. – Хорошо, что не я тогда стоял в карауле, – угрюмо произнес он. – Того, кто был на дежурстве, непременно выпорют за то, что не пошел узнать, отчего поднялась суматоха.

– Стражник вряд ли что мог услышать, ведь мы находились далеко от двери, – пояснил Фульк. – И потом, там весь день была суматоха.

– Но кто-то все равно должен отвечать, – резонно заметил Роджер и угрожающе махнул копьем. – Идите-ка лучше своей дорогой. Слышите? Уматывайте отсюда, пока не накликали новой беды.

Фульк весь подобрался. В свои пятнадцать лет он был почти двух ярдов ростом – выше многих взрослых мужчин – и сейчас, выпрямившись, оказался вровень с караульным.

– Я пришел только за своим щитом, – повторил он. – Заберу его и уйду. Пропустите меня немедленно.

– Не хватало еще, чтобы мне тут всякие молокососы приказывали...

– Мы выполняем приказ милорда Уолтера, – выступая вперед, перебил стражника Жан. – Мастер Фицуорин сейчас находится в его подчинении.

– Вас послал лорд Уолтер? – удивленно поднял брови караульный.

– Да, сэр. Как вам известно, он отвечает за подготовку оруженосцев, входящих в свиту лорда Гланвиля. Он хочет взглянуть на щит.

– Что же вы сразу не сказали? – проворчал Роджер. Он открыл дверь и жестом пригласил Жана войти. – Тебе нельзя, – сказал он, задерживая Фулька. – Я за это жизнью могу поплатиться. А я не собираюсь болтаться на виселице из-за того только, что два юнца повздорили.

Через несколько минут Жан вернулся. Щит он держал очень странно: так, что герб оказался обращен внутрь и видны были только деревянная подложка и ремень для руки.

– Ну все, надеюсь? – Караульный закрыл дверь и твердо встал перед ней, ясно давая понять, что больше с места не сдвинется.

– Спасибо, милорд, – сказал Жан, с умыслом называя караульного чересчур напыщенно, чтобы польстить его честолюбию. Откланявшись, он быстро пошел прочь.

Фульк догнал его.

– Что ты там прячешь? – Он попытался схватить щит. – Отдай.

Жан неохотно отдал ему оружие.

– Эй, приятель, не кипятись понапрасну. – Он предостерегающе положил руку Фульку на рукав.

Тот молча разглядывал щит, который сегодня днем так бережно полировал. Гладкую крашеную кожу несколько раз проткнули ножом, полностью изрезав герб. Злоба, с которой втыкали нож, была столь велика, что иной раз он проникал аж до деревянной основы.

Гнев нарастал внутри огромным красным пузырем, стучал в глазницы. Ненависть ослепляла Фулька, но он понимал, какие чувства руководили принцем Иоанном. Уничтожить герб значило оскорбить не только самого человека и даже всю его семью, но весь род, включая покойных предков.

– Да не переживай ты так, оно того не стоит, – сказал Жан, переводя взгляд с Фулька на щит и обратно. – Мы попросим кого-нибудь из оружейников натянуть новую кожу, никто потом и не отличит.

– Я отличу, – проговорил Фульк дрожащим от ярости голосом. – Это главное.

– Слушай, нам пора возвращаться в дом моего господина. Мы и так уже достаточно рискуем.

Несколько секунд Фульк смотрел на него бессмысленным взглядом, а потом усилием воли взял себя в руки. На негнущихся ногах он прошел в соседний зал, крепко зажав в кулаке ремень щита. И вдруг остановился, словно гончая, почуявшая добычу. Там король Генрих беседовал с группой офицеров и придворных. А рядом с ним стоял принц Иоанн, довольно бледный, но в остальном целый и невредимый.

– Эй, не делай глупостей, – чуть слышно шепнул Жан. – Тебе что, жить надоело?

Фульк не мог унять дрожи. Он с трудом сдерживал гнев и от напряжения, казалось, мог вот-вот взорваться.

– Я убью его, клянусь! – процедил он.

Взгляд Фулька был острым, словно копье, и, видимо, Иоанн его почувствовал, поскольку вдруг повернул голову. Взгляды их скрестились, словно у противников на поле битвы. Принц что-то вполголоса проговорил отцу, поглощенному разговором с Ранульфом де Гланвилем.

С выражением досады на лице Генрих склонил к сыну ухо, а затем тоже посмотрел на стоявшего на другом конце комнаты Фулька. Ранульф де Гланвиль заложил руки за спину и нахмурился.

– О Господи! – в ужасе пробормотал Жан, когда Генрих согнутым пальцем поманил к себе Фулька.

Тот сглотнул, но скорее в попытке сдержать ярость, а вовсе не потому, что испытал трепет при приближении к августейшей особе. Он решительно подошел к группе людей: высоко подняв голову и держа щит напоказ, чтобы продемонстрировать Иоанну, что знает о содеянном. Только приблизившись к королю, Фульк почтительно преклонил колени и склонил голову. Черные волосы упали ему на лоб.

– Встань! – приказал Генрих.

Фульк поднялся и сразу оказался на голову выше своего суверена. Король был коренастый, среднего роста. Его некогда огненно-рыжие волосы с годами сделались песочными с серебряной проседью, и стоял Генрих ссутулившись, будто бремя королевской власти тяжело давило ему на плечи.

– Ростом ты пошел в своего деда, де Динана, – заметил Генрих, чуть прищурившись. – И кажется, также унаследовал от него способность навлекать на себя неприятности. Мой сын заявляет, что ты пытался его убить. Что можешь сказать в свое оправдание?

Многочисленные истории про Джоселина де Динана Ламборнского, дедушку Фулька по материнской линии, по большей части были легендами и рассказывались с гордостью. Фульк так кипел от гнева и негодования, что не мог уронить честь предка. И потому прямо ответил на вопрос короля, заявив:

– Ваш сын, сир, напрасно обвиняет меня, ибо на самом деле первый удар нанес он. – И Фульк поднял руку к распухшему носу и отекавшим глазам.

Иоанн из мертвенно-бледного стал пунцовым.

– Ты жульничал и вел себя дерзко! – прорычал он.

– Я никогда в жизни не жульничал, – отрезал Фульк. – Его высочество говорит о дерзости, но умалчивает об оскорблении, которое он мне нанес!

Он продемонстрировал Генриху и придворным испорченный щит.

– Ты пытался меня убить! – прошипел Иоанн. – Ты в припадке ярости швырнул меня о стену!

Его взгляд метался по лицам стоявших вокруг баронов, ища сочувствия, и просветлел, остановившись на Ранульфе де Гланвиле:

– Милорд, вы видели все собственными глазами!

– Я видел лишь последствия, – спокойно возразил де Гланвиль. – И, откровенно говоря, сомневаюсь, что Фульк Фицуорин и впрямь намеревался убить вас. Это было бы глупо с его стороны, а глупцом этого парня назвать нельзя, хотя он часто бывает безрассуден и вспыльчив.

Фульк бросил на де Гланвиля благодарный взгляд.

– Я всего лишь защищался, – твердо сказал он. – Милорд Иоанн первым ударил меня по лицу шахматной доской, и мне пришлось остановить его, чтобы он не ударил снова.

– Ах ты, вонючий ублюдок, ты все выду...

– Придержи язык! – отрезал Генрих, поворачиваясь к сыну. – Сколько я тебя знаю, ты вечно затеваешь ссоры по самым ничтожным поводам. Если даже Фульк и причинил тебе

вред, то подозреваю, ты сам его спровоцировал. И впредь обращай ко мне, когда будешь искать справедливости, а не попустительства. – Он повернулся к юстициарию. – Ранульф, поучите моего сына владеть собой. Если для усвоения урока потребуется применить ремень с пряжкой, я не стану возражать.

Де Гланвиль поднял бровь, не утратив невозмутимости:

– Да, сир.

Иоанн побелел как полотно.

– Папа, ты не можешь!.. – В его голосе боролись негодование и мольба.

Генрих обнял Иоанна за плечи:

– Ты мой младший сын. – Сейчас король говорил устало. – Однажды, и довольно скоро, тебе придется принять на себя владение этими землями, но как я могу возложить на тебя обязанности правителя, если ты, даже играя партию в шахматы, умудряешься затеять свару?

Иоанн отшатнулся от отца.

– Может быть, если бы ответственность лежала на мне уже сейчас, мне не пришлось бы ссориться из-за шахмат, – злобно произнес он и, гневно метнув в сторону Фицуорина многообещающий взгляд, зашагал в сторону своих покоев.

Фульк, чувствуя себя донельзя неловко, смотрел в пол и ждал от короля разрешения уйти, а также, возможно, и приказа о своей порке. Приступ гнева прошел, и сейчас его ноги были ватными, а боль на лице с новой силой дала о себе знать.

Генрих тронул изуродованный щит.

– Отнеси щит в оружейную мастерскую, пусть им там займутся, – сказал он. – Счет за ремонт пришлешь лорду Иоанну.

– Благодарю вас, сир, но я в состоянии заплатить за починку сам.

– Смотри, Фульк Фицуорин, как бы однажды твоя непомерная гордость не сослужила тебе плохую службу, – предостерег его Генрих.

Фульк склонил голову, и король удалился. Де Гланвиль остался.

– Мне казалось, что лорду Уолтеру хватит благоразумия запретить тебе разгуливать возле королевских покоев, – резко заметил он.

– Он и не разрешал ничего подобного, сэр, но мне нужно было забрать свой щит.

– Значит, лорд Уолтер не знает, что ты ушел? – с сомнением посмотрел на него де Гланвиль.

– Он отправился в аббатство, – ответил Фульк, облизнув губы. – С архидьяконом Йоркским.

– Понятно. В таком случае молись, чтобы Уолтер был в снисходительном расположении духа, когда вернется. – Юстициарий жестом разрешил юноше удалиться.

– Сэр, – поклонился молодой человек и развернулся, чтобы идти к выходу.

– И вот еще что, Фицуорин.

– Да, сэр? – Фульк остановился и оглянулся через плечо.

– Король не зря предупреждал тебя насчет гордости. На твоём месте я ходил бы с оглядкой и вообще вел бы себя весьма осторожно. Принц Иоанн наверняка затаил на тебя злобу за сегодняшнее происшествие, а память у него долгая.

Фульк приподнял испорченный щит, так что тот закрыл его от плеча до голени. И заверил юстициария:

– Я всегда осторожен, сэр.

Глава 3

Поместье Ламборн, январь 1185 года

Хависа Фицуорин открыла сонные глаза. Было утро – по крайней мере, ей так показалось: из спальни через полог кровати проникали приглушенные звуки. Зимой, когда все ставни запирали от непогоды, трудно было отличить день от ночи.

Глаза у нее припухли и слезились, а во рту было сухо: расплата за слишком бурное празднование Двенадцатой ночи⁴. Накануне они откупорили бочонок своего лучшего гасконского вина, а от танцев у Хависы разгорелась жажда.

– Кажется, я здесь единственный сильный человек, которому любое спиртное нипочем, – прошептал ей в ухо муж, когда они проносились мимо друг друга, танцуя неистовый кароль.

Он сильно развеселился от вина, хотя, похоже, и впрямь нисколько не опьянел.

– Докажи, – рассмеялась в ответ Хависа, и дыхание ее вдруг участилось, а лоно потяжелело от желания.

И он доказал. Хависа не настолько захмелела, чтобы не помнить жар его губ на своих грудях, дразнящую игру языка и крепкую мужскую силу, заставлявшую ее тело растворяться в блаженном ликовании.

Между ними всегда было так, за что Хависа неустанно благодарила Бога в молитвах. Браки заключались ради выгодных альянсов, ради получения земель и богатства, с целью приобрести влияние, но никогда – из-за любви. С Фульком, которого за смуглый цвет лица прозвали Брюнином⁵, Хависа была знакома еще с тех времен, когда он был оруженосцем ее отца. Они росли под одной крышей и дружили с самого детства. А потом повзрослели и полюбили друг друга. К счастью, их родители пришли к взаимному соглашению: такой брак вполне устраивал обе стороны. Но это было, скорее, счастливое исключение из правила: подобное случалось чрезвычайно редко.

Муж лежал на копне ее рыжих волос. Закусив губу, Хависа нежно вытянула волосы из-под его плеча. Брюнин что-то пробормотал во сне и повернулся на другой бок. Тело его было горячим, как жаровня, и это обжигающее тепло составляло приятный контраст с воздухом, холодившим ее обнажившееся плечо.

– А они разве еще не проснулись? – громким шепотом нетерпеливо спросил детский голосок.

– Тссс! Нет, мастер Иво. Вы же знаете, нельзя беспокоить маму с папой, когда полог кровати задернут, – строго пояснила мальчику Перонелла, старшая служанка Хависы.

– Но мне очень надо! Мне нужно сказать им кое-что важное.

– Не сейчас, – твердо ответила служанка.

Хависа тихонько улыбнулась. Закрытый полог был священной границей, и нарушать их уединение никому в доме не позволялось. Это правило установили на следующий день после первой брачной ночи, когда гостям была продемонстрирована окровавленная простыня как доказательство невинности Хависы и способности Брюнина лишить ее девственности. С того самого момента Брюнин неизменно настаивал, что все происходившее за пологом, будь то сон, беседа или соитие, – интимное дело мужа и жены, не предназначенное для посторонних глаз, включая их собственных отпрысков.

⁴ Двенадцатая ночь – название языческого праздника в Англии, отмечаемого в Крещенский сочельник, в ночь с 5 на 6 января.

⁵ От фр. «brun» – смуглый.

– Но они же проснулись, я только что слышал папин голос.

– О Господи! – пробормотал Брюнин, не отрывая губ от шеи жены, и перекатился на спину.

Хависа села. В висках тихонько стучало. Она порылась в одеялах, отыскивала сорочку, небрежно отброшенную накануне ночью, с трудом натянула ее на себя. После чего отдернула полог.

Свечи разгоняли мрак в спальне тускло мерцающим золотым светом, и в комнате было тепло. Глянув на потускневшие угли в обеих жаровнях, Хависа поняла, что они горят уже почти час. Стало быть, утро в разгаре и мессу она пропустила.

Иво и Перонелла с упрямым видом, уперев руки в бока, стояли друг против друга возле платяного шкафа.

– Смотри! – закричал мальчик, торжествующе показывая пальцем. – Они проснулись, я же говорил!

Перонелла повернулась к кровати.

– Только потому, что ты их разбудил, – сердито сказала она и сделала книксен. – С добрым утром, мадам.

Хависа что-то пробормотала в ответ и откинула волосы с глаз. Отблеск свечей играл на ее пышных локонах, придавая им красно-каштановый цвет. За пологом ворочался Брюнин.

– Ну, что случилось? Это так важно, что нельзя подождать? – спросила она у своего четвертого сына, благодарно принимая от Перонеллы кубок разбавленного водой вина.

Иво нетерпеливо прыгал с ноги на ногу. Не зря отец прозвал его блохой.

– Фульк приехал, – объявил он, и по его веснушчатому лицу расплзлась широкая улыбка.

Хависа чуть не подавилась вином.

– Что?

– Я пошел на конюшню, причесать Комету, а Фульк как раз во двор въезжает. Он с собой друга привез: зовут Жан, и у него есть лютня. Они сейчас оба в зале, сели завтракать.

Хависа смотрела на сына, а в голове ее, тяжелой после вчерашнего, галопом проносились мысли. Она знала, что двор проводит Рождество в Виндзоре, который находится менее чем в двух днях пути от их дома, но не слишком надеялась, что Фульку удастся навестить родных. Король Генрих был известен тем, что не оставался на одном месте дольше нескольких ночей, а обязанностей у оруженосца было немало. Она даже послала Фульку новый плащ и коробочку засахаренных фруктов, понимая, что вряд ли увидит старшего сына раньше Сретения.

– Что, интересно, Фульк здесь делает? – удивилась она вслух.

– Так спроси его самого! – Муж появился из-за полога и, почесывая бороду, побрел к отхожему месту.

– Фульк сказал, что у него есть новости. – Иво сделал стойку на руках и рухнул на усталый тростником пол.

– Это понятно, – кивнул Брюнин, глядя вниз на струйку мочи. – Вопрос только, что за новости.

– Я потому за вами и пришел! – Иво снова встал на руки. – Он не хочет говорить, пока вы не придете.

– Осторожно, жаровня! – воскликнула Хависа, когда ноги мальчика приземлились в опасной близости от кованого металла.

Она допила разбавленное вино и открыла платяной шкаф.

– Наш старший сын весь в тебя, – сказала она Брюнину. – Нет бы заранее письмо написать, все толком объяснить. А у него сплошные сюрпризы: выпускает их, словно кроликов из садка.

Она выбрала платье из зеленой, словно еловая хвоя, шерсти с темно-желтой тесьмой. Брюнин обернулся и, лукаво сверкнув глазами, поинтересовался:

– А твое своеволие, стало быть, в этот плавильный котел не попало?

Хависа фыркнула и подняла руку, чтобы Перонелла затянула ей шнуровку на платье.

– Разве Церковь не учит нас, что семя закладывает мужчина, а женщина – всего лишь сосуд?

– Ну, положим, вино впитывает вкус дуба, в котором оно вызревает, – парировал Брюнин.

Хависа состроила ему рожу, и Иво хихикнул. Мать отослала мальчика сообщить, что они сейчас придут, а сама уложила волосы в сеточку и надела поверх покрывало с ободком.

Брюнин тем временем тоже облачился в одежды. Застегнув пояс, он открыл дверь и пропустил супругу вперед.

– Пошли узнаем, что натворил этот негодный мальчишка, – сказал он.

– Хорош мальчишка! Ты, между прочим, сам подарил ему на день рождения щит для взрослого воина, – напомнила Хависа и, тронув мужа за руку, предупредила: – Фулька не было с нами десять месяцев, и пребывание при дворе наверняка оставило на нем свой отпечаток.

– Но он все равно по-прежнему мой сын, так ведь? – хмыкнул Брюнин.

– Вот именно, – подтвердила Хависа, покинула спальню и пошла впереди него в зал.

Фульк сидел на придвинутой к очагу скамье, вытянув к теплу длинные ноги. Он так и не расстегнул свой новый плащ. Рядом расположился красивый незнакомый юноша, которого вполне можно было принять за члена семьи: такая же смуглая кожа, такие же карие глаза и темные волосы. Как и сказал Иво, при нем была лютня. Однако Хависа, бросив на гостя лишь беглый взгляд, сейчас потрясенно разглядывала своего старшего сына. И надо признать, было чему удивляться.

Мягкие черты детского лица каким-то чудом трансформировались в воинственный профиль, так явственно напомнивший Хависе ее собственного отца, что она чуть не ахнула. Все, что осталось в Фульке от Фицуоринов, – это тяжелые, цвета воронова крыла волосы и подвижные брови. Все остальное было унаследовано исключительно от материнского рода: даже совсем еще недавно ровные и симметричные линии тонкого носа сменились другими – ну вылитый Джоселин де Динан Ламборнский, его израненный войнами героический дед.

Увидев ее, Фульк вскочил на ноги:

– Мама!

– Господи Иисусе, да ты еще больше вырос! – вскричала Хависа и обхватила его руками. Для женщины она была высокой, но Фульку едва доставала макушкой до ключицы. Пригнув к себе голову старшего сына, она поцеловала его в обе щеки, а потом провела пальцем по переносице. – Что случилось? Кто это тебя так?

– Именно про это я и собираюсь вам рассказать, вернее, не только про это. – Он высвободился из ее крепких объятий, чтобы обнять отца. – Нас отпустили сюда погостить на пару дней.

Тут Хависа, вспомнив об обязанностях хозяйки, повернулась к товарищу сына, который тоже поднялся. Он был чуть старше Фулька, лет семнадцати-восемнадцати, жилистый и не такой высокий.

– Жан де Рампень, оруженосец лорда Теобальда Уолтера, – представился юноша, не дожидаясь ее вопроса, и, демонстрируя безупречные манеры, склонился поцеловать даме руку.

– Добро пожаловать, – сердечно ответила Хависа. – Жаль, что вас обоих не было здесь во время рождественских праздников.

Она обвела рукой зал, где слуги снимали со стен еловые ветки, а прачка собирала со столов льняные скатерти и салфетки.

– Большой интерес отмечать праздники с родителями, когда можно хорошенько покутить при дворе! – полушутя возразил Брюнин. – Я в их возрасте своего не упускал.

Он приветствовал Жана де Рампеня энергичным рукопожатием.

– Папа, мы бы с радостью приехали раньше, но получили разрешение только вчера вечером. – Фульк сел на скамью, но тут же, как собака, не находящая себе места, снова встал и повернулся кругом. Потом откинул волосы со лба, так напомнив этим жестом своего отца, что у Хависы больно сжалось сердце. – Мне столько всего надо вам рассказать, что я даже не знаю, с чего начать.

– Лучше всего с самого начала, – посоветовал Брюнин. – И если история твоя будет долгой, можно заодно перекусить.

Он жестом пригласил их к помосту⁶, где на чистой льняной салфетке стояли тарелки с хлебом и сыром, а также кувшин с элем.

Юноша кивнул.

– Да, так, наверное, будет лучше, – задумчиво произнес он.

Фульк видел, как по мере его рассказа о происшествии с шахматной доской лицо отца становится все более суровым.

– По-другому я поступить просто не мог, – заключил он.

– Мог, – мрачно ответил Брюнин. – Можно было огреть Иоанна так, чтобы он больше не поднялся.

Сын был поражен.

– Но я думал, что ты отправил меня служить при дворе, поскольку прежде всего рассчитывал вернуть Уиттингтон?

– Да за кого ты меня принимаешь? – Серdito сверкнув глазами, отец отодвинул блюдо и налил себе вина. – Конечно, я хочу вернуть Уиттингтон, но справедливо и честно. Работать ради этого я сам не стану и сыновьям своим не позволю. – Взгляд его скользнул по лавке, где пятеро младших мальчуганов затаив дыхание слушали беседу взрослых. – Ты бы гораздо больше меня рассердил, если бы позволил Иоанну уйти безнаказанным.

– Я не знал, как ты воспримешь эту новость, – неуверенно произнес Фульк.

Брюнин вздохнул:

– Может быть, я взвалил на твои плечи слишком тяжелую ношу. Уиттингтон – это моя забота. Он не будет принадлежать тебе, пока я не умру, и, с Божьей помощью, этого не произойдет, пока ты не возмужаешь и поместье снова не окажется у нас.

Фульк почтительно улыбнулся. Ему не хотелось думать о том, что отец может умереть. В отличие от сыновей короля Генриха, он не испытывал желания вырвать бразды правления из рук старших. Всему свое время.

Брюнин поставил кубок и вытер губы:

– Ты до сих пор при дворе. Так что, как я понимаю, буря миновала? Все утряслось?

– До известной степени, – неопределенно помахал рукой Фульк. – Я больше не вхожу в число личных слуг принца Иоанна, но по-прежнему обучаюсь вместе с ним. – Он глянул на Жана, который молча ел, не принимая участия в разговоре. – Сейчас я служу оруженосцем у лорда Теобальда Уолтера. Он племянник Ранульфа де Гланвиля и личный наставник принца Иоанна по фехтованию.

– Я знаю Теобальда Уолтера и его род, – сказал отец, – хотя и не слышал, что он стал королевским наставником. Думаю, это произошло не без влияния Ранульфа. Положение поз-

⁶ Имеется в виду приподнятый пол в конце зала, где ставили стол для почетных гостей.

воляет ему оказывать своим родственникам солидные услуги. Я это вовсе не к тому, что Теобальд Уолтер не достоин своей должности, – прибавил Брюнин, увидев, что Жан поднял голову от тарелки. – Он умелый фехтовальщик, да и голова у него на плечах есть, но, сами знаете, для продвижения по службе зачастую гораздо нужнее связи и благоприятное стечение обстоятельств. – Он повернулся к Фульку. – По чьему наущению ты переменял службу?

– Лорд Теобальд подумал, что так будет лучше, – ответил Фульк. – И все согласились. – Он стиснул зубы, чувствуя, что надвигается буря.

– Так, – процедил отец. – И при этом никто не позаботился спросить мое мнение о будущем сына или хотя бы сообщить мне.

– Папа, прошло всего несколько недель. Я бы обязательно написал, но подвернулась возможность приехать и рассказать все тебе лично, – пояснил Фульк, твердо выдержав взгляд отца. – Я принял решение перейти к лорду Уолтеру по своей доброй воле.

– Ах вот как? – прищурился Брюнин. – Интересно, что знает о мире пятнадцатилетний юнец?

– Больше, чем он знал месяц назад, – ответил Фульк, не отводя глаз, хотя под ложечкой у него засосало. Он понимал, что нарывается на порку. Слово отца всегда было законом, и Фульк никогда не оспаривал этого, потому что так уж все устроено в мире: почитать и повиноваться. – И уж в любом случае, – храбро продолжил он, – я в состоянии понять: гораздо лучше служить оруженосцем у лорда Уолтера, чем оставаться товарищем принца Иоанна.

Мать тронула Брюнина за рукав и, наклонившись, что-то прошептала ему на ухо. Фульку показалось, что он расслышал слова «щит» и «взрослый мужчина».

Еще секунду лицо отца оставалось по-прежнему суровым, но постепенно складки на лбу стали разглаживаться, и вот уже в карих глазах зажглась лукавая искорка.

– Если лорд Уолтер выбрал тебя и ты согласился взять его в наставники, то, полагаю, я должен уступить твоему желанию, поскольку мое собственное решение – обеспечить сыну место в покоях Иоанна – оказалось неверным.

– Лорд Уолтер – настоящий мастер своего дела, сэр, – подал голос Жан. – Недаром король, выбирая учителя фехтования для принца Иоанна, предпочел его всем прочим кандидатам. Мой господин строгий, но справедливый. И к тому же он племянник самого юстициария.

– Я не глупец и, благодарение Богу, еще не впал в старческое слабоумие, чтобы всего этого не знать, – сказал Брюнин. Глаза у него еще сохранили веселость, но голос уже стал предостерегающе резким.

– Конечно, сэр, – смиренно опустил глаза Жан. – Я только хотел заверить вас, что у Фулька не будет причин жалеть о перемене, которая с ним произошла.

Фульк-старший кивнул:

– Посмотрим. – Он скрестил руки на груди. – А скажи-ка мне, Жан, вот что: ты бы умер за своего лорда?

– Нет, сэр, – без колебаний ответил Жан. – Это невозможно.

– Невозможно? Но почему? – Брови Брюнина исчезли под густой челкой.

– Да потому, что он бы мне этого просто-напросто не позволил. Уж скорее лорд Уолтер сам бы заслонил меня собой.

– Ну просто образец добродетели! – хмыкнул отец и снова повернулся к сыну. – Выходит, я должен смиренно благодарить Господа за эту перемену в твоей жизни?

Фульк покраснел, почувствовав нотку сарказма:

– Отец, я рад, что стал оруженосцем Теобальда Уолтера, но это лишь одна из причин, по которой мне разрешили съездить домой. И даже не главная, если уж на то пошло.

– Вот как?

Фульк кашлянул:

– Как только утихнут зимние метели, мы поедem в Ирландию.

– В Ирландию! – с испугом глянула на него мать. – Зачем?

– Король Генрих отдал ее во владение Иоанну, – пояснил Фульк. – Принц должен отправиться туда и принять присягу на верность от глав ирландских кланов и от нормандских поселенцев.

Он знал, какой все представляли себе Ирландию: дикое место, куда надо долго плыть через полное опасностей холодное темное море. В Ирландии вечно идет дождь, повсюду сплошные болота, а живут там задиристые босоногие воины, еще менее цивилизованные, чем лесные звери. Ими до некоторой степени управляет группа нормандских поселенцев, чья репутация не намного лучше, чем у дикарей, над которыми они формально властвуют.

– Это еще ничего, – вновь вмешался Жан. – Вместо Ирландии мы вполне могли отправиться в Святую землю: нашему Генриху был предложен трон Иерусалима, поскольку их король заживо гниет от проказы и может скоро умереть. Генрих, правда, отказался, но Иоанн сделал стойку, словно пес, приметивший на колоде мясника бесхозную мозговую косточку.

– Могу себе представить: Иоанн, король Иерусалимский! – Брюнин чуть не поперхнулся.

– Генрих сказал, что Иоанн слишком молод и неопытен для столь ответственной должности, но, мол, если он хочет испытать вкус власти, то может взять себе Ирландию.

– Так что вместо Иерусалима младший сын Генриха отправится в Ирландию, и там для него уже мастерят корону из золота и павлиньих перьев, – заключил Фульк. – Лорд Уолтер поедет в его свите.

– Сомневаюсь, что принц Иоанн подходит на роль короля где бы то ни было, – давась со смеху и вытирая слезы, проговорил Брюнин, – но для тебя это будет хороший опыт.

– Значит, одобряешь?

– Да. У валлийцев и ирландцев много общего. Их земли неприступны для крупных армий, а все их богатство – лошади и скот. К тому же они подчиняются вождям мелких кланов. Когда ты станешь взрослым, тебе придется унаследовать наши приграничные феоды и управлять ими, так что поездка в Ирландию пойдет тебе только на пользу.

– Не понимаю, с какой стати Фульк должен ехать в Ирландию, чтобы узнать побольше о валлийцах? – нервно спросила Хависа.

Брюнин нежно сжал ей ладонь:

– Ты сама знаешь: все ястребы улетают из гнезда. Но сперва птенцам нужно опробовать и разработать крылья, иначе как они смогут парить и охотиться?

– Мама, ты что, не хочешь, чтобы Фульк поехал в Ирландию? – прямо спросил Уильям, их второй сын. Ему было тринадцать лет, и он сам рвался встать на крыло.

Хависа помолчала, потом, подняв голову, взглянула Фульку в глаза и выжала из себя улыбку:

– Конечно, он должен ехать. Отец прав.

Фульк посмотрел на мать с любопытством. Она ответила так только для видимости. Разумеется, Хависа не хотела, чтобы старший сын отправился в Ирландию.

– Мама?

– В дорогу тебе потребуются теплые котты, – тихо произнесла она. – Сегодня сниму мерку. С тех пор как я шила котту, которая сейчас на тебе, ты вырос почти на целый палец.

Голос у нее был глухой и прерывистый. Казалось, бедняжка вот-вот заплачет. Извинившись, она покинула помост.

Фульк посмотрел на отца, ожидая объяснений, но Брюнин только развел руками и покачал головой.

– Вот и попробуй разобраться в женской логике, – сказал он. – Мама предупреждает меня, чтобы я ненароком не задел твою гордость, поскольку ты уже почти взрослый мужчина, но при этом рыдает при одной только мысли, что ты перестал быть ребенком.

– Когда я отправлялся служить при дворе, мама не плакала, – заметил Фульк.

– У тебя на глазах – нет, но тайком она пролила немало слез. – Брюнин нахмурился. – Думаю, для женщины труднее всего отпустить из гнезда первенца и самого младшего сына, – сказал он. – К тому же королевский двор хоть и бывает порой не самым спокойным местом, но все-таки в десятки раз безопаснее дикой варварской страны, куда надо плыть морем.

– Мне пойти к маме, чтобы утешить ее? – спросил Фульк, готовый и впрямь сделать это, хотя и без особого удовольствия.

Мать всегда казалась ему прочнее стали, он и подумать не мог, что она тоже может испытывать страх. Поскольку именно мама внушила старшему сыну, что не стоит бояться неведомого и надо быть готовым к любым испытаниям, он всегда считал, что сама она неуязвима. Фульк не представлял, что можно сказать матери в этой ситуации, чтобы утешить ее. Только заверить родительницу, что в Ирландии его не поджидает никакая опасность. Эх, зря он рассказал ей о происшествии с шахматной доской!

– Нет, дай маме время взять себя в руки и успокоиться, – ответил отец. – Успеете еще поговорить, пока она будет снимать с тебя мерки для новой котты.

– А мне тоже сошьют новую котту, – громко заявил Уильям. – Я тоже буду оруженосцем и скоро уеду.

Радуюсь смене темы, Фульк повернулся к брату:

– Куда же?

Сколько Фульк себя помнил, Уильям всегда хотел быть рыцарем, носить кольчугу и меч. Это были не просто мальчишеские мечты, а настойчивая одержимость, почти как у взрослого.

– В замок Каус, к Роберту Корбету, – сказал Уильям, задрав подбородок от гордости. – А еще у меня будет новый пони.

Фульк заинтересованно присвистнул. Лорд Роберт Корбет был соседом Фицуоринов и пользовался определенным влиянием в приграничных землях. Он даже являлся их сюзереном и передал им в обмен на вассальную клятву несколько феодалов, в число которых входила и одна из основных резиденций Фицуоринов в Олбербери. И, кроме того, семейство Корбет было прочно связано с родом королей Гвинед. Хотя в Каусе Уильям и не приобретет лоск, свойственный двору Генриха, однако воспитание получит прекрасное.

– Я тоже поеду, – заявил одиннадцатилетний Филип, чтобы не отстать от других.

Он был более тихим и задумчивым, чем Уильям и Иво, и менее порывистым. К тому же Филип, единственный из всех братьев, мог похвастаться медно-рыжей шевелюрой, унаследованной от матери, урожденной де Динан; у всех остальных детей в семье волосы были черные, цвета воронова крыла.

– Да неужели? – Фульк удивленно поднял брови и улыбнулся.

– И я, и я! – закричал маленький Ален, явно не понимая, о чем говорят старшие, но решив на всякий случай тоже напомнить о себе.

– Не говори глупости, тебе всего четыре года, – презрительно ответил Иво. – Ты останешься дома с мамой и остальными женщинами. И Ричард тоже останется. – Он кивком указал на еще одного мальчугана, который уже с аппетитом слопал сытный завтрак, но все равно продолжал потихоньку что-то уминать.

Фульк встал, подхватил на руки маленького Алена и примирительно сказал:

– Ничего, они поедут в следующий раз. А кто хочет побиться на мечах во дворе?

Мальчишки одновременно издали радостный вопль.

Брюнин широко ухмыльнулся:

– Схожу-ка, пожалуй, и я тоже за мечом.

– Отец говорит, что ты стал очень искусно владеть мечом, – сказала Хависа.

Она повернула Фулька лицом к окну, измерила веревкой расстояние от шеи до колена и завязала на ней узелок.

– Лорд Теобальд – хороший учитель.

Фульк глянул через открытые ставни наружу: стоял сырой январский день. Уильям играл с братьями в боевой поход, ведя их по двору замка и браня двух младших за то, что они не поспевают за остальными. Целью похода был штурм мусорной кучи, охраняемой двумя оруженосцами отца, Болдуином и Стивенном.

Утренние упражнения на мечах необычайно вдохновили Уильяма. Похоже, мальчик решил, что чем яростнее он будет сейчас сражаться, тем скорее станет рыцарем.

– Вытяти руку.

Фульк повиновался. Мать сняла мерку от подмышки до запястья.

– В Ирландии мне ничего не грозит, – сказал он. – Лорд Теобальд не станет подвергать риску своих оруженосцев.

Хависа завязала на веревке еще один узелок.

– Если ты ему доверяешь, то доверяю и я.

– Тогда в чем же дело, мама? Почему ты не хочешь, чтобы я ехал?

Хависа измерила расстояние от подмышки до колена. Потом отступила назад и вздохнула:

– Я старалась никогда не сдерживать тебя и твоих братьев: ни словом, ни делом. Не подавая виду, как волнуясь, я всегда одобряла, когда вы ездили на пони без седла, взбирались на стену, запускали сокола, который одним движением клюва мог выклевать вам глаза. – Она отвернулась, чтобы положить моток веревки с узелками в корзину для рукоделия. – Я скрывала свой страх, поскольку не хотела, чтобы вы им от меня заразились.

– Тебя пугает Ирландия? – предположил сильно озадаченный Фульк.

– Нет, – покачала она головой. – Я слышала, что это дикая страна, где все время идет дождь, а жители ее наполовину варвары, но в этом смысле Ирландия не слишком отличается от некоторых районов Уэльса.

– Тогда что же?

Мать прикусила губу:

– Когда я была совсем маленькой, нам зачем-то потребовалось пересечь реку на пароме, но на стремнине лодка опрокинулась, и я чуть не утонула. Была зима, вода ледяная, и одежда тянула вниз. Отец вытащил меня уже полумертвую. – Голос Хависы дрогнул. – С тех пор я боюсь плыть по воде. Я думаю о реке, которая чуть не призвала меня к себе, вспоминаю, как умирала, хотя видела твердую землю на другом берегу. – Она сглотнула, пытаясь успокоиться и взять себя в руки. – Как представлю, что тебе придется плыть по морю, так у меня просто сердце обрывается.

– Мама, я не боюсь воды, – сказал Фульк. – В последние месяцы я достаточно часто путешествовал по Темзе – а это большая река! – без приключений, да и плавать я умею хорошо.

Он умолчал о том, что однажды участвовал в водном поединке, где две лодки двигались друг на друга, а сидящие на их носках люди с шестом пытались сбить в воду противников. Ни к чему лишний раз пугать маму.

Хависа отстегнула с шеи медальон в виде креста и вручила его Фульку:

– Наденешь это, когда поедешь? Ради меня. Там внутри – прядь волос святого Эльма, он хранит от утопления.

– Конечно, мама. – Фульк поцеловал крест, надел его на шею и спрятал под котту. – Со мной все будет в порядке, вот увидишь.

Хависа выдавила из себя улыбку:

– Может быть, теперь мне будет немножко спокойнее. Жаль только, что у меня для Жана ничего нет.

– Жан носит в шляпе изображение святого Христофора, и к тому же я еще ни разу не видел, чтобы он когда-нибудь упал или хотя бы споткнулся, – шутливо сказал Фульк, пытаясь разрядить обстановку.

Он почувствовал облегчение, когда снаружи гулко застучали шаги и в комнату вбежал запыхавшийся Уильям.

– Тебя еще измеряют или пойдешь с нами в засаду? – Он покраснел от радостного усердия. – Жан говорит, он будет де Поуис. А мусорная куча – это как будто башня Уиттингтона.

– У меня на сегодня все, – быстро сказала Хависа и тихонько подтолкнула Фулька. – Котта будет готова только вечером, не раньше. Ступай с Уильямом!

Фульку не потребовалось повторять дважды. Мальчишка внутри его шумно требовал бежать на улицу к братьям, да и мужчина тоже не отставал – надо было дать выход скопившемуся в душе напряжению.

Хависа медленно подошла к окну и остановилась, глядя Фульку вслед. Ветер ерошил черные волосы юноши. Мальчишки радостно столпились вокруг него и что-то кричали, громче всех – Уильям, с откровенным обожанием взиравший на старшего брата. Фульк собрал для игры их всех, от мала до велика. Он всегда умело верховодил братьями, да и, живя при дворе, многому научился. Родители возлагали на Фулька большие надежды: если их семье и суждено вернуть Уиттингтон, то именно через него. Хависа дотронулась до шеи, все еще чувствуя шнурок, которого там уже не было. Тяжело вздохнув, она отвернулась от окна и подошла к своему рабочему столику, на котором лежал отрез ткани. Тревога рождает новые тревоги. Будучи матерью шестерых сыновей, она прекрасно это знала.

Глава 4

Ирландское море оказалось глубоким, холодно-зеленым, увенчанным барашками белой пены, которые разбивались и осыпались мраморной крошкой в глубокие впадины между волнами. Сильный восточный ветер раздувал паруса, корабли взбирались на горные кряжи волн и падали вниз, держа путь к ирландскому берегу и порту Уотерфорд.

Фулька немного мутило, когда их корабль нырял с очередного вала и взбирался на новый. Он оказался в числе немногих счастливчиков, кого пощадила морская болезнь. Лорд Теобальд, Жан де Рампень и прочие из свиты Иоанна беспомощно лежали в трюме, зеленые, как молодой недозревший сыр, и их все время тошнило, словно беременных женщин. Не считая команды и архидьякона-валлийца, Фульк единственный еще держался на ногах, и буйство стихии на открытой палубе было ему приятнее, чем смрад трюма.

К Фульку, покачиваясь и плотнее кутаясь в плащ, подошел валлийский архидьякон. Это был невысокий человек средних лет с песочного цвета волосами и выбритой на макушке тонзурой. На его круглом, обычно добродушном лице застыло раздражение.

– Если у них сейчас желудок не выдерживает, то можно поворачивать и держать путь к дому, – презрительно сказал он. – Лучше погода точно не станет.

Пока они ожидали посадки на корабль в Милфорд-Хейвене, Фульк прислуживал архидьякону за столом у лорда Теобальда. Звали этого человека Гиральд де Барри Манорбирский, и он сопровождал все предприятие как один из немногих людей, знакомых с ирландцами и их обычаями. Архидьякон повсюду носил с собой восковые таблички, на которых стилем писал заметки. Единственная причина, по которой он сейчас не строчил ехидные замечания и не записывал досужие сплетни, – то, что море было слишком бурным.

– Вы хотите сказать, что погода станет еще хуже?

Фульк тревожно глянул на несущиеся по небу тучи, а потом на очередную прозрачную стену моря, угрожавшую снести носы их кораблей.

– Сие одному Богу ведомо. У ирландцев море столь же своевольно, как и они сами. – Колючие глаза архидьякона Гиральда удивленно блеснули, и он саркастически поинтересовался: – Эй, парень, да ты никак сдрейфил?

Фульк зажал в руке нательный крестик.

– Я уповаю на Господа нашего, – сказал он.

– Так и подобает, сын мой, и вера тебе понадобится. Ибо король Генрих отправляет капризного ребенка выполнять задачу, которая по плечу лишь взрослому мужчине, – скривился Гиральд. – Не сомневаюсь, что кровь будет течь в прямом соответствии с количеством поглощенного вина.

Фульк ничего не ответил. Судя по всему, Гиральд был прав – хотя бы потому, что в Милфорде Иоанн и его ближайшие товарищи взошли на корабль в изрядном подпитии.

– А кроме того, – продолжал Гиральд, грозя указательным пальцем, словно ветхозаветный пророк, – полагаю, что бочки серебра, кои мы погрузили на борт, вряд ли когда-либо доберутся до войска, которое Иоанну вменяется подкупить. Помяни мое слово, нас ждут неспокойные времена.

Архидьякон враскачку подошел к противоположному борту и стал вглядываться в даль.

Впередсмотрящий на марсе прокричал со своего опасного наблюдательного пункта:

– Земля!

Фульк встал рядом со священником и, щурясь от брызг, тоже начал всматриваться в горизонт. Когда корабль взобрался на гребень очередной волны, Фульк увидел туманные очертания неподвижных серо-зеленых холмов.

– Горы Уиклоу, – пояснил Гиральд. – К полуночи будем в Уотерфорде.

Слегка потрепанный, но целый и невредимый, не считая кое-где порванных парусов и слегка протекающих швов, флот принца Иоанна вошел в Уотерфорд, приветствуемый несколькими ирландскими баронами – переселенцами нормандского происхождения, что вторглись в Ирландию еще четверть века назад и пустили здесь корни. Нетвердо стоящих на ногах, покачивающихся от последствий морской болезни и выпитого вина, Иоанна и членов его свиты препроводили в крепость Уотерфорд, известную как Башня Реджинальда – по имени построившего ее вождя викингов.

Лорд Теобальд чувствовал себя прескверно во время всего вояжа и лишь невероятным усилием воли сумел держаться прямо, пока конюх подводил к нему под уздцы гнедого жеребца. Лорд вцепился в поводья и покачнулся. Лицо Теобальда было серо-зеленым.

– Подсади меня, – приказал он Фульку. На последнем слове его чуть не стошнило.

Фульк поспешно подбежал и поставил ногу Теобальда в стремя, толкая его вверх. Барон оттолкнулся и тяжело опустился в седло. Сквозь зубы у него вылетело приглушенное ругательство, и он рыгнул в лошадиную гриву. Конь, уэльский коб, заволновался, и Жан крепче сжал поводья. Обыкновенно румяное лицо оруженосца приобрело землистый оттенок, а ноги шли нетвердо, но он держался гораздо лучше господина.

– Сэр? – тревожно посмотрел вверх Жан. – С вами все в порядке?

– Ничего страшного, только держи эту скотину ровнее, – через силу выдавил Теобальд.

– Да, милорд.

Жан быстро переглянулся с Фульком и, щелкнув языком, пустил лошадь тихим шагом. Теобальд мучительно застонал. Фульк шагал у стремени, неся штандарт своего лорда, и влажный морской ветерок приятно хлопал шелком. Впереди сверкали вышитые золотом анжуйские леопарды на кроваво-красном фоне. Темная голова Иоанна, увенчанная золотым обручем, то поднималась над грозным окружением из копий и знамен, то снова пропадала из виду. Горожане-ирландцы мало отличались от англичан и валлийцев. Те же простые котты неярких оттенков коричневого, песочного и зеленого цветов. Кое-где попадались синие или другие более яркие одеяния, выделявшие из толпы человека зажиточного. Старики здесь отращивали длинные волосы и носили тяжелые окладистые бороды, которые напоминали Фульку об одичавшем отшельнике, встретившемся ему как-то в лесу за Олбербери. Звуки ирландского, или гэльского, языка были непривычны для его ушей: они казались одновременно и музыкальными, и резкими. Фульк поверхностно знал валлийский, нахватавшись немного от Керидвен, няни Алена. Ирландский по сравнению с ним был менее мелодичным, но по-своему завораживающим.

Фульк заметил, что ни коренные местные жители, ни нормандские переселенцы не улыбались. Люди почтительно кланялись торжественной королевской процессии, но на лицах было написано недоверие, а кое у кого в глазах горел насмешливый огонек. Фульк чувствовал между лопатками легкий зуд, ощущение уязвимости, и слегка успокоился, лишь когда они оказались под защитой толстых стен Башни Реджинальда.

– Вы сможете спешиться, милорд? – Придерживая стремянный ремень, Фульк тревожно посмотрел на Теобальда: тот так стискивал поводья, что костяшки пальцев у него побелели.

Теобальд молча кивнул, плотно сжав губы. Наклонившись вперед, он перекинул правую ногу через седло и соскользнул по боку гнедого на землю. На мгновение Фульк принял на себя весь вес его тела, ухватив Теобальда за плечи и придержав ему ноги.

Покачнувшись, барон усилием воли выпрямился.

– Почему я чувствую себя так, будто до сих пор нахожусь на борту корабля? – просто-напросто он и на нетвердых ногах отошел в угол внутреннего двора. Там бедняга согнулся пополам, и его стошнило.

– Фицуорин, ты и на меня точно так же действуешь. – Принц Иоанн задержался у входа в башню, чтобы поддеть Фулька. – Меня при виде тебя просто тошнит.

Его спутники захихикали. Фульк взирал на Иоанна в вежливом, но ледяном молчании. После случая с шахматной доской принц не упускал возможности вывести Фулька из себя, хотя прежде никогда не делал этого в присутствии Ранульфа де Гланвиля или Теобальда Уолтера. Теперь, когда в руках Иоанна была власть, а Теобальд оказался беспомощен, принц явно чувствовал свою безнаказанность. Самым разумным для Фулька было игнорировать Иоанна и надеяться, что ему быстро надоест швыряться оскорблениями, если те будут отскакивать, как мячик от стены.

– Сир, соблаговолите войти. Для вас все готово, – сказал Филип Вустерский, сопровождая свои слова приглашающим жестом. Его отправили вперед, чтобы заблаговременно подготовиться к приезду его высочества.

Принц наклонил голову.

– Разумеется, у меня нет ни малейшего желания оставаться здесь, со всякими болванами и простолюдинами, – заявил он. – Позаботьтесь, чтобы милорду Уолтеру помогли почиститься. Сомневаюсь, что от его оруженосцев будет польза.

Он пошел дальше, и Фульк наконец выдохнул.

– Не обращай внимания, – вполголоса проговорил Жан.

– Всякий раз, как он начинает меня злить, я делаю в уме очередную зарубку, – сверкнул глазами Фульк. Он подошел к белому как мел Теобальду, который стоял, опершись о стену. – Вы можете идти, милорд?

Держась за живот, Теобальд медленно выпрямился.

– Будь я проклят, если меня придется нести, – хрипло сказал он и забрал у Фулька знамя, чтобы использовать древко в качестве костыля. Поддерживаемый слева и справа оруженосцами, он медленно двинулся в башню.

Филипу Вустерскому удалось отыскать в замке отдельную комнату, чтобы Теобальд мог прилечь и подождать, пока его разыгравшийся желудок успокоится. Жан отправился на поиски травяного отвара для их господина, а Фулька оставил распаковывать багаж. Лорд Теобальд лежал на своем дорожном тюфяке желтый, словно восковая фигура. Фульк подозревал, что барон не только страдает от последствий морской болезни, но и вдобавок съел что-то такое, чего не приняли его внутренности. Юноша подошел к узкому оконному проему и стал вглядываться в дождливые апрельские сумерки. Ограниченный обзор позволял увидеть лишь несколько построек на внутреннем дворе. Созерцая подобный пейзаж, вполне можно было представить себя где угодно, от Вестминстера до Ламборна. До ноздрей Фулька донесся аппетитный аромат жарящегося мяса. Лежащий на кровати Теобальд тоже почувствовал запах и застонал.

Тяжелая завеса, отделявшая комнату от лестницы, загрохотала по карнизу. Фульк обернулся. Но вместо Жана с чашкой отвара он увидел восхитительно-красивую молодую женщину, рядом с которой шла собака. Огромная псина с косматой серебристо-серой шерстью, крупнее ему еще не встречалось – даже больше, чем отцовская оленья борзая: каждая лапа размером с плуг. Ален, самый младший из братьев Фулька, запросто мог бы кататься на такой собаке, как на пони. На незнакомке были платье из розовой шерсти в нормандском стиле и белая накидка, которую придерживала плетеная лента. Волосы, черные и блестящие, как у Фулька, двумя тяжелыми косами свисали до пояса.

– Миледи? – Голос Фицуорина вдруг оказался высоким и срывающимся, хотя вроде бы ломка его закончилась уже больше полугода тому назад.

Короткая команда на гэльском, указующее движение пальцем – и собака улеглась на пороге, словно на гигантском коврике. Женщина уверенными шагами вошла в комнату.

– Мне сказали, что один из лордов принца Иоанна нездоров и нуждается в уходе.

Она говорила на нормандском французском, языке двора, с певучим акцентом, который делал слова чарующими. Васильковые глаза незнакомки были огромными, а цвет губ гармонировал с темно-розовым платьем. Подойдя к тюфяку, она посмотрела на распростершегося на нем Теобальда.

Фульк судорожно сглотнул:

– Его еще на корабле укачало, и вот что-то дурнота никак не проходит. А вы кто?

Вопрос выплеснулся из него, как клякса на чистую страницу пергамента. Вся кровь в теле словно бы отхлынула от головы и стремительно потекла вниз.

Будто осознавая смущение Фулька, незнакомка улыбнулась ему понимающе: чуть насмешливо и слегка удивленно.

– Меня зовут Уна Фицджеральд, я вдова Роберта Фицджеральда из Докьонелла, это в Лимерике. С тех пор как зимой умер мой муж, мой дом здесь, и поскольку я немного умею врачевать, то ухаживаю за недужными. – Она намотала косу на руку и внимательно взгляделась в Фулька. – А кто вы?

Юноша сумел изобразить неуклюжий поклон:

– Фульк Фицуорин из Ламборна и Уиттингтона, оруженосец лорда Уолтера.

Она слишком молодо выглядела для вдовы. Кожа Уны по-прежнему была цветущей и свежей, а на лице – ни единой морщинки, из чего можно было заключить, что она не намного старше Фулька. Он подумал, что надо бы выразить соболезнования в связи с кончиной ее мужа, но потом решил, что лучше вообще ничего не говорить.

– А вы сами не страдали от морской болезни, Фульк Фицуорин?

Она положила руку Теобальду на лоб и пробормотала какие-то сочувственные слова.

– Нет, миледи, только в самом начале, и то слегка.

– Тогда вы один из немногих счастливчиков, так же как и ваш сеньор, его высочество принц Иоанн.

– Вы уже познакомились с ним, миледи? – бесстрастно проговорил Фульк.

– О да. – Ее голос также звучал ровно, не выдавая никаких чувств. – Он был в зале, когда меня позвали лечить вашего господина.

Из торбы, висевшей на плече, Уна достала маленький холщовый мешочек.

– Давайте больному совсем по чуть-чуть: столько, сколько помещается на ногте вашего большого пальца, предварительно растворив в горячем вине. Один бокал сейчас, другой – вечером, а третий – завтра утром.

Теобальд с трудом приподнял голову:

– Как скоро я смогу встать?

– Как только комната прекратит раскачиваться, а вас перестанет тошнить, – сказала Уна.

Теобальд опустил голову и шевельнул кадыком, проглотив отрыжку.

– Чувствую себя совершенно беспомощным, – простонал он.

– Что ж, таково состояние человека от колыбели и до могилы. – Улыбка Уны лишала ее слова колкости. – Когда встанете, два дня потом ешьте только сухари и пейте слабый бульон, чтобы снова не началась тошнота.

Фульк открыл мешочек, нюхнул его содержимое и, отвернувшись, чихнул.

– Мята и имбирь – они для вдыхания не предназначены, – засмеялась Уна и пошла к выходу. Еще одно слово на ирландском подняло могучую собаку на ноги.

– Наверное, ваш зверь много ест? – спросил Фульк.

Женщина посмотрела на него насмешливо:

– Если только сильно проголодается или если кто-нибудь опрометчиво позволит себе излишние вольности. Подойдите и погладьте собаку, если хотите, – жестом пригласила Уна. – Ее зовут Тара. Не бойтесь, она не укусит, пока я не прикажу.

Честно говоря, Фульк больше боялся, что его укусит Уна. А собак он любил. Молодой человек уверенно шагнул вперед, позволив псу обнюхать его руку и лизнуть ее длинным розовым языком. Потом почесал зверя под подбородком и с трудом удержался на ногах, когда пес навалился на него с выражением подлинного собачьего блаженства в глазах.

Уна задумчиво следила за юношей.

– А у тебя нежные руки, – сказала она, внезапно перейдя на «ты».

Фульк почувствовал, как у него запылали уши.

– Не знаю, миледи, как-то не замечал.

– Зато я заметила. Мало у кого из мужчин нежные руки.

Новая команда на ирландском вывела собаку из блаженного транса. Она мгновенно вновь стала послушной и последовала за хозяйкой к дверям.

– Без сомнения, я еще увижу тебя, Фульк Фицуорин, – сказала Уна Фицджеральд и, коротко кивнув, удалилась.

Всего через несколько мгновений раздалось предостерегающее рычание пса, а затем внезапно послышался громкий окрик Уны, которая скомандовала Таре: «Ко мне!» Фульк выбежал из комнаты и увидел Жана, который застыл на ступеньках с дымящейся кружкой в руке, медленно приходя в себя после потрясения.

– Господи Иисусе, ты видел эту зверюгу?! – воскликнул он. – Больше, чем выучный пони, а зубы – как частокол!

Он оглянулся через плечо, словно ожидая увидеть целую стаю волкодавов, гнавшихся за ним по пятам.

– Да, мы уже познакомились, – с легким самодовольством улыбнулся Фульк. – Ее хозяйка приходила лечить лорда Теобальда.

Жан поднял бровь:

– А почему это, интересно, у тебя такой довольный вид? Вряд ли тебе так понравилась эта жуткая собака. Как ее зовут?

– Собаку или женщину?

– Ты знаешь, о ком я.

Фульк усмехнулся:

– Женщину зовут Уна Фицджеральд, и она, между прочим, вдова.

– А ты, часом, не решил ли скрасить этой Уне одиночество?

Замечание о его нежных руках и без того распалило кровь Фулька, но он не подал вида.

– Наверное, не зря при ней собака, – сказал он. – Дабы защитить бедную вдову от нежелательных домогательств.

– Ну, положим, твои-то домогательства явно не были нежелательными. Иначе с чего бы у тебя вдруг блестели глаза! Эй, приятель, ты чего это так покраснел?

– Во имя Господа! – простонал с тюфяка Теобальд. – Засуньте свои члены обратно в штаны и займитесь наконец делом. А то я сдохну от жажды или от поноса, пока вы тут болтаете чепуху!

Фульк и Жан обменялись ухмылками.

– Да, сэр! – хором сказали они и едва удержались, чтобы не расхохотаться.

Болезнь Теобальда постепенно отступила, но его так долго мучил понос, что лорд был слаб, как котенок, и до конца недели не мог посещать официальные приемы в большом зале. К тому моменту почти все плохое, что могло произойти, уже произошло. Иоанн правил, как ему заблагорассудится. Он с самого начала не хотел ехать в Ирландию. Это была всего лишь жалкая кроха, брошенная ему со щедрого отцовского стола, подачка, чтобы заставить младшего сына замолчать. Опыта у Иоанна не было никакого, да он и не горел желанием исполнять вмененные ему обязанности.

Пока Теобальд спал и набирался сил, Жан и Фульк подолгу были свободны от поручений. Де Рампень, по своему обыкновению, завязал знакомства повсюду: в кухне, на конюшнях, на скотобойне и на молочной ферме. Будучи чрезвычайно способным к языкам, он быстро овладел начатками гэльского и получил доступ к общественному мнению, которое отнюдь не было положительным во всем, что касалось Иоанна. Коренные жители воспринимали его как очередной сапог, явившийся растоптать ирландцев. Нормандские поселенцы считали принца несносным мальчишкой, который постоянно подтверждал свою репутацию скандалиста, капризули и человека, напрочь лишённого хороших манер.

Поступали через Жана и другие сведения, представлявшие для Фулька особый интерес.

– Леди Уна Фицджеральд? – Мясник срезал с бычьей ноги последние кусочки мяса и звучно шлепнул Фулька в руку мозговую кость. – О, это важная персона. Собрался за ней приударить? Тогда первым делом надо задобрить ее псину. – И он кивнул на кость.

– Этого, боюсь, будет недостаточно, – рассмеялся Фульк и с любопытством посмотрел на мясника. – А почему вы сказали, что она важная персона?

– Имей в виду, парень, что у тебя куча соперников. Тут у нас, наверное, человек пятьдесят, не меньше, наберется тех, кто претендует на ее руку и сердце. И неудивительно! Леди Уна – богатая наследница и редкая красавица. Нечасто можно встретить то и другое одновременно. Однако у тебя больше шансов, чем у остальных: ты первый догадался попросить у меня косточку. Только вот что я тебе скажу, – прибавил он, – куй железо, пока горячо. Принц Иоанн мигом сбегрит красотку тому, кто предложит самую высокую цену.

Фульк застыл. Кость у него в руке была влажной и липкой. Воздух пропитывал стойкий запах парного мяса. По закону, вдову можно было снова выдать замуж только с ее собственного согласия, но закон этот сплошь и рядом нарушался.

– Противная мыслишка, да? – Мясник повернулся к колоде и вытащил из нее топор. – Но так уж все в мире устроено, – продолжил он. – Не угостишь собаку косточкой, не забив корову.

Скривившись от такого сравнения, Фульк вышел из кухни во двор. И еле-еле успел отскочить в сторону, резко обернувшись на внезапный окрик и близкий топот копыт. Его едва не сбила группа всадников, которые резко остановились в центре двора. Их лошади толкались, приседали, кружили. По коротким ярким коттам и клетчатым плащам вновь прибывших можно было бы принять за гэльских лордов, если бы... Если бы не бороды. Да и вдобавок каждый из них щеголял внушительными усами. Кто-то отпустил растительность на лице до пояса. Другие заплели бороды в косички, а двое всадников разделили их на пряди и намазали воском, так что те стали твердыми и походили на два веретена.

Фульк в ошоломлении разглядывал незнакомцев, широко раскрыв глаза.

– Есть на что посмотреть, ты согласен, Фульк Фицуорин? – проговорила Уна, тихо подойдя и встав рядом. Собака следовала за ней по пятам.

Фульк вздрогнул, и сердце его бешено заколотилось.

– Кто эти люди?

– Первые ирландские лорды, пришедшие засвидетельствовать свое почтение принцу Иоанну и попросить у него поддержать их.

– В чем поддержать?

На этот раз Фульк достаточно расхрабрился, чтобы почесать шелковистые уши собаки. Она подняла нос и принялась, но ей хватило воспитания не выхватить зубами косточку, которую юноша держал в другой руке.

– В их противостоянии с другими ирландскими лордами, которые вскоре также нанесут визит твоему принцу и тоже постараются завоевать его покровительство. В нашей стране вечно одно и то же. Ни один человек не может в одиночку сдерживать остальных, и

поскольку все лорды обладают примерно одинаковой властью, то тратят время на бессмысленные войны. – Уна подняла на Фулька свои огромные васильковые глаза. – У твоего принца есть наемники, а также бочки серебряных монет, чтобы купить оружие и людей. Поэтому стоит добиваться его расположения.

Фулька вспомнилось, что об этих бочках монет толковал во время морского путешествия архидьякон Гиральд.

– Не думаю, что принц Иоанн такой уж завидный жених, чтобы его обхаживать, – сказал он и покраснел.

Здоровое тело юноши откликалось на близость молодой красавицы. И у Фулька закрались тревожные подозрения, что она это прекрасно чувствует.

– А кто, по-твоему, завидный жених? – спросила она, чуть улыбнувшись. – Вот ты, например, обручен?

Фульк сглотнул:

– Нет еще, миледи.

– Нет... – Ее лицо посуровело. – А девочек сбывают с рук в совсем еще нежном возрасте. Сколько тебе лет, Фульк Фицуорин?

– Пятнадцать, – ответил он. В эту минуту ему страшно хотелось, чтобы цифра была побольше.

– Когда мне исполнилось пятнадцать, я была замужем уже два года, – вздохнула Уна. – Впрочем, девочки взрослеют быстрее мальчиков. Приходится.

Фульк спросил, можно ли дать собаке кость. Уна кивнула и что-то сказала по-гэльски. Собака завиляла хвостом, раскрыла свои внушительные челюсти и благовоспитанно взяла угощение из руки юноши.

– Я тут слышал, что якобы принц Иоанн выдаст вас замуж за того, кто предложит самую высокую цену.

Уна рассмеялась, и от звука ее смеха у Фулька по спине пополз холодок.

– Пусть попробует, – сказала она и положила руку ему на рукав. – А ты бы посватался за меня?

Фульк неловко кашлянул. Хотя он и был неотесанной деревенщиной, но понимал, что Уна играет с ним.

– Если бы даже и посватался, принц Иоанн все равно отказал бы. Он не слишком-то мне благоволит.

– Уверяю тебя, принц оказал бы тебе величайшую милость, запретив жениться на мне. Ты бы пожалел, если бы я стала твоей супругой.

– Я...

– Фульк, нас зовут в зал! – Через двор бежал Жан. – Уильям де Бург хочет, чтобы ирландским лордам прислуживали за столом, нам надо приступить к своим обязанностям.

Он остановился, запыхавшись, поклонился Уне и с интересом уставился на ее руку, лежавшую на рукаве у Фулька.

– Обязанности есть обязанности, – сказала Уна, отпустила руку Фулька и посмотрела на него долгим взглядом. – Спасибо за кость.

По дороге к залу Жан завистливо поинтересовался на бегу:

– Как ты только это проделываешь?

– Что именно?

– Заставляешь таких женщин обратить на себя внимание. Видит Бог, половина оруженосцев в лагере все отдала бы за то, чтобы эта Уна прикоснулась к ним и посмотрела так, как она глядела на тебя.

– Да она просто-напросто дразнила меня, – смутился Фульк.

– Ну-ну! – скептически хмыкнул Жан.

Когда они явились в зал, их немедленно отправили к столу для почетных гостей и велели принести вина. Гэльские лорды собрались у очага, вполголоса переговариваясь и запуская пальцы в свои внушительные бороды. К ирландцам присоединилась пара баронов из числа нормандских поселенцев. У этих растительность на лице была подстрижена аккуратнее, а одежда выглядела менее цветастой. Иоанна со свитой нигде не было видно. Хотя де Бург из всех сил старался играть роль гостеприимного хозяина, с лица его не сходило мрачное выражение. Он то и дело бросал выжидающие взгляды в сторону лестницы, ведущей в частные покои.

– Боюсь, ничего хорошего он не дожидается, – проговорил Жан вполголоса. – Вчера ночью принц вылакал столько вина, что вполне хватило бы потопить парусник. Даже если его высочество и появится, он будет не в том состоянии, чтобы приветствовать важных гостей.

Слова Жана подтвердились. Пока они с Фульком разносили гостям вино, в дальнем конце зала раздались фанфары и со стороны лестницы встали два стражника, знаменуя появление королевской свиты.

Фульк чуть не перелил вина в чашу, но глава клана не заметил его оплошности, поскольку и его внимание тоже было приковано к группе людей, вышедших из темноты лестницы в большой зал, залитый дневным светом. Иоанн еще явно страдал от неумеренных возлияний вчерашнего вечера. Походка его была нетвердой, и даже если нынче ночью принц и прилег, то спал он в одежде, которая была вся измята и заляпана пятнами. Темные волосы ключьями торчали вокруг золотого обода, стягивавшего лоб. Иоанн напоминал нищего в чужой одежде или мальчишку, нарядившегося для карнавала в костюм взрослого и пытающегося скрыть свою неопытность с помощью бочонка вина. Спутники принца выглядели не лучше: их пошатывало, и глаза у всех были красными.

Не обращая ни малейшего внимания на группу у очага, Иоанн неуверенными шагами направился к помосту и рухнул в кресло с высокой спинкой, перед которым стоял покрытый скатертью стол на козлах. Свита сбилась вокруг, словно стая полусонных бабочек.

– Вина! – рявкнул Иоанн и щелкнул пальцами.

Младший оруженосец стремглав кинулся исполнять распоряжение принца, и Фульк почувствовал жалость к мальчику и презрение к Иоанну. Чтобы не встречаться глазами с монаршим взглядом, а заодно и с монаршей злобой, Фицуорин занялся гостями, у которых откровенно вызывающие манеры и явное невежество принца вызвали громкий ропот.

– Я не стану преклонять колено в знак уважения перед этим самодовольным болваном! – тщательно подбирая французские слова, возмущенно заявил один из гэльских лордов нормандскому поселенцу. – Я уж, скорее, готов поцеловаться в знак примирения с королем Диармайтом⁷.

Нормандский поселенец чувствовал себя не в своей тарелке.

– Принц навеселе, – попытался он оправдать Иоанна. – Мне кажется, его высочество не ожидал нашего приезда.

– Чушь! – Ирландский вождь столь оживленно жестикулировал, что Фульку пришлось из осмотрительности отступить назад, дабы у него из рук не вышибли кувшин. – Он прекрасно знал, что лорды Ирландии едут в Уотерфорд приветствовать его прибытие на эту землю, чтобы самим полюбоваться человеком, которого отправили нами править. – Он презрительно показал подбородком в сторону помоста. – Я не вижу здесь взрослого человека; я вижу избалованного и беспомощного ребенка. Как, интересно, Иоанн будет управлять страной, если он не способен справиться даже с самим собой?

⁷ Имеется в виду *Диармайт Мак Мурхада* (1110–1171) – король Лейнстера и Дублина, которого в Ирландии считают предателем за то, что он пытался вернуть себе трон, вступив в сговор с королем Англии.

Стараясь сохранять невозмутимость, Уильям де Бург подвел к помосту ирландских и нормандских лордов, чтобы представить их принцу.

Подперев щеку, Иоанн наблюдал, как они идут к нему, а потом театрально зевнул, прикрыв рот рукой. После чего обернулся за поддержкой к своим товарищам, которые одобрительно ухмыльнулись.

– А не может этот балаган подождать? – громко осведомился принц у де Бурга. – У меня сейчас мозги из башки вылетят, я все равно не запомню эти ирландские имена. Они все звучат так, будто кому-то засветили кулаком в брюхо. А в бородачах у них уже, наверное, блохи завелись.

Один из товарищей Иоанна радостно загоготал. Фульк скривился. В дружеском кругу это замечание показалось бы забавным, но высмеивать союзников и вассалов публично было глупо, постыдно и опасно. Хороший хозяин заботится о благополучии гостей. Хороший правитель заботится о том, чтобы преданность его подданных оставалась непоколебимой.

– Завестись там может мятеж, если вы не измените своего отношения, – вполголоса произнес де Бург. – Сир, вы не можете позволить себе нажить врагов среди этих людей.

– Я могу себе позволить все, что захочу, – запинаясь языком произнес Иоанн.

– Даже кровавую войну вместо мира? – сквозь зубы прошипел де Бург. – Между прочим, многие из них говорят по-французски. Вы уже нанесли нам непоправимый вред.

– Да что ты раскудахтался, как старуха! – Иоанн усилием воли выпрямился и напустил на себя гордый королевский вид. – Преклоните колени и принесите мне вассальную клятву! – приказал он, возвысив голос. – А потом можете идти.

Поколебавшись некоторое, довольно продолжительное, время, Роберт Фицалан, один из нормандских поселенцев, выступил вперед, преклонил колени и принес клятву верности. Он говорил так, будто ему сдавило горло, но все-таки сумел выговорить нужные слова. Однако его примеру никто не последовал. Ирландские лорды все до одного развернулись и вышли, так и не признав за Иоанном права управлять ими. У дверей они забрали у слуги свое оружие и покинули зал.

Бранясь себе под нос, Уильям де Бург побежал за ними, пытаясь уговорить остаться, но вернулся ни с чем. Грозно сдвинув брови, он направился к помосту.

Иоанн, пошатнувшись, поднялся на ноги:

– Что бы ты ни собирался сказать, придержи язык. Это ты меня во все это втравил. Теперь сам и расхлебывай. – Качаясь, принц спустился с помоста. – Я пошел к себе, и не смей меня больше беспокоить.

Де Бург остановился, словно оглушенный боевым топором. Единственный нормандский лорд, присягнувший на верность, выглядел жалким и неприкаянным. Фульк разглядывал кувшин, который держал в руке, и вспоминал, как в Вестминстере Иоанн свалил вину на него, приказав заплатить за испорченный сосуд.

«А рано или поздно, – подумал он, – за непомерное тщеславие Иоанна заплатить придется всем нам, и некоторым, возможно, ценой собственной жизни». Сейчас принц играл уже не для забавы, как прежде в шахматы или кости. Теперь игровая доска стала больше, ставки – выше, и для победы требовалась беспощадная целеустремленность.

Глава 5

Теобальд спустился в зал лишь на третий вечер после их прибытия в Уотерфорд. Желудок бедняги был еще слаб, но уже достаточно успокоился, чтобы позволить хозяину встать с постели и съесть немного хлеба, запивая его разбавленным вином.

Отсутствие гэльских лордов за ужином и вечерними развлечениями выглядело подчеркнуто многозначительным. Правда, нормандских поселенцев с семьями прибыло немало. Теобальд пришел в ужас, когда оруженосцы рассказали ему, как Иоанн обошелся с ирландскими вождями, явившимися принести ему клятву. Один из баронов, Иоанн де Курси, написал королю Генриху, сообщая о поведении принца, и многие лорды, обеспокоенные поступками юного монарха, также поставили свои подписи под этим посланием.

Теобальд был настроен скептически и не рассчитывал, что это изменит ситуацию к лучшему. Всем было прекрасно известно, что Генрих не обращает внимания на выходки младшего сына и вряд ли станет что-либо предпринимать, пока положение не обострится настолько, что его уже нельзя будет игнорировать.

Отламывая кусочки хлеба, Теобальд макал их в стоящую справа тарелку с куриным бульоном и, памятуя совет леди Уны, ел медленно. Иоанн пригласил Уну отобедать за королевским столом, и она сидела недалеко от Теобальда, скромно потупив глаза.

Леди Уна регулярно навещала больного, и тому были приятны визиты этой незаурядной женщины, столь же умной, сколь и обольстительной. Теобальд был холост, но, глядя на нее, начинал думать, что, пожалуй, вполне можно бы и жениться. Похоже, точно такие же мысли одолевали в присутствии Уны абсолютно всех мужчин, включая и совсем юных. Барон бросил любопытный взгляд на своего младшего оруженосца. Тот ни на секунду не сводил глаз с красавицы-вдовы.

Ну что же, помечтать, конечно, никому не повредит. Однако Фульк должен понимать, что эта женщина не для него. Поскольку имущество вдовы находилось в Ирландии, то ее следующим мужем должен был стать мужчина, намеренный здесь поселиться, а не желторотый оруженосец, чье будущее неразрывно связано с валлийской границей.

Перед помостом убрали столы, освобождая место для танцев. Едва лишь музыканты успели сменить темп и вместо мягкой спокойной мелодии заиграли задорную джигу, как почти все мужчины вскочили на ноги, ища себе пару. Уну немедленно окружили, но кольцо поклонников тут же разомкнулось, поскольку в ответ на приглашения последовало клацанье зубов и рычание бдительного четвероногого стража. Уна бросила собаке одно-единственное слово: по-видимому, то был приказ лежать.

Иоанн рассмеялся и жестом разогнал всех незадачливых кавалеров. Он что-то проговорил Уне на ухо, взяв ее за руку, и потребовал, чтобы она танцевала с ним. Когда принц повел красавицу-вдову на расчищенное место в середине зала, она одарила его кокетливым взглядом и сказала в ответ что-то такое, отчего лицо у Иоанна так и вспыхнуло вожделением. Они начали танец: оба двигались превосходно, и симметрия их движений завораживала.

Фульк стал было наливать Теобальду вино и чуть не опрокинул кубок. Зрелый мужчина почувствовал волнение, исходившее от юного оруженосца.

– Лучше выкинь ее из головы, парень, – посоветовал Теобальд. – Вон как славно они смотрятся вместе с Иоанном! Эти двое похожи: когда речь заходит о делах сердечных или, вернее, если называть вещи своими именами, о желаниях тела, оба моментально становятся хищниками.

– Уна просто не знает, какой Иоанн на самом деле, – сказал Фульк.

– Да нет, думаю, знает, и к тому же эта женщина чрезвычайно умна, – возразил Теобальд. – Пойдя танцевать с Иоанном, она сразу поставила себя выше прочих. Если я прав,

следующим ее партнером будет кто-нибудь из числа тех, кто постарше возрастом и давно и прочно женат. – Он поднял глаза на оруженосца. – Фульк, можешь страдать по ней в глубине души, если хочешь, но усьми свою ревность. Эта женщина не для тебя.

– Иоанн – гнусный распутник, – покраснев, сказал он.

– Иоанн – беспринципный человек, а такие очень опасны для женщин, но, поверь мне, леди Фицджеральд вполне способна о себе позаботиться. Она не невинная девушка. Да ты только глянь, как ловко она с ним флиртует! Эй, парень, открой глаза.

На мгновение Теобальду показалось, что сейчас последует яростная вспышка гнева. Однако надо отдать Фульку должное: он сумел сдержаться.

– Вы правы, сэр, – коротко ответил он.

– Господи, как же ты еще юн! Пойми, в физическом отношении женщины значительно слабее нас. Мы используем свое тело, чтобы бороться со всем тем, что встает у нас на пути. Они же используют свое для подкупа и убеждения, однако добиваются неплохих результатов и частенько получают то, чего хотят.

Теобальд подумал было, что хорошо бы договориться с какой-нибудь женщиной поприличнее, из числа тех, что сопровождали двор, чтобы она занялась образованием Фулька, но тут же отбросил эту мысль. Его воспитанник непомерно горд, так что не вышла бы ему такая забота боком. Сам Теобальд ни за что бы не отправил Фулька или Жана за женщиной для себя. Ему приличествовало блюсти нормы морали, пусть даже повсюду вокруг они рушились.

Танец закончился, и, как и предсказывал Уолтер, далее Уна танцевала с пожилым мужчиной, а затем – с поселенцем, известным своей преданностью жене. А потом, когда вновь заиграла зажигательная мелодия, Уна, к величайшему изумлению Теобальда, не обращая ни малейшего внимания на толпу окружавших ее мужчин, решительно направилась к Фульку и пригласила того на танец.

– Миледи? – Фульк изумленно замер, не в силах поверить своей удаче. Может быть, он ослышался?

– Ну что же ты застыл, Фульк Фицуорин? Или ты откажешь даме? – Васильковые глаза Уны ослепительно сверкнули из-под густых ресниц, и маленькая ручка легла на его рукав.

Теобальд понимал тонкий расчет леди Фицджеральд: Фульк никоим образом не мог считаться претендентом на брак с ней.

– Может быть, миледи, вы лучше удостоите чести меня? – Теобальд поднялся со скамьи и протянул Уне руку. – Я еще не поблагодарил вас за то, как вы заботились обо мне во время болезни.

Секунду Уна казалась удивленной, но тотчас улыбнулась:

– Конечно, милорд. – И переложив руку на рукав Теобальда. – Можно попросить тебя вывести Тару на улицу? – обратилась она к юноше.

– Да, миледи. – Фицуорин бросил на Уолтера обиженный взгляд.

Теобальд повел Уну к танцующим. От ее запястий и шеи струился пьянящий аромат розового масла.

– Оставьте мальчика в покое, – сказал лорд Уолтер. – Фульк еще слишком молод.

Она удивленно выгнула темные блестящие брови:

– Хотите сказать, милорд, что вы сами больше подходите мне по возрасту?

Они завершили полукруг и развернулись.

– Ничего подобного я не имел в виду, – усмехнулся Теобальд. – Подозреваю, что с такой женщиной, как вы, у мужчины будет слишком много забот. Вот что, миледи, я прошу вас об одолжении: не надо заигрывать с Фульком, особенно если в эти игры будет вовлечен принц Иоанн.

– Могу я узнать почему? – В голосе ее одновременно сквозили досада и любопытство.

– Подробности не имеют значения. Достаточно сказать, что принц и мой оруженосец и так уже враги. Если добавить в эту кипучую смесь еще и вас, содержимое котла снова перельется через край.

Они сменили партнеров и вернулись друг к другу.

– Мне очень нравится Фульк, – сказала Уна, упрямо поджав губы.

– Тогда проявите милосердие и оставьте его в покое.

– Разве вы никогда не играли в игру куртуазной любви, милорд?

– Нет, у меня всегда хватало благоразумия, – резко ответил Теобальд.

Эту традицию привезла с собой из Аквитании королева Алиенора: модный идеал неразделенной любви, когда мужчине полагалось боготворить недоступную женщину и жаждать заслужить ее благосклонный взгляд, сочиняя романтические баллады и совершая ради избранницы героические поступки. Если даже влюбленный удаивался чести обладать телом своей госпожи, ему не позволялось наслаждение пролить семя, но предписывалось сдерживать себя, дабы подтвердить свои чувства.

– Играйте во что хотите, – тихо сказал лорд Уолтер, – но смотрите не навредите Фульку, поскольку в противном случае я убью вас.

– Вы слишком откровенно выражаетесь, милорд, – прищурилась она.

– Иначе не умею. Вам может не понравиться то, что я говорю, но зато вам не придется выискивать в моих словах потаенный смысл.

Танец закончился, и кавалер коротко поклонился даме. Уна ответила реверансом.

– Не из-за ваших угроз, но ради самого Фулька я сделаю так, как вы просите, – сказала она. – Однако сейчас мне нужно найти его и мою собаку. По крайней мере это вы мне разрешите?

Не то чтобы лорд Уолтер пришел в восторг от этой перспективы, однако он кивнул и вернулся на место, испытывая облегчение оттого, что Уна согласилась проявить благоразумие.

Фульк мерил шагами двор, обходя его рядом с собакой по периметру в сероватой пелене лунного света, и время от времени обиженно пинал землю. Он догадывался, что Теобальд пошел танцевать с Уной, дабы попросить ее держаться от него на расстоянии. А то бы Фульк сам не разобрался. Можно подумать, будто он малый ребенок. Один танец, сердито думал юноша, ничего бы не значил и не изменил. Зато излечил бы уязвленную гордость: впредь ему было бы не так противно наблюдать, как Уна флиртует с Иоанном. Фицуорин снова пнул землю, и Тара недовольно заворчала.

Внезапно собака оставила его и прыжками понеслась через двор, неистово виляя хвостом. Такое приветствие могло предназначаться только одному-единственному человеку, и Фульк нервно сглотнул, увидев, как из зала вышла Уна. Поверх платья на ней был плащ, обшитый серебряной тесьмой, в которой блестками поигрывал лунный свет. Фульк двинулся следом за Тарой, правда не так быстро, как она, чувствуя неловкость и отчасти досаду.

Уна легонько вздохнула и покачала головой:

– Не сердись на меня. Твой господин принимает судьбу оруженосца близко к сердцу, и, откровенно говоря, он прав. Если бы я знала о вашей ссоре с принцем Иоанном, то ни за что бы не стала приглашать тебя на танец.

– Это не имеет никакого значения, миледи, – деревянным голосом ответил Фульк.

– Еще как имеет, да ты и сам это прекрасно знаешь. – Уна искоса посмотрела на него. – Лорд Уолтер думает, что я с тобой играю... и может быть, так оно и есть, отчасти. Я люблю флиртовать. Но про твои руки я сказала правду – они и впрямь нежные.

Уна придвинулась ближе, и плащ осыпал ее отсветами серебряного, синего и серого. Она переплела свои пальцы с пальцами юноши, привстала на цыпочки и поцеловала его.

Фульк не ахнул лишь потому, что у него перехватило дыхание. Сжавшееся в животе тревожное ожидание опустилось к чреслам. Вторая его рука легла Уне на талию. На мгновение женщина отпрянула, и он готов был уже опустить руку, но тут Уна вдруг нежно прижалась к нему. Юноша прикрыл глаза. Если это игра, то пусть она продолжается целую вечность, он согласен. Но, увы, все закончилось слишком быстро. Уна приблизила губы к его уху:

– Мне надо идти, Фульк Фицуорин. Подумай обо мне, когда будешь точно так же стоять с другой женщиной, и вспомни, что я сказала о твоих нежных руках. Мужчине нужны нежные руки, чтобы стать хорошим любовником.

Фульк сглотнул.

– Останься, – попросил он.

– Не могу! – Уна покачала головой. – Храни тебя Бог!

Она обернулась. Собака внезапно заворчала, вздыбив шерсть на спине, лапы ее напряглись. Тара медленно пошла на человека, скрывавшегося в тени у стены башни.

– Отзовите пса, мадам, – сказал принц Иоанн, делая шаг вперед.

Фульк застыл как вкопанный. Уна тоже, но лишь на мгновение. Короткая команда заставила собаку вернуться к ее ногам. Даже не обернувшись, Уна оставила юношу и подошла к Иоанну. Еще совсем недавно ее пальцы переплетались с пальцами Фулька, и вот уже эта же самая рука приветственно протянулась навстречу Иоанну. Принц что-то сказал ей и бросил на Фулька злой взгляд из-под насупленных бровей. Уна в ответ успокаивающе рассмеялась, и они вместе пошли внутрь.

Фульк в голос выругался и сделал еще круг по двору, чтобы унять если не волнение, то хотя бы гнев. Но это помогло мало, а в таком состоянии Фульк никак не мог вернуться в общество. Поэтому он отправился напрямик на конюшню и устроился на ночлег рядом со стойлом своего чалого. Самое худшее, чего можно ожидать от лошади, рассудил юноша, – это то, что та лягнет его по зубам. А это, согласитесь, не идет ни в какое сравнение с тем ударом в самое сердце, который только что нанесла ему прекрасная кокетка.

Извинившись перед соседями по столу, Теобальд встал и тихо покинул зал. Но во дворе Фулька уже и след простыл, не было его и ни в одном из караульных помещений. На кухнях и в молочных сновали одни слуги. Уолтер отыскал Жана, который коротал время в компании нескольких наемников, развлекая своих слушателей скабрешной застольной песней, но Фулька с ними не было. Теобальд упрямо продолжал поиски, пока наконец не пришел в конюшню, где и обнаружил юношу, мирно спящего рядом со своей лошадкой. Чалый жеребец мотнул головой идохнул на Теобальда теплым, пахнущим сеном воздухом, а затем опустил голову и обнюхал Фулька. Тот что-то пробормотал во сне и повернулся на другой бок. Правая рука у него была подложена под голову, и выглядел он по-детски беззащитно. Теобальд некоторое время постоял, глядя на своего оруженосца, а потом повернулся и тихо пошел прочь.

– Ты слышал, что Уна Фицджеральд прошлой ночью разделила ложе с принцем? – спросил Жан.

Фульк покачал головой и продолжил сосредоточенно заниматься упряжью гнедого жеребца, принадлежавшего лорду Теобальду. Принц со свитой отправлялся на охоту, и весь внутренний двор замка был заполнен твоякающими псами. Их хозяева стояли, разбившись на группки, поджидали своих лошадей и обсуждали, удачной ли будет охота.

– А все остальные – слышали, – не унимался Жан. – Говорят, звуки были такие, будто с кота сдирают кожу.

– С чего ты решил, будто мне это интересно?

– А разве нет?

– Нет! – отрезал Фульк.

– Бог знает, что нашло на тебя сегодня утром, – недоуменно пожал плечами его товарищ. – Ну ладно, если бы ты накануне пил с нами в караульне, у меня голова словно грозовая туча, но у тебя-то нет оправдания.

– А мне нужно оправдываться?

– Да не лезь ты в бутылку. – Жан поковырял пальцем в зубах. – Вероятно, тебе не интересно будет также узнать и то, что прекрасная вдовушка выйдет замуж за Ги де Шомона. Это объявили сегодня за завтраком. Ловко провернули дельце, даже для Иоанна слишком быстро. Сегодня ночью переспал с Уной, а наутро уже сбывл ее другому.

Фульк подтянул подпругу и бессильно уронил руки. Де Шомон был одним из собутыльников Иоанна. Чуть старше принца, несколько раз одерживал победы во французских рыцарских турнирах. Крикливый и дерзкий, но с начатками образования и проблесками интеллекта. Фульку он не нравился, однако не настолько, как Иоанн.

– И Уна согласилась?

– Ну да. Правда, сильно побледнела, как услышала, но тут же сделала Иоанну книксен и громко поблагодарила принца за честь, которую он ей оказал. – Жан задумчиво поджал губы. – Наверное, это для всех стало потрясением, однако не слишком сильным. Де Шомон – заносчивая свинья, но при этом очень хорош собою. Конечно, не обошлось без происшествий, – прибавил Жан. Фульк тем временем повел коня по кругу, чтобы тот не застоялся. – Оказывается, один из ирландских лордов, Ниалл О’Доннел, уже предложил Иоанну пятьдесят марок в качестве брачного выкупа и рассчитывал взять леди Уну в жены. Так что, когда принц вместо этого отдал ее одному из своих фаворитов, разразился скандал.

– И что же Иоанн? – Хотя Фульк собирался упорно молчать, изображая равнодушие, любопытство пересилило.

– Пригрозил заточить О’Доннела в тюрьму, если тот не придержит язык. Бедняга теперь помалкивает, но видел бы ты только, какие взгляды он бросает на Иоанна. Земли О’Доннела граничат с землями Фицджеральдов, и ходят слухи, что они с Уной близко знакомы, – многозначительно произнес Жан.

– Лично я ее ни разу ни с кем не видел, – мрачно проговорил Фульк.

– Это потому, что О’Доннел приехал только сегодня. Гонял мятежников по полям. Он рыжий, огромный, лохматый, как лев, и такой же сильный. Женщины таких любят.

Фульк насупился. В саднящую рану его тщательно и методично втирали соль. Не успел бедняга обдумать, как ему себя вести дальше, как появился лорд Теобальд. Его короткий охотничий плащ был заколот на плече, а в руке он держал копье.

Приняв у Фулька поводья жеребца, лорд Уолтер ничего не сказал относительно вчерашнего отсутствия оруженосца, поинтересовался лишь, поел ли тот.

– Да, сэр, – ответил Фульк, опустив глаза.

Теобальд взлетел в седло.

– Хорошая скачка на свежем воздухе, – сказал он, глядя на Фулька строго и сочувственно одновременно, – вот что прочистит тебе мозги и разгорячит кровь. Собирайся побыстрее и садись на коня, приятель. И ты, Жан, тоже.

Фульк пошел к своему чалому. Он уже успел оседлать жеребца и оставил его привязанным к кольцу в стене. Неподалеку Жирар де Мальфе поправлял упряжь своей лошади. Он метнул в Фулька лукавый взгляд из-под каштановых кудрей и посмотрел вправо, где улыбающийся принц Иоанн только что сел в седло великолепного пегого жеребца с украшенной кисточками упряжью.

Фульк отвязал чалого и, не коснувшись стремени, одним движением взлетел вверх и перекинул ногу через седло. Но когда он всей тяжестью своего веса опустил коню

на спину, тот неожиданно взвился на дыбы. Фульк схватил поводья, стиснул ногами бока жеребца и заставил его опуститься на все четыре ноги. Чалый дико заржал и взбрыкнул, выгнув спину, поджимая круп и лягаясь. Он рванулся к двум стоявшим по соседству лошадям, отчего те понесли, также взбрыкивая. Завыли и залязгали челюстями собаки, а люди, пригнувшись, разбежались кто куда. Чалый ржал от боли и страха, носился по двору из конца в конец, бешено вращая глазами, а на удилах у него выступила кровавая пена. Фульк вцепился в спину лошади, как клещ. Наконец, чуть присев, жеребец качнулся, задние ноги у него начали засекаться.

– Фульк, ради Бога, лучше отпусти! – во всю глотку прокричал Жан срывающимся от напряжения голосом.

Фицуорин слышал предостережение товарища как будто откуда-то издалека. Он прикусил язык и почувствовал во рту вкус крови. Лишь чутье спасло его, когда лошадь зашаталась и рухнула. Вынув ноги из стремян, Фульк соскользнул с крупа чалого и стукнулся оземь. От тяжелого удара боль пронзила грудную клетку. Жеребец рухнул, беспорядочно молотя ногами и хвостом, затем неистово содрогнулся и застыл.

Мир вокруг переливался искрами и расплывался. Фульк смутно осознавал, что лорд Теобальд спрашивает, как он себя чувствует, что кто-то заставляет его выпить крепкого вина с медом, что чалого оттаскивают в сторону, отгоняя от трупа хлыстом любопытных собак, а за ворота под громкие звуки рога уносится охота.

Когда Фульк окончательно пришел в себя, он лежал на тюфяке в комнате лорда Теобальда. Над ним склонилась Уна, держа наготове сумку со своими снадобьями. Рядом с ней была собака-волкодав. Фульк попытался сесть, но помешала жгучая боль. Уна поспешила помочь юноше, подложив ему под спину подушки и валики.

– Я все видела в окно, – сказала она. – Ты наверняка сломал себе несколько ребер.

– Поэтому вы здесь? Пришли лечить мои сломанные ребра? – Фульк сердито посмотрел на женщину, желая, чтобы она оставила его в покое.

– Да, отчасти поэтому. – Покопавшись в торбе, она достала несколько полосок льняного бинта. – Подними руки.

Фульк повиновался, и не успел он опомниться, как с него сдернули котту и рубашку. Юноша упорно смотрел в стену. Слишком много всего произошло в последнее время. Прошлую ночь он провел в конюшне рядом со своим жеребцом, а теперь конь мертв. А Уна... Уна отдалась принцу Иоанну, растоптав хрупкую надежду Фулька.

– Отчасти? – переспросил он. – Стало быть, есть и другая причина?

Она придвинулась поближе и начала бинтовать ему грудь:

– Да, я бы хотела попросить тебя об одной услуге.

– Об услуге? – прищурился Фульк. – Уж и не знаю, миледи, есть ли на свете что-нибудь такое, что могу сделать для вас я и чего не может принц Иоанн.

– Тогда ты, должно быть, слеп, ибо принц Иоанн совсем ничего для меня не делает. – Она обернула бинт вокруг груди Фулька и поинтересовалась: – Не слишком туго?

Фульк в замешательстве покачал головой:

– Но как же... я думал... Мне сказали, что прошлой ночью вы разделили с ним постель. Разве не так?

– Так, – мрачно подтвердила она. – И это было довольно приятно. Но то, что я получила взамен... вряд ли это можно считать выгодной сделкой. Наверное, тебе сказали также и то, что мне предстоит выйти замуж за одного из собутельников Иоанна?

– Да, миледи.

– Я попросила Иоанна пообещать, что он предоставит мне самой выбирать себе мужа. Он сказал, что подумает. – Уна шумно вздохнула и закрепила бинт маленькой английской булавкой. – Да уж, это было слишком поспешное решение. Ну да мне все равно. Я буду

любящей и верной женой Ги де Шомону... Или тому, что от него останется через шесть месяцев. – Ее голос прозвучал так вкрадчиво, что у Фулька от нехорошего предчувствия по спине пробежал холодок.

– Вы хотите сказать, что убьете его?

Уна рассмеялась и покачала головой:

– А смысл? Чего я этим добьюсь, кроме того, что получу очередного мужа, которого мне опять выберет Иоанн? А вот если с милордом де Шомоном произойдет несчастный случай – ну, например, он ударится на охоте головой и потеряет разум, – то распоряжаться всем придется мне и тому, кого я поставлю управляющим землями моего несчастного супруга.

Фульк поежился. Да уж, эта женщина не остановится ни перед чем. И если Теобальд, с его богатым жизненным опытом, моментально раскусил прекрасную вдовушку, то теперь глаза открылись и у Фулька.

– Так чего же вы хотите от меня? – поинтересовался он. Ему стало не по себе: а вдруг Уна попросит его устроить де Шомону этот «несчастный случай»?

– Я хочу, чтобы ты забрал Тару. – Уна показала через плечо на собаку. – Я уже говорила: мертвый муж мне не нужен. А я боюсь, что Тара перегрызет де Шомону глотку, если только он сам раньше не убьет ее. А на тебя моя собака не рычит. Забери Тару с собой в Англию. Она будет верно тебе служить.

Фульк покосился на собаку. А та, словно почувствовав его взгляд, подняла голову и пару раз стукнула хвостом по полу. Интересно, как отнесется лорд Теобальд к тому, что на полу его комнаты будет похрапывать охотничья собака размером с пони?

– Ну что, возьмешь Тару?

– С удовольствием, миледи, – сказал Фульк, обрадовавшись, что отделался так легко. Но тут же нахмурился. Уна сказала: «Забери ее с собой в Англию» – словно поездка была делом решенным. И он спросил: – А что заставляет вас думать, будто я не останусь в Ирландии надолго?

– Не что, а кто! Твой принц. – Взгляд ее васильковых глаз вдруг стал твердым, как стекло. – Когда все серебро будет потрачено, а все вино выпито, игра закончится. В свите Иоанна есть достойные люди. Один из них – твой господин, другой – Уильям де Бург, но оба, увы, ничего не могут поделать, поскольку связаны по рукам и ногам властью принца. Как долго вы тут задержитесь? Думаю, до осенних ветров, не дольше. – Наклонившись над Фульком, Уна коснулась губами его щеки, а затем отступила назад. – Эх, будь ты лет на десять постарше! – с чувством сказала она. – Какая жалость, что ты так молод! Хотя, может быть, это и к лучшему.

По дороге к двери Уна наклонилась к собаке, обняла ее обеими руками и нежно шепнула своей любимице на ухо прощальные слова на родном языке. Потом, приказав Таре остаться, быстро вышла не оборачиваясь.

Фульк наконец-то позволил себе глубоко вздохнуть – с облегчением и сожалением одновременно – и тут же схватился от боли за ребра. Через мгновение собака неслышно подошла к своему новому хозяину и лизнула ему руку.

– Вот это было у тебя под чепраком. – Усевшись на край кровати, Жан продемонстрировал Фульку осколок стекла от разбитого кубка. Из таких кубков пили только представители знати, сидевшие за почетным столом, поскольку стекло стоило дорого и к тому же легко билось. – Хитро задумано: в ту секунду, как ты опустишься всей тяжестью своего веса на седло, осколок должен был вонзиться в тело чалого, словно острая шпора.

Фульк взял кусок стекла и повертел его в пальцах. На кожу упало пятнышко зеленого света. Зловещий острый зубец окрашивала толстая полоса запекшейся крови с прилипшими серыми волосками. Осколок сам по себе был недостаточно длинным, чтобы убить животное,

но его хватило, чтобы оно обезумело от боли, так что не выдержало сердце. Фульк вспомнил хитрый взгляд де Мальфе и довольную ухмылку на лице принца Иоанна. Они, несомненно, сочли это удачной шуткой.

– Я знаю, кого винить, – мрачно произнес он. – Отец был прав. – (Жан вопросительно поднял брови.) – Мне надо было сделать так, чтобы этот ублюдок больше не поднялся.

В сентябре из Англии прибыла галера с письмами, на ней же приехали и посланники короля Генриха. Пророчество Уны сбылось.

– Мы отправляемся в Англию, – сказал Теобальд, одеваясь к обеду у себя в комнате. Час тому назад он вернулся с приватной беседы, имевшей место в покоях Иоанна. – Дорожные сундуки должны быть собраны к рассвету.

Фульк знал, что так и будет. И без предсказаний Уны все было понятно: и по неуклонному потоку дезертирующих наемников, и по недовольным разговорам горожан, которым постоянно недоплачивали за товар.

– Выходит, король Генрих не прислал больше серебра?

Фульк помог Теобальду облачиться в придворную котту из малиновой шерсти, обшитую по краю золотой тесьмой.

Теобальд покачал головой:

– Если серебро и прибыло, то не для Иоанна. Пусть он и любимчик Генриха, которому отец во всем потакает, но всему есть свои пределы. На новое серебро попросту опять купили бы вино, а казна Генриха не бездонна. Подозреваю, Иоанн, приехав домой, сперва получит нагоняй, а потом... Словом, повторится история про блудного сына.

Фульк понимал, что имел в виду Теобальд. После происшествия с шахматной доской принца лишь слегка побранили, не более того.

Теобальд застегнул пояс и проверил, надежно ли пристегнуты ножны.

– В том, что случилось, виноват не только Иоанн, – сказал он, проводя гребнем по своим коротко подрезанным рыжеватым кудрям. – Нельзя ожидать от избалованного юнца, что тот будет выполнять работу взрослого. И тем не менее, – прибавил Уолтер, положив гребень на сундук, – полагаю, что урок все усвоили. – Взяв плащ, он улыбнулся Фульку. – Бьюсь об заклад, что тебе не жалко уезжать, да?

– Вы правы, сэр. Не могу сказать, что мне здесь было слишком плохо. К тому же я многому научился, но... – Фульк слегка покраснел под спокойным взглядом серых глаз лорда. – Но я хочу снова увидеть семью и родной дом.

– Странствовать приятно. – Теобальд перевел взгляд с Фулька на оконный проем, сквозь который проникал тусклый зимний свет. – Но и возвращаться обратно тоже очень приятно.

Они отправились из Уотерфорда с утренним приливом. Резкий ветер гнал корабль к дому, и оба вглядывались в покрытое рябью серое море: Теобальд с тревогой, а Фульк – с покорностью.

Пока последние сундуки еще грузили на корабли, Жан вернулся из очередного набега на кухню с богатым уловом – бараньим пудингом, бутылкой хмельного меда и известием для Фулька: Ги де Шомон, новый муж Уны Фицджеральд, был серьезно ранен на охоте.

Глава 6

Валлийская граница, лето 1189 года

Старшие мальчики из семейства Фицуорин и братья де Ходнет, Болдуин и Стивен, провели все утро на ярмарке в Освестри, изучая товары, которые предлагали шорники, торговцы лошадьми и оружейники. Фулька надо было забрать отремонтированную уздечку, Уильям искал новое седло, и, конечно, все молодые люди не прочь были поглазеть на изящные мечи, выложенные на тряпице перед лавкой кузнеца.

Некоторые из клинков были выкованы из одной полосы стали, другие изготовлены по старинке, из нескольких слоев железа, и отбиты молотом до появления на поверхности причудливых волнистых узоров. Говорили, что эти узорчатые клинки слабее обычных, но зато им не было равных по красоте.

– Когда стану рыцарем, куплю себе такой клинок. – Карие глаза Уильяма горели жадным огнем.

Ему уже исполнилось восемнадцать, и теперь этот стройный вспыльчивый юноша отчаянно жаждал наступления заветной церемонии, которая сделает его наконец настоящим мужчиной и воином.

Фульк от души одобрил выбора Уильяма. Он и сам был не прочь владеть подобным оружием, вот только лорд Теобальд пообещал, когда придет его время быть посвященным в рыцари, подарить Фицуорину меч. Церемония состоится, скорее всего, когда лорд Уолтер вернется в Англию. Сейчас он сражался где-то там, за проливами, в Анжу. Король Генрих и принц Ричард снова были готовы вцепиться друг другу в глотку. Принц Иоанн, присоединившись к отцу, выступал против Ричарда, и, судя по известиям, доносившимся до них сюда, в Валлийскую марку, противостояние это становилось ожесточенным и приобретало все более уродливые черты.

Фульк был рад, что больше не надо служить лорду Теобальду. Вместо того чтобы уехать вместе с господином на материк, он отправился домой, куда его вызвали, когда серьезно заболел отец. Хотя Брюнин и оправился от лихорадки, что какое-то время угрожала его жизни, больше Фульк ко двору не вернулся. Отец счел, что старшему сыну не пойдет на пользу оказаться втянутым в превратности семейных войн Анжуйской династии.

Одним словом, сегодня Фульк волен был наслаждаться отличной погодой, установившейся на Ламмастайд⁸, и ярмаркой в Освестри. Англичане и валлийцы беседовали, примеряясь к покупкам и прикидывая, что на что можно обменять. Языки их смешивались, одобренные немалой долей нормандского французского. Не всегда все заканчивалось миром. Ведь валлийцы и англичане издавна воевали друг с другом, а Освестри выступал полем битвы, на которое претендовали обе стороны, и разоряли его, соответственно, те и другие.

В прошлый раз Фицуорины были в городе в прошлом году после Троицы. Фульк, которому лорд Теобальд дал отпуск, чтобы повидать семью, отправился в Освестри послушать, как епископ Сент-Дэвидский и его дьякон, неистовый Гиральд де Барри, читают проповедь о необходимости нового крестового похода для восстановления христианского правления на Святой земле. Гиральд был столь красноречив и эмоционален, что некоторые откликались на его призыв прямо на месте и получали красные кресты, которые следовало нашить себе на плащ. Фульк тоже прочувствовал всю силу проповеди, но отказался, зная, что для его семьи Иерусалим – это Уиттингтон и будущее наследника семьи уже определено. Уильям

⁸ Ламмастайд – праздник первого урожая, отмечался 1 августа.

ринулся было вперед, как выпущенная из лука стрела, но рука Брюнина легла ему на загривок и вернула назад.

– Такой молодой и такой горячий – ты себя погубишь, – отрезал отец, завистливо поглядывая на Гиральда и епископа. – Ты с самого детства был таким: не успеет нянька рассказать тебе сказку про дракона, как ты тут же бежишь на его поиски.

Принц Ричард поклялся стать крестоносцем и отправиться в Иерусалим, едва только разрешится вопрос с наследством. Брат лорда Теобальда, Хьюберт Уолтер, тоже принес клятву, как и Ранульф де Гланвиль. Сам Теобальд должен был остаться в Англии и находиться в свите Иоанна. Это был весьма разумный ход, чрезвычайно выгодный для семейства Уолтер.

– А мне нравится вот этот. – Филипп поднял один из простых стальных мечей.

Клинок этот как нельзя лучше подходил к характеру юноши. Третий сын Фицуоринов был человеком основательным и осторожным, что не слишком сочеталось с его внешним обликом – буйной гривой непокорных рыжих кудрей.

Оба юноши из семьи де Ходнет предпочли узорчатые клинки. Устав от бесплодного энтузиазма несостоятельных покупателей, оружейники наконец прогнали всю компанию, ворча, что их потные пальцы оставляют на стали пятна.

Молодые люди направились в пивную: там содержимого их кошельков, если сложить все деньги вместе, хватило бы по крайней мере на пару кружек эля. Устроившись за столом в тени дуба, они пили по очереди. Тара, теперь по праву принадлежавшая Фульку, легла рядом, уронила голову на лапы и принялась исподлобья разглядывать окружающий мир. Юноша провел пальцами по грубой шерсти волкодава, жесткой, словно тонкая серебряная проволока.

– Надеюсь, она не кусается? – Одна из прислуживавших в пивной девушек опасливо остановилась полюбоваться могучей собакой. Облизнув губы, служанка бросила не менее настороженный взгляд на группу молодых людей.

Уильям осклабился и поднял кружку:

– Не-а! В отличие от меня, красавица. Хочешь посидеть у меня на коленях и попробовать?

– Не бойтесь, собака не кусается. – Фульк толкнул брата локтем и забрал кружку у него из рук.

Уильям вечно хвастался своими победами на любовном фронте, но Фульк подозревал, что по большей части он все придумывает, чтобы поднять авторитет среди сверстников.

Опыт самого Фулька существенно расширился с момента возвращения из Ирландии: Гунильде, одной из придворных куртизанок, вздумалось расширить его образование за пределы искусства владения оружием и арифметики. И Гунильда, по собственному ее выражению, научила юношу всему тому, чем рыцарь отличается от нескладного олуха. Уроки сии оказались чрезвычайно приятными и весьма поучительными, да к тому же принесли блаженное освобождение от страданий, которые сейчас терзали Уильяма.

– А погладить ее можно? – поинтересовалась служанка.

– Конечно.

Фульк что-то мягко сказал собаке и стал внимательно изучать девушку, которая робко гладила Тару по голове. Миниатюрная, симпатичная, с обворожительной улыбкой.

– Эх, вот бы и меня кто-нибудь тоже так погладил... – завел было Уильям, но Фульк довольно резко велел брату попридержаться язык.

Тот аж побагровел от негодования.

– Я первый ее увидел! – вскричал Уильям. – Ищи себе девчонку сам!

– Если ты хочешь быть рыцарем, то и ведай себя как рыцарь, – коротко ответил Фульк.

– И что это значит?

– Это значит: держи язык за зубами до тех пор, пока не сможешь сказать хоть что-то стоящее... все равно кому – хоть мне, хоть девушке.

Служанка испуганно смотрела на молодых людей, явно не поспевая за их беглым французским, но прекрасно понимая по интонациям, что назревает ссора.

Уильям рывком вскочил на ноги:

– Ты считаешь, что если был при дворе, то теперь можешь нами помыкать и разыгрывать из себя господина? Как бы не так! Мне ты не хозяин, и я буду поступать так, как мне заблагорассудится.

– Вперед! – сказал Фульк, делая приглашающий жест. – Давай, выстави себя дураком.

Братья злобно глядели друг на друга. Уильям прерывисто дышал, Фульк внешне сохранял полное спокойствие, хотя по подрагивавшему на шее краю котты можно было догадаться, как отчаянно колотится у него сердце.

– Уилл, сядь и успокойся, ты делаешь из мухи слона. – Филип, вечный миротворец, потянул брата за рукав.

Уильям стряхнул с себя его руку:

– Отстань, не хочу я садиться! Вечно все указывают, что я должен делать! Мне это надоело! – И он с независимым видом зашагал к коновязи.

Фульк смотрел брату вслед, несколько озадаченный тем, что только что произошло.

– Ты задел его гордость, – пояснил Филип. – И занял его место короля в замке. Пока ты был при дворе, Уилл оставался здесь самым старшим и сильным, неизменным заводилой. Теперь ты дома, и всем понятно, что он даже надеяться не может с тобой тягаться.

– Я вовсе не хочу ни с кем тягаться, – сказал Фульк, наблюдая, как Уильям сел в седло и натянул поводья. – Ради Христа, я при дворе видел столько распрей между родными братьями, что мне теперь на всю жизнь хватит. Боже упаси, если мы когда-нибудь станем такими же, как сыновья короля Генриха.

– Ничего, скоро он успокоится, – уверенно заявил Болдуин де Ходнет, когда Уильям уехал. – Характер у него вспыльчивый, но отходчивый.

– Однако помоги Боже тому, кто попадется Уильяму на пути, пока он не остынет, – скривился Филип.

Девушка ретировалась, едва началась ссора, но ушла не дальше двери пивной. Внезапно служанка вскрикнула, что заставило Фулька и его товарищей обернуться. Они увидели, как путь Уильяму преградила группа воинственно настроенных всадников.

Заметив флаги, развевающиеся на их копьях, Фульк прищурился и прошипел:

– Морис Фицроджер. – И стремглав кинулся к своей лошади.

Морис, который обыкновенно именовал себя лордом Уиттингтоном, был их заклятым врагом. Сопровождали его двое сыновей-подростков, Верен и Гвин, и пятеро вооруженных всадников. Фульк вскочил в седло, отчаянно пытаясь понять, как лучше поступить. Даже из соображений фамильной чести они сейчас не могли позволить себе драться. Поэтому надо было выручать вспыльчивого брата, пока не произошла стычка.

Но Фульк опоздал. Там уже заварились каша: Уильям направил своего уэльского коба прямо на жеребца Фицроджера и был немедленно выбит из седла. Под насмешки и хохот врагов бедняга растянулся на дороге. Фицроджер картинно приблизил кончик копья к шее Уильяма.

– Отпусти его, – приказал Фульк, подъехав поближе и натянув удила.

– Эге, да тут, как я посмотрю, не один щенок Фицуоринов, а сразу три, – ухмыльнулся Фицроджер. – Чего это вы заехали так далеко от своих земель?

Он продолжал шутливо поигрывать копьём у горла Уильяма, второй рукой легко сдерживая своего гнедого коня.

– Не дальше, чем ты – от своих! – отчаянно прорычал с земли Уильям, который и не думал сдаваться.

– Это еще почему? – в притворном удивлении поднял брови Фицроджер. – Уиттингтон, насколько мне известно, находится значительно ближе к Освестри, чем к Олбербери.

– Да, и он – наш!

Широкая ухмылка Фицроджера стала зловещей.

– Говоришь, Уиттингтон – ваш? Так приходи и попробуй его забрать. Ты только тявкать горазд, щенок, однако боишься высунуть нос из своей вонючей конуры.

И он с завидной ловкостью слегка надавил на кончик копыя, так что на шее у Уильяма показалась крохотная бусинка крови.

– Отпусти его, – повторил Фульк. Сделав над собой усилие, он сумел сохранить спокойствие, по крайней мере внешне.

Фицроджер рассмеялся:

– А если не отпущу, тогда что, малыш? Нападешь на меня со столовым ножом, как попытался этот недотепа? У него и оружия-то нормального нету!

– Ну что ты пристал к мальчишке? Охота тебе понапрасну время тратить?

– О нет, это время потрачено не впустую! – с энтузиазмом заявил Фицроджер. – Я вполне могу уделить несколько минут, чтобы преподать наглецу урок, который он не скоро забудет. Вообще-то, следовало бы поучить отдельно каждого из вас, поскольку Фульк ле Брюн не сумел дать сыновьям хорошее воспитание.

Распластавшийся на земле Уильям закашлялся – от гнева и оттого, что копые давило ему на горло. Всадники зашевелились, не слезая с седел, вытащили оружие, принялись разминать мускулы. Из-под шлемов сыновья Мориса ухмылялись друг другу. Фульк сдерживался из последних сил, понимая, что не может позволить себе дать волю гневу.

– Отец всегда учил нас выказывать почтение исключительно достойным людям, так что у нас никогда не было причин вести себя вежливо с семейством Фицроджер, – ядовито парировал он и, бросив косой взгляд вниз, отрывисто скомандовал что-то Таре.

Серебристо-серая молния и резкий удар клыков по рукояти копыя – вот что увидел и почувствовал Морис, когда волкодав бросился на него. Он заорал и отдернул руку, уронив копые. Фульк ловко подхватил оружие, ткнул им в противника и скинул того с седла. Собака потянулась было к лицу лорда, но Фульк успел окриком остановить ее за мгновение до того, как стальные челюсти сомкнулись на носу Фицроджера.

Засверкали мечи, вылетающие из ножен, а Фульк прикоснулся концом копыя к горлу поверженного противника:

– Не думай, что я этого не сделаю, потому что проявлю сострадание. Еще как сделаю. – Он оглядел спутников Фицроджера жестким, как кремь, взглядом. – Я уже дрался в Ирландии и знаю вкус крови. Если мой брат щенок, то я – волк.

Люди Фицроджера таращились на него, ошеломленные тем, сколь быстро и внезапно переменились роли.

– Уильям, садись на лошадь, – мотнул головой Фульк.

Юноша кое-как поднялся и сел в седло. Он сильно побледнел, и струйка крови у него на горле казалась ярко-малиновой.

– Ты за все заплатишь, – прохрипел с земли Морис Фицроджер. – Клянусь своей бесмертной душой, дорого заплатишь.

Глядя вниз, в наполненные злобой глаза, Фульк испытал сильный соблазн надавить на копые, но тут же одернул себя: сейчас их цель – спокойно уйти отсюда. Не сводя взгляда с Фицроджера, он коротко приказал товарищам скакать домой.

– Живо! – заорал Фульк, даже не увидев, а почувствовав, что Уильям колеблется.

Услышав удаляющийся топот копыт, он слегка надавил на копьё, чтобы пролить каплю крови, так же как Фицроджер недавно поступил с Уильямом.

– Ты прав, – хрипло сказал Фульк. – Я обязательно заплачу за все. И Бог свидетель: ты получишь по заслугам. Клянусь своей бессмертной душой!

И, убрав копьё от горла Фицроджера, он легко взял оружие наперевес и вскочил в седло. Отдав краткую команду, Фульк подозвал собаку к стремяни и галопом поскакал за остальными.

– Фульк, мне так стыдно, – удрученно произнес Уильям.

Позволив тяжело дышащим коням перейти на рысь, они, дабы миновать деревню, срезали путь и поехали по старой дороге, по которой обычно гоняли скот.

– Еще бы тебе не было стыдно! – воскликнул Фульк. Он до сих пор не мог успокоиться, поскольку не был уверен, что они в безопасности. – Из-за тебя нас всех могли бросить в тюрьму или привязать к лошадиным хвостам и протащить из одного конца Освестри в другой! Хотя Морис Фицроджер и настоящий подонок, он тем не менее считается в городе человеком влиятельным. А кто мы по сравнению с ним? Заезжие оруженосцы, зеленые юнцы со столовыми ножами на поясе вместо мечей и парой серебряных монет в кармане: на две кружки эля на всех и то еле-еле наскребли.

– Послушай, я ведь уже сказал, что мне стыдно. И, кроме того, не один я виноват. Фицроджер все равно не дал бы мне спокойно уехать.

– А тебе не пришло в голову просто отойти в сторонку?

Фульк мог бы и не задавать этого вопроса. Он прекрасно знал своего брата: Уильяма не остановили бы даже все демоны ада.

– Скажи честно, неужели ты сам на моем месте так поступил бы?

– Чтобы избежать беды – да.

Некоторое время Уильям недоверчиво смотрел на брата. А потом губы его тронула улыбка.

– После всего, что ты сделал с Фицроджером, даже если это было только ради спасения моей шкуры, я тебе не верю. Да твой волкодав чуть не загрыз его. Разве не так?

– Так, но если бы ты хоть немного пораскинул мозгами, прежде чем лезть в драку, мне не пришлось бы спускаться на Фицроджера пса, и тогда мы бы сейчас не бежали через поля, как разбойники.

Фульк оглянулся через плечо. Слава Богу, оставшаяся позади дорога была пуста, насколько хватало глаз!

– Но согласишься, что я не зря ввязался в драку. Оно ведь все-таки того стоило, да? – Улыбка Уильяма стала шире, и вот уже он ухмылялся во весь рот.

Фульк почувствовал, как его губы тоже кривятся в невольной улыбке. Тем не менее он строго сказал в ответ:

– Задашь этот вопрос отцу, после того как он ремнем сдерет с тебя шкуру.

Уильям скорчил гримасу и пожал плечами.

– Подумаешь, мне не привыкать. Можно я понесу копьё? – попросил он и протянул руку.

– И когда ты только наконец поумнееешь, – вздохнул Фульк, передавая ему оружие.

Уильям обхватил ладонью гладкую ясеневую рукоять, стиснув ее так, что жилы на запястье выступили, как натянутые веревки. По довольному выражению на лице Уильяма Фульк понял, что брат предпочел пропустить его последнее замечание мимо ушей.

Они вновь поскакали в таком бешеном темпе, что, когда через несколько часов въехали в Олбербери, лошади были все в мыле. Отец, держась руками за пояс, с мрачным видом поджидал сыновей во дворе.

Прекрасно зная, что это невозможно, Фульк тем не менее на мгновение предположил, что известие о происшествии в Овестри опередило их. Но Брюнин шагнул вперед и, даже не поинтересовавшись, почему лошадей так сильно гнали по летней жаре или зачем Уильяму копье, сказал:

— В полдень прискакал гонец. Король Генрих умер, и нас вызывают в Винчестер, чтобы принести присягу Ричарду.

Глава 7

Вестминстерский дворец и его окрестности, сентябрь 1189 года

– Фульк! – Теобальд Уолтер заключил своего бывшего оруженосца в медвежьи объятия и снова отодвинул, разглядывая с ног до головы. – Боже милостивый, да ты никак еще подросток? – Он покачал головой и продолжил: – Нет, это просто темный цвет котты делает тебя выше, и ты уже не выглядишь долговязым мальчишкой. – Уолтер повел Фицуорина в шатер из полосатой парусины, служивший ему жильем. – Ты готов к посвящению в рыцари?

– Да, милорд, – с жаром ответил Фульк. – И двое моих братьев тоже получают шпоры!

– Ваш отец должен гордиться. Три сына, посвященные в рыцари королем Ричардом Львиное Сердце, – воистину знак милости.

Для видимости Фульк согласился. Получив известие, отец, разумеется, был доволен, но отнюдь не пришел в бурный восторг. «Может, Ричард и оказывает мне честь, возводя моих сыновей в рыцарское достоинство, но намного большей честью было бы признать наши претензии на Уиттингтон», – запальчиво говорил он.

– А что, ваша мама тоже здесь? – поинтересовался Уолтер.

Фульк кивнул:

– Да, и тетка, и остальные братья. Коронация и возведение в рыцарство – события слишком редкие и слишком торжественные, чтобы их пропустить. Хотя женщинам и не дозволяется присутствовать на коронации, но моя мать рассчитывает побывать на базаре – отец опасается, как бы она не оставила там все наши накопления! – и повидаться с подругами, которые тоже приехали в столицу побродить по торговым рядам да посплетничать. – Он хмыкнул.

Теобальд тоже усмехнулся в ответ:

– На других посмотреть и себя показать.

Он жестом велел своему младшему оруженосцу Адаму налить им вина. Фульк покраснел от удовольствия и смущения. Они с Теобальдом впервые будут пить как равный с равным, а не как господин со слугой.

– За короля Ричарда! – поднял кубок Теобальд. – И за наших славных рыцарей! – Если в тосте и присутствовала толика цинизма, барон тщательно это скрыл.

– Аминь, – отозвался Фульк. Он повторил движение учителя и сделал глоток.

– Наверное, ты пришел сюда в поисках Жана, – предположил Уолтер, опустив кубок.

Лицо Фулька озарила улыбка.

– Отчасти, милорд, но прежде всего я хотел засвидетельствовать свое почтение вам. Зная Жана, можно предположить, что он, скорее всего, не здесь, а где-нибудь на кухне или в конюшне.

– Ты хорошо его изучил, – усмехнулся Теобальд. – Возведение в рыцарское достоинство явно не прибавило твоему приятелю ни светскости, ни высокомерия.

– А что, Жан все еще собирается отправиться в Святую землю?

– Да, – посерьезнел Теобальд. – Мне будет его не хватать, зато моему брату повезло: Жан отправится в составе его свиты. – В голосе Уолтера появилась нотка недовольства. – Между нами, этот парень, в отличие от большинства крестоносцев, отнюдь не пылает религиозным рвением. Всею виной его проклятая страсть к путешествиям. Хочет посмотреть дальние страны и чужеземные обычаи – говорит, мол, всю жизнь только об этом и мечтал. – Теобальд внимательно взглянул на Фулька из-под тяжелых светлых бровей. – Сам-то не вдохновился идеей отправиться в Святую землю?

– Немного, сэр, но не настолько, чтобы нашить крест себе на плащ. Вот мой брат Уильям горячо желал поехать, однако отец чуть ли не силой удержал его.

– А в молодости, думаю, твой отец и сам бы поехал, – фыркнул Теобальд. – Известный был задира. Никто никогда не выступал с копьем против Брюнина Фицуорина, если была хоть малейшая возможность избежать этого.

Фульк почувствовал легкий прилив гордости за отца:

– Ну, он до сих пор такой.

Юноша отпил еще вина. Оно было нежное, словно красный шелк, и напомнило ему, что Теобальд всегда отличался безупречным вкусом.

Полог шатра откинулся в сторону, и вошел брат Теобальда, Хьюберт, в сопровождении незнакомого Фульку стройного лысеющего мужчины средних лет. Последний был представлен ему как барон Робер ле Вавасур, лорд Шипли и Уоррингтона, чьи северные владения граничили с землями Теобальда. Как и все крупнейшие вассалы короны, ле Вавасур прибыл, дабы присутствовать на коронации и принести новому монарху вассальную клятву.

– Фицуорин? – Он смерил Фулька с ног до головы взглядом, в котором таилось какое-то странное, ревнивое выражение. – Ты, должно быть, один из отпрысков Брюнина?

– Сэр, вы знаете моего отца? – Фульк был неприятен этот пристальный взгляд.

На губах ле Вавасура появилась кривая улыбка.

– Волею судьбы мы с ним в свое время оказались соперниками: оба претендовали на руку и сердце твоей матери. Брюнин выиграл – что, в общем-то, неудивительно: ведь он некогда был личным оруженосцем ее отца. А это явное преимущество, так что борьба была не совсем честной.

Фульк не нашелся, что на это ответить.

Ле Вавасур презрительно скривил губу:

– А я вместо Хависы женился на Ионетте де Беркин. К несчастью, она не одарила меня выводком сыновей, как твоя мать, а родила мне лишь одну-единственную дочь. Горести и неудачи преследовали бедняжку Ионетту до самой смерти. – В голосе его звенела горечь.

– Да упокоится душа твоей супруги с миром, – перекрестившись, сказал Теобальд, рассудив, что необходимо привнести в разговор толику сострадания.

Фульк последовал его примеру, осенив себя крестом и пробормотав приличествующие случаю слова.

Ле Вавасур только хмыкнул и сложил руки на груди, всем видом своим давая понять, что он человек, с которым надо считаться.

– Да уж, хорошо бы, – грубо сказал он. – Особенно если учесть, сколько серебра я потратил на мессы на помин ее души. – После столь пренебрежительного замечания барон решил сменить тему и перешел к разговору о дочери: – Я привез с собой юную Мод. Всегда лучше делать все заблаговременно. Так что пора уже начать присматривать ей подходящую партию. Приданое за дочерью я даю хорошее. Трудно сказать, будет ли она красавицей, когда войдет в возраст, хотя от матери девочке достались роскошные волосы. А вот характер Мод явно унаследовала от Вавасуров. – Он потер подбородок и хитро глянул на Теобальда. – И вот что я скажу тебе, лорд Уолтер: если бы ты посватался, я бы не стал возражать.

Похоже, предложение это искренне изумило Теобальда.

– Я? А сколько лет твоей дочери? Если не ошибаюсь, она ведь совсем еще ребенок, да?

– На Иванов день двенадцать исполнилось. Так что по закону Мод уже может вступать в брак, – ответил ле Вавасур, задиристо выставив вперед подбородок.

– Господи, Роб, да я ей в дедушки гожусь!

– Ну, не приbedняйся! Седых волос у тебя на голове почти нет, а я бы предпочел выдать дочь за человека, который знает жизнь и умеет сражаться и повелевать, нежели вручить ее какому-нибудь молокососу. По мне, так зрелый мужчина, обладающий опытом, гораздо

лучше смазливому юнца. – Барон покосился на Фулька, не имея, впрочем, намерения оскорбить его, поскольку высказал свои воззрения вообще. И заключил, обращаясь к Уолтеру: – Наши с тобой земли граничат на севере. Это был бы взаимовыгодный союз.

– Но я не собираюсь вступать в брак, – покачал головой Теобальд.

– И напрасно. Пора подумать о потомстве. Твой братец уж точно не обеспечит вашему роду законного наследника, верно? – Он кивнул на Хьюберта и добавил: – Так что тебе надо жениться.

– Но не на двенадцатилетней девочке! – возразил ему Теобальд.

Ле Вавасур не стал настаивать.

– Как знаешь. Но если вдруг передумаешь, помни, что я всегда предпочту прочим женихам человека твоего положения и достатка. – И он плавно сменил тему, начав говорить что-то незначашее о коронации.

Фульк вежливо откланялся и отправился в поисках Жана на кухню, пробираясь среди нагромождения шатров и построек. Робер ле Вавасур ему решительно не понравился. Очень уж высокого мнения этот человек был о себе, и слишком уж безапелляционно он судил обо всех остальных.

Наконец Фицуорин отыскал друга на кухне, в компании толстой Марджори, которая громко бранилась.

– Подумать только, тысяча дополнительных чашек и две тысячи кувшинов! – возмущалась кухарка. Марджори хлопотала над тремя котлами сразу, отчего по ее раздумавшемуся лицу струился пот. – И это только начало. Да старый король в гробу бы перевернулся, увидев такое мотовство! – Она погрозила деревянным черпаком Жану, а потом – Фульку, словно в том была их вина.

Фульк огляделся. Дворцовая кухня, на его взгляд, сильно смахивала сейчас на преисподнюю. Под котлами вовсю пылал огонь, от наполненных углем топок волнами исходил дрожащий жар. Повара размешивали подливу и готовили начинку для пирогов. За горой тушек кур, уток и куропаток не видно было печь, в которой пекли хлеб для предстоящего пира. Несколько служанок ощипывали дичь и набивали перьями мешки. В углу ждала мясника туша огромного кабана. Поскольку погода стояла хорошая, то работа кипела даже на улице: на площадке перед входом в кухню слуги при свете факелов рубили мясо, что-то мешали и разделявали. Сегодня ночью никто не собирался спать, так же как и завтра утром.

– Просто Ричард знает, как важно произвести должное впечатление, – сказал Жан возмущенной женщине и показал рукой на Фулька. – Накорми человека до отвала, дай ему почувствовать собственную важность, и он захочет проявить ответную щедрость.

– Так, значит, нам должны поднять жалованье? – мрачно поинтересовалась Марджори. Потом, досадливо крикнув, кухарка смягчилась и бросила каждому из юношей по большому имбирному прянику: их на деревянном подносе лежала целая куча. – А теперь идите отсюда. – Марджори махнула рукой в сторону открытой двери. – Сегодня у меня нет времени языком чесать, а пользы от вас все равно никакой не дождешься.

– Очень жаль, мадам, что вы о нас столь нелестного мнения. Увы, мы вынуждены удалиться, – поклонился ей Жан.

Кухарка шутливо погрозила ему кулаком и не смогла сдержать улыбку, после чего вновь вернулась к скоплению котлов, кипящих на медленном огне.

– Как я рад тебя видеть! – Жан хлопнул Фулька по плечу.

– И я тебя тоже!

Фульк с удовольствием откусил солидный кусок сдобренного специями пряника и, работая челюстями, поведал приятелю о предстоящем ему посвящении в рыцари.

– Стало быть, теперь к тебе придется обращаться «сэр Фульк», – с невинной улыбкой поддразнил друга Жан.

Его самого посвятили в рыцарское достоинство еще два года назад, но в отличие от Фицуорина де Рампеню не приходилось рассчитывать на наследство, и он зарабатывал себе на жизнь, служа семейству Уолтер.

– Не думаю, что кто-нибудь удостоит меня таким обращением, – рассмеялся Фульк.

– А у тебя разве не будет оруженосца?

– Будет. Мой брат Иво. И уж он-то точно не станет говорить мне «сэр».

Выйдя из кухни, они остановились у котла с вином и водой, в который мальчишка-поваренок мисками засыпал пшеницу и ячмень. Там готовилась сладкая каша.

– А что ты будешь делать после церемонии?

– Может, для начала съезжу на турниры.

Так поступали многие молодые люди, недавно посвященные в рыцари. Те, у кого не было земли, выходили на ристалище в надежде наняться на службу или заполучить собственный феодал. Те же, у кого имелись перспективы получить наследство, участвовали в турнирах, чтобы просто убить время, развеять скуку и заодно набраться боевого опыта. То была прекрасная школа, хотя и несколько опасная.

– Значит, как я понимаю, отправиться в Святую землю ты не жаждешь? – Жан показал на крест из красного льна, нашитый на его плаще в знак принятия обета последовать за королем Ричардом. – Это тебя совершенно не интересует?

– Интересует немного, но я не такой ревностный христианин, да и земли нашей семьи для меня важнее. Для тебя это не имеет такого значения, и я знаю, как у тебя начинают зудеть ноги, когда ты слишком долго остаешься на одном месте.

Жан усмехнулся, услышав из уст приятеля такую оценку, и подтвердил:

– Мне непременно надо знать, что по ту сторону холма, и не важно, трава там или пустыня.

– Обычно там – новый холм, – сказал Фульк.

По молчаливому согласию они направились в сторону одного из трактиров, где собирались дворцовые слуги и стражники, свободные от несения караула. Друзья заняли недавно освободившийся стол и заказали кувшин меда – залить жар от пряных сладостей.

– Отец говорит, что Ричард выставит Англию на продажу, – сказал Фульк, когда они наполнили чаши. – Что теперь абсолютно все – будь то титул лорда или должность шерифа – отберут у нынешних обладателей и продадут тому, кто больше предложит.

– Похоже на правду, – кивнул Жан. – Дядю лорда Теобальда, Ранульфа, уже лишили должности шерифа Йоркского и заставили заплатить полторы тысячи фунтов штрафа за злоупотребление полномочиями.

– Злоупотребление полномочиями? – Фульк представил себе седовласого, исполненного достоинства Ранульфа. – Вот уж надуманное обвинение!

– Отчасти да. Ранульф не может быть везде одновременно, и поэтому он передал часть работы своему управляющему – того тоже оштрафовали на немалую сумму. Раздули мелкое нарушение до невозможности. – Жан потер пальцем рисунок, вырезанный на толстом днище кружки. – Вся власть Ранульфа исходила от короля Генриха, а Ричард хочет показать, кто теперь в стране хозяин. Нынче его слово – закон. Семья де Гланвиль не сильно пострадает, но им дали понять, чтобы они не слишком кичились своей властью.

– А что обо всем этом говорит лорд Теобальд?

Жан пожал плечами:

– Почти ничего. Лорд Уолтер достаточно дальновиден, чтобы понимать, когда язык лучше держать за зубами. Его брат Хьюберт квартирует в лагере Ричарда, а он сам остается в свите Иоанна – так что они, как говорится, не складывают все яйца в одну корзину. Пока Ричард не женится и не обретет наследника, Иоанн – его преемник.

Фульк криво усмехнулся. Что-то Ричард не торопится обзаводиться потомством. Новому королю уже исполнилось тридцать два. Он был помолвлен с французской принцессой Алисой дольше, чем Фульк жил на свете, и до сих пор не слышно никаких разговоров о свадьбе. А теперь он еще затеял Крестовый поход, что, как известно, отнюдь не способствует долгой жизни. Так что Иоанн и впрямь вполне может со временем оказаться на троне Англии.

– А как же принц Артур? – вспомнил он.

Жоффруа, следующий в линии наследования после Ричарда, вскоре после бесславного возвращения Иоанна из Ирландии погиб на рыцарском турнире в Париже. Но у него осталась беременная жена, которая благополучно разрешилась сыном.

Жан покачал головой:

– Артуру, герцогу Бретани, всего два года. Неужели ты думаешь, что наши лорды предпочтут Иоанну воспитанного за границей ребенка? Иоанн, при всех его недостатках, как-никак родной брат Ричарда. Тот может пугать принца, что назначит наследником Артура, однако, поверь мне, на самом деле король никогда так не поступит.

– Тогда я от души желаю Ричарду долгого и благополучного правления! – с чувством произнес Фульк. – Меня волнует, кто станет управлять землями Ричарда, пока он будет спасать Иерусалим? Кто спасет Англию от Иоанна?

– Лорд Теобальд говорит, что королеву Алиенору наверняка назначат регентшей. Хьюберт сказал ему, что Ричард не отдаст Иоанну ни толики власти, поскольку не сомневается: тот не станет пекся ни о каких делах, кроме своих собственных.

– Надеюсь, что это правда. – Фульк вспомнил, как все было в Ирландии, и ужаснулся, представив себе, на что окажется способен мстительный, деспотичный Иоанн, если вдруг получит неограниченную свободу, подкрепленную к тому же внушительным денежным содержанием. Не дай бог Ричард погибнет в Крестовом походе... Фульк скривился и глотнул меда, чтобы прогнать эту мысль.

Из трактира они не спеша отправились к шатрам, где размещалась свита Фицуорина. Ни клочка зелени не было видно между многочисленными парусиновыми жилищами, принадлежащими лордам и вассалам, которые приехали в Вестминстер, дабы присутствовать на церемонии коронации и принести клятву верности новому королю.

– Твой отец станет предъявлять права на Уиттингтон? – спросил Жан, когда они подходили к шатрам Фицуоринов.

Парусина была выкрашена в их родовые цвета, а на копье, воткнутом в землю возле большего из двух шатров, трепетало красно-белое знамя.

– Это была первая его мысль, как только он услышал о смерти короля Генриха, – кивнул Фульк. – С тех пор отец копит серебро, поскольку знает не хуже остальных, что Ричарду нужны деньги для Крестового похода и что он... э-э-э... рассматривает любые предложения. – Тут лицо юноши несколько омрачилось. – Но знал бы ты, Жан, как терзает отца то, что владение, принадлежащее нам по праву и по справедливости, придется покупать, словно отрез ткани на базаре.

Их разговор был прерван жутким воплем: мимо, сжимая в руках сшитый из кожи мяч, пронеслась девчушка лет одиннадцати. Фульк разглядел белокурые косички и синее платье, подол которого был подоткнут, чтобы одежда не мешала бежать. Изящные сафьяновые туфельки украшали стремительно мелькавшие ножки. Девочка весело смеялась на бегу.

– А ну отдай! – Из-за угла шатра, тяжело топая и громко вопя от негодования, выбежали три мальчика: Ален с Ричардом – младшие братья Фулька и их друг Одульф де Браси.

– Отдам, если возьмете меня играть! Почему вы меня не принимаете?

Девочка резко развернулась, сунула мяч под мышку и отбросила с лица косички. Ее плоская детская грудь тяжело вздымалась. Изящная серебряная фибула, украшавшая вырез

платья, и тонкая вышивка на ткани выдавали положение незнакомки – оно было по меньшей мере не ниже, чем у Фицуоринов.

– Да потому что ты девчонка! – Голос Алена звенел от праведного гнева.

– И что из этого? Ты что же, думаешь, будто я хуже всяких тупоголовых мальчишек?

– Ничего я не думаю! А ну, отдай мячик!

Ален рванулся к девочке. Та вскрикнула и бросилась было бежать, но не успела – мальчик поставил подножку, и она упала, растянувшись на траве. Но вместо того чтобы расплакаться или закатить истерику – так поступало подавляющее большинство маленьких девочек, встречавшихся Фульку, – она крепко стиснула мяч и принялась лупить им Алена, пока тот ради собственной безопасности не отпустил забияку. Ричард и Одульф изумленно разинули рот, как две вытащенные на берег рыбы.

Растрепанная, но торжествующая, девочка кое-как поднялась на ноги, по-прежнему крепко удерживая обеими руками мяч. Большое пятно от травы безнадежно испортило ее синее платье, а одна подвязка развязалась, так что чулок на тощей левой ножке неприлично собрался складками.

– Ребята, да возьмите вы ее играть, – сквозь смех проговорил Фульк. – Она это заслужила.

Девочка метнула взгляд на юношу, явно только что его заметив. Фульк ожидал увидеть на ее личике голубые глаза, какие обыкновенно бывают у блондинок, но они оказались изумрудно-зелеными. В обрамлении тяжелых ресниц, цветом чуть темнее волос, они напоминали дорогое стекло в красивой оправе.

– Я уже и сама не хочу с ними играть, – заявила незнакомка, царственно вздернув аккуратный маленький носик, и бросила мяч раскрасневшемуся Алену, словно корку хлеба нищему. – Это ваш оруженосец? Ну и ну, никаких манер.

– Это мой брат, – с трудом подавил ухмылку Фульк.

Стоящий рядом с ним Жан не выдержал и прыснул.

Девочка с сомнением разглядывала собеседника:

– Похоже, он намного вас моложе.

– На одиннадцать лет, – пояснил Фульк, бросив предостерегающий взгляд на Алена, который, казалось, вот-вот взорвется, как бочонок с кипящей смолой. – А позвольте поинтересоваться, миледи, кто вы?

Девочка снова откинула косички за спину и устремила на юношу надменный взгляд. Учитывая, какой расхристанный был у нее вид, это выглядело трогательно.

– Я Мод ле Вавасур, – гордо заявила она. – Мой папа – важный лорд и помощник шерифа Ланкашира. Знаете его?

У Фулька от удивления расширились глаза.

– Да, я встречался с вашим батюшкой.

В глазах у Мод появилась тревога, но девочка гордо выставила вперед подбородок.

– Не может быть.

– Почему? Очень даже может. Вашего отца зовут Робер, и он носит красную котту и синие шоссы⁹ с ярко-красными завязками, – ответил Фульк и мысленно добавил: «И готов предложить свою дочь в жены Теобальду Уолтеру или любому другому высокородному господину, лишь бы тот согласился заплатить брачную пошлину».

Во взгляде Фулька промелькнула искорка жалости. Да ведь эта Мод совсем еще ребенок: щуплая, с неразвитой грудью, и на уме у нее игры – вон, мячик у мальчишек отняла. Ну какая из нее жена!

⁹ Шоссы – узкие облегающие штаны-чулки.

– Господин ле Вавасур – друг лорда, у которого я служил оруженосцем, – продолжил Фульк, так как девочка молчала и лишь пристально смотрела на него своими удивительно ясными глазами, неловко переминаясь с ноги на ногу. – Скажите, миледи, а отец знает, что вы здесь?

Мод кивнула:

– Он знает, что я ушла с бабушкой делать визиты.

– А где ваша бабушка? – Фульк оглянулся по сторонам.

– Там. – Мод показала на шатер Фицуоринов. – Бабушка разрешила мне посмотреть, как мальчишки играют, а мне захотелось побегать вместе с ними.

– Понятно.

Фульк призадумался, что лучше: войти в шатер и представиться бабушке или поспешно ретироваться. Он был уверен, что его отец, Уильям и Иво постарались исчезнуть, дабы не пришлось развлекать гостью. Это было понятно по тому, что собаки не выбежали его встречать. Излюбленная мамина тактика: желая вволю посплетничать с подругами, она всегда просила мужчин забрать собак с собой – дескать, им нужно поразмяться, да и нехорошо, когда в шатре воняет псиной.

Неизвестно, что бы в конце концов решил Фульк, но тут полог тента заволновался и послышались женские голоса. У выхода прощались две дамы. Затем на улицу вышла стройная немолодая женщина, одетая в элегантное платье. Следом появилась мать Фулька.

– Ну и куда же, интересно, подевалась эта егоза? – громко спросила гостью.

Как раз в этот момент женщина заметила Мод, и тонкие черты ее лица исказил испуг.

– Пресвятая Дева Мария, чем это ты тут занималась?! – ахнула бабушка и поспешила к девочке мелкими жеманными шажками светской женщины, которая ни при каких обстоятельствах не забывает о хороших манерах. – Я же запретила тебе пачкать платье. Что скажет отец? Ты выглядишь как мальчишка-сорванец!

– Я хотела поиграть, а этот мальчик вел себя грубо и неучтиво: сказал, что не примет меня, потому что я девчонка. – Голос Мод был полон негодования. – Я ничего дурного не делала, а он вдруг ни с того ни с сего за мной погнался и сбил с ног. – Мод оглянулась в поисках обидчика, но Алена и двух других ребят уже и след простыл – при первых же признаках беды они улизнули.

– Коварство у женщин в крови, – тихонько пробормотал Жан. – Даже в таком возрасте от них уже жди беды.

– Ничего страшного, Матильда, отведи Мод в шатер, и мы быстро приведем ее в порядок, – утешила подругу Хависа. – Девочка почти не испачкалась.

– Отец хочет, чтобы Мод производила хорошее впечатление, особенно сейчас, когда он ищет для нее партию.

Крепко взяв свою подопечную за руку, словно опасаясь, что иначе та сбежит, бабушка провела ее в шатер и опустила полог.

– Бедная девчушка! – посочувствовал Мод Фульк. – Хотя, может быть, я просто излишне добросердечен. Думаю, если бы моя мать родила девочку, наша сестра была бы именно такой. – Он криво усмехнулся.

– Да уж, попадаютса девчонки, которые запросто могут обвести всех вокруг пальца. Так что благодари небеса за то, что у вас в роду одни только мальчишки, – философски заключил Жан.

Теобальд Уолтер не сразу понял, о чем толкует его брат.

– Что? – переспросил он.

Хьюберт страдальчески вздохнул:

– Я говорю, неплохо было бы тебе всерьез обдумать предложение ле Вавасура.

Они сидели в шатре Теобальда, пили по последнему кубку вина перед сном. Было уже поздно, хотя еще не настало время всеношной. Сегодня Хьюберт в последний раз носил официальное облачение архидьякона Йоркского. Наутро ему предстояло принять сан епископа Солсбери и надеть расшитую золотом мантию и позолоченную митру, полагающиеся ему по статусу.

– Ты что же, считаешь меня извращенцем и развратником, способным просить руки двенадцатилетней девочки?! – возмутился Теобальд. Он никак не ожидал такого от Хьюберта.

– Я толкую про ее земли! – отрезал Хьюберт. – Барон дает за дочерью такое богатое приданое, что тут любому стоит призадуматься, даже праведнику вроде тебя! Эдлингтон, Шипли, Хейзлвуд, Рэгби! Тот, кто возьмет девчонку в жены, получит целое состояние!

Теобальд разглядывал брата с изумлением, которое граничило с отвращением. Пусть Хьюберт и станет завтра епископом, но до благочестия ему очень далеко. Все вокруг прекрасно знали, что его старший брат отличается деловой хваткой и прекрасно разбирается в финансовых вопросах. Вроде бы похвальные качества, однако насколько подобное приличествует священнослужителю?

– Но Мод всего лишь двенадцать лет, – повторил Теобальд.

Хьюберт пожал плечами:

– Думай лучше о деньгах, братец! Не пойму, что тебя смущает? К тому времени, когда дочери барона исполнится, скажем, четырнадцать или пятнадцать и она станет способна плодить наследников, ты ведь еще тоже не вступишь в старческую слабость, верно?

Тут уж Теобальд не выдержал и, рубанув рукой воздух, резко ответил:

– Убирайся-ка ты лучше от греха подальше, пока я тебя не вышвырнул! – В глубине души он понимал, что Хьюберт печется об интересах семьи, что в словах его есть резон, и от этого Теобальду было не по себе.

– Я и сам как раз собирался уходить. – Хьюберт поднялся и легкой, несмотря на его внушительные габариты, походкой направился к выходу. – А ты все-таки подумай, Тео. Это прекрасная партия, да к тому же, если ты в ближайшее время не задумаешься о свадьбе, то, боюсь, не женишься уже никогда. Наверное, из нас двоих священником должен был быть ты.

– Полагаю, я для этого не достаточно алчный, – проворчал Теобальд.

Осуждающе покачав головой, но при этом мило улыбнувшись, Хьюберт откланялся.

Теобальд хмуро разглядывал полог шатра. А ведь и впрямь заманчиво получить в приданое земли ле Вавасура, которые граничат с его северными владениями. Но нужна ли ему невеста двенадцати лет? Даже пятнадцать – и то слишком мало! Фульку было пятнадцать, когда тот в качестве оруженосца отправился с ним в Ирландию. Лорд Уолтер попытался представить себе девушку такого возраста и поморщился: нет, это будет просто вопиющим бесстыдством! Теобальд вскочил с походной табуретки и бросился на свою узкую холостяцкую кровать, простыни на которой были застелены безупречно ровно, как на тюфяке в монастырской келье.

Глава 8

Золотой шелк сюрко, красовавшегося на Фульке, не шел ни в какое сравнение с одеяниями, в которые облачились для коронации епископы и видные вельможи. От ярких оттенков алой и синей материи, отделанной драгоценными камнями и вышивкой, пол аббатства сиял, как оживший витраж. Мантию архиепископа Болдуина усеивало такое количество мелких жемчужин, что удивительно было, как он еще мог идти.

Принц Иоанн был царственно великолепен в одежде из шерсти цвета полуночного неба. Небольшие драгоценные камни украшали вырез и рукава платья, а отороченный собольим мехом плащ был застегнут огромной изящной фибулой, выкованной из золота. Однако, как ни хорош был Иоанн, все взгляды, естественно, устремлялись на Ричарда. Хоть тот и был облачен в котту из грубой шерсти, все безошибочно понимали, что именно он король, и никто иной. Отсутствие украшений лишь подчеркивало его атлетическое телосложение и суровую, мужественную красоту.

С великими почестями слуги сняли с Ричарда котту, сапоги и шоссы, и он остался стоять в рубашке и коротких штанах-брэ. Шнуровку на рубашке распустили, и монаршья грудь была обнажена, являя присутствующим буйную поросль рыжих курчавых волос. Архиепископ Болдуин помазал голову, грудь и руки Ричарда священным елеем, выражая тем самым Божье соизволение на вступление его в королевский сан.

От торжественности момента, от тишины, царившей под огромным сводом церкви Короля Эдуарда, Фульк испытывал благоговейный трепет. По выражению лиц стоящих вокруг него людей он видел, что и они тоже разделяют его чувства.

После помазания Ричарда облачили в королевские одежды. Шерстяную котту сменила мантия из пурпурного шелка, а вместо пары простых шосс явилась другая, расшитая крохотными золотыми леопардами.

Ричард приблизился к алтарю и, подняв корону обеими руками, вручил ее архиепископу. Фульк обменялся взглядами с отцом. Тот насмешливо поднял бровь, видя, как Ричард сам забирает корону, вместо того чтобы ждать соизволения Болдуина. Что бы ни подумал про себя архиепископ, он сохранял невозмутимое достоинство. Болдуин спокойно принял в руки монарший венец и возложил его на чело Ричарда, тем самым утвердив нового короля в священном сани правителя Англии.

После коронации последовал роскошный пир: недаром Марджори и остальные кухарки последние три дня трудились словно каторжные. Как и до этого на церемонии в аббатстве, женщин на пиру не было, даже в качестве прислуги. Жены и дочери мужчин, присутствовавших на коронации, во главе с королевой Алиенорой собрались на свое отдельное празднество в зале Руфуса.

Памятуя о том, что наутро должно состояться его посвящение в рыцари и что придется провести бессонную ночь в часовне, Фульк пил умеренно, хотя вино было отменным и лилось в изобилии. Однако им предстояло ночное бдение, и юноши понимали, что провалиться в пьяный сон за молитвами было бы настоящим святотатством. Поэтому даже Уильяму, который больше остальных братьев был подвержен соблазну питья, и то удавалось воздерживаться.

На протяжении всего пира дворяне подходили к почетному столу, принося дары новому королю. В числе дарителей оказался и Морис Фицроджер де Поуис.

Увидев его, Уильям застыл, словно пес, готовый драться за кость.

— Как только этот наглец посмел? — прошептал он, стиснув рукоятку столового ножа.

– Тихо, – предостерегающе ответил отец. – Он вправе поднести дары новому королю, так же как и любой другой из присутствующих. Думаешь, испортив пир скандалом, мы заслужим благосклонность Ричарда?

– Но король сейчас позволит Фицроджеру заключить вассальный договор в обмен на Уиттингтон, и тогда мы своих земель уже больше не увидим! – вскипел от ярости Уильям.

– Придержи язык! – прошипел ле Брюн столь же яростно. – Сейчас не время и не место. Меня это все задевает не меньше твоего, но я же сдерживаюсь. Наутро ты станешь рыцарем. Так и веди себя как взрослый мужчина.

Уильям набычился, но бросил нож на стол, недовольно сгорбил плечи и замолчал.

Фульк наблюдал за Фицроджером. Тот поклонился и вернулся на свое место. Что бы ни сказал их враг новому правителю, он не задержался выпрашивать милостей – пожалуй, это было мудро: сейчас Ричарда Львиное Сердце со всех сторон осаждали люди, соперничающие друг с другом за внимание и благосклонность короля. Вряд ли тот запомнит одну мелкую просьбу в череде многих других.

Пока Уильям кровожадно пожирал глазами Фицроджера, взгляд Фулька переместился дальше по залу, к помосту, и остановился на принце Иоанне, который сидел на почетном месте рядом с королем. Ричард был щедр и отдал своему младшему брату в жены Изабеллу Глостерскую, тем самым обеспечив Иоанну право на богатейшие земли в Центральной Англии и на юго-западе – на границе с Уэльсом. У Иоанна были все причины выглядеть довольным, хотя каким-то образом в выражении его лица по-прежнему сквозила едва уловимая раздражительность. Правда, Изабелла славилась скандальным характером, да и красотой не отличалась: вряд ли кому понравится двойной подбородок и пушок темных волос над верхней губой. Поскольку Иоанн всегда предпочитал хрупких девушек с льняными волосами, узкими бедрами и упругими ягодицами, Фульк сомневался, что принц получит наслаждение на брачном ложе.

Тут Иоанн повернул голову и встретился взглядом с Фульком. Словно два клинка скрестились, высекая искры из обнаженной стали. Фульк помедлил, затем опустил глаза, как того требовал этикет. Но это отнюдь не было проявлением смирения. Иоанн вполголоса отпустил какое-то замечание своему соседу, и тот рассмеялся. У Фулька непроизвольно сжались кулаки, ну точь-в-точь как у Уильяма при виде Мориса Фицроджера. Он медленно разжал их и сказал себе, что Иоанн того не стоит. Однако секунду спустя неосознанно поднял руку и провел пальцем по горбинке на носу.

Мод ле Вавасур сидела рядом с бабушкой в зале Руфуса и тыкала вилкой в кусок дельфиньего мяса, лежащий на плоской тарелке. Блюдо считалось изысканным деликатесом, но Мод терпеть не могла рыбу и ненавидела вообще все дары моря без исключения. Дельфинятину окружало красивое зеленое желе, украшенное ракушками. В раковинах по-прежнему обитали моллюски, и, чтобы их вытащить, прилагались серебряные булавки. Мод с отвращением и любопытством наблюдала, как бабушка извлекла серовато-коричневое существо из его обиталища, обмакнула моллюска в чашу с острым соусом и отправила себе в рот.

Хорошенько прожевав, Матильда деликатно промокнула губы льняной салфеткой.

– Восхитительно! – произнесла она.

Мод передернуло. Девочка мечтала, чтобы уже начали наконец подавать сладкое. Она была весьма равнодушна к фруктам в меду и к жареным пирожкам с инжиром, но когда еще до них дойдет дело: бедняжке казалось, что пир тянется уже целую вечность.

Королева Алиенора и несколько придворных дам занимали почетный стол. Там восседали: тяжеловесная Изабелла Глостерская, недавно помолвленная с принцем Иоанном; Изабелла де Клер, наполовину ирландка, невеста Уильяма Маршала, графа Пембрука; Алиса Французская, которая, как считалось, должна была вскоре выйти замуж за короля Ричарда, хотя бабушка Мод как-то и упомянула по этому поводу свиней, которым вздумалось вить

гнезда на вершинах деревьев. Мод тут же живо представила себе жирного борова, который опасно раскачивается туда-сюда под порывом ветра, сидя на высоком вязе. Да уж, тогда пришлось бы осторожнее ходить под деревьями – это вам не белка или ворона. Картинка получилась настолько забавная, что Мод чуть не хихикнула, но сумела превратить смешок в кашель раньше, чем схлопотала выговор за неподобающее поведение.

Вчера Матильда строго отчитала внучку за хулиганские замашки: подумать только, она испачкала платье и отвратительно вела себя, опозорив бабушку перед леди Фицуорин и ее сыновьями.

– Ну подумай сама: как отец тебе найдет достойного мужа, если ты будешь столь непристойно себя вести? – увещевала ее бабушка. – Да если бы твоя несчастная мать сейчас увидела тебя, она бы горько разрыдалась!

Мод снова потыкала толстый кусок дельфиньего мяса на тарелке. Когда девочка вспомнила об этом, вся ее веселость мигом улетучилась. Бабушка попыталась заставить внучку почувствовать вину, и ей даже это удалось, но лишь отчасти, поскольку в душе девчушки тлели негодование и обида. Ее покойная мать вечно рыдала, абсолютно по любому поводу: то оттого, что ей нездоровилось, то потому, что жизнь бедняжки была полна невзгод и трудностей, справиться с которыми ей не доставало сил.

Кроме того, Мод была уверена: леди Фицуорин вовсе не была шокирована вчерашним происшествием и нисколько не порицала озорницу. В глазах у нее мелькали смешливые искорки, и она старательно поджимала губы, не желая показывать, что происходящее ее веселит. А увидев зеленое травяное пятно на платье, она заявила, что это вовсе не вселенская катастрофа: такое случается сплошь и рядом, когда дети играют. Правда, бабушка сказала, что леди Фицуорин говорит так просто из вежливости, но Мод-то знала правду. Несмотря на большую разницу в возрасте, она чувствовала в этой женщине родственную душу.

К сожалению, леди Фицуорин с младшими сыновьями сидела сейчас в противоположном конце зала. Конечно, Ален и Ричард Фицуорины – невоспитанные поросята, но они, по крайней мере, ровесники Мод, и их общество могло бы скрасить скуку этого бесконечного пира. И уж их мама точно не стала бы оценивать ее, словно лошадь на ярмарке, прикидывая, чистых ли она кровей. Мод слышала, как другие женщины, приехавшие с сыновьями, шепотом расспрашивают Матильду о возрасте, приданом и нраве внучки. В ответ на последний вопрос Мод показала язык, чем навлекла на себя поток упреков и угрозу быть выпоротой.

Не в первый раз уже девочка пожалела, что не родилась мужчиной. Эх, вот было бы славно! И к тому же это решило бы все проблемы. У отца бы имелся наследник. А ей не пришлось бы сидеть дома, на женской половине, под присмотром скучных нянек и тетюшек. Сейчас ее бы наверняка уже отправили в качестве младшего оруженосца к кому-нибудь из лордов. Мод поболтала ногами под столом, раздраженно пиная сковывающие движения складки праздничного синего платья. Мужская одежда намного удобнее. Ей часто до смерти хотелось покрасоваться с мечом на бедре, как отец. Оружие означало силу и положение, являло таинственную сущность воина, служило выражением власти. Власти, которой у нее никогда не будет. Даже королеве Алиеноре не позволялось присутствовать на коронации собственного сына, а затем пировать с ним. Как несправедливо!

– Сиди спокойно и не балуйся за столом! – раздраженно одернула внучку Матильда. – Почему ты не ешь?

– Так невкусно.

Бабушка подняла очи горе и недовольно сказала:

– А ты попробуй, вдруг понравится. – Забрав с тарелки Мод одну ракушку, она выудила из раковины очередного моллюска и отправила его в рот. – Видишь, как надо?

Мод скорчила рожицу и отвернулась.

– Ну что мне с тобой делать? – вздохнула бедная женщина.

Этот вопрос повторялся столь часто, что уже стал риторическим, и Мод не обратила на него никакого внимания.

– Мне надо выйти, – жалобно сказала она.

– А подождать нельзя? – прошипела Матильда. – Тебе что, два годика, что одну минуту потерпеть не можешь?

– Но это же будет гораздо дольше одной минуты, – резонно возразила Мод и поерзала на стуле, чтобы наглядно показать, насколько велика и неотложна надобность.

– Ну ладно, – сдалась бабушка, – только смотри не выставляй себя на посмешище, помни о манерах и постарайся вернуться побыстрее.

Мод вышла из-за стола чинно, как и подобает благовоспитанной молодой леди. Это было нелегко, поскольку девочке не терпелось побежать, но, как справедливо заметила бабушка, ни к чему было привлекать к себе внимание. А вот торопиться назад у Мод не было ни малейшего намерения. Можно потом сказать, что она просто-напросто заблудилась в лабиринте зданий Вестминстерского аббатства – это будет выглядеть вполне правдоподобно.

Уборную Мод нашла достаточно легко, и облегчить мочевого пузыря было делом нескольких секунд, ибо он был вовсе не так полон, как она заявляла. А потом, вместо того чтобы вернуться к бабушке, девочка направилась в Белый зал, где пировал король Ричард со своими вельможами, в числе которых был и ее отец.

Слуги сновали взад-вперед с блюдами: туда с горой дымящейся еды, обратно – с холодными объедками. Мод узнала угощение: точно такие же порции дельфинятины с гарниром из устриц и моллюсков в зеленом желе. В вечернем воздухе носился рыбный дух. Из Белого зала долетали раскаты смеха и звуки музыки. Девочка на цыпочках подошла поближе. Ей хотелось хоть одним глазком взглянуть на мужское царство, в которое ее не допускали.

Прокравшись вслед за слугой, который тащил поднос с огромной фаршированной щукой, она вошла в мир, который был удивительно знакомым, но в то же время чужим. Голоса тут звучали громче и оживленнее, однако изящество одежд и обилие оттенков, а также официальное расположение столов сильно напоминали женский зал. Король Ричард сидел в центре почетного стола, точно на таком же месте, как и королева Алиенора. Его рыжие волосы ярко пылали, и в своих церемониальных одеждах белого, пурпурного и золотого цветов он весь горел, как огонь. Придворные епископы расположились по бокам, похожие на драгоценные камни в сверкающем ожерелье. Уровнем ниже почетного стола сидели вельможи и знать, все в шелках и золоте. Если каждое из двух собраний было зеркалом другого, то, продолжая аналогию, следует отметить, что все происходящее сейчас в женском зале казалось блеклым отражением этого павлиньего многоцветия.

Мод стояла, прислонившись к боковой двери, и смотрела широко раскрытыми глазами, но все равно не могла вобрать все это пышное великолепие.

– Мне кажется, вас опять ждут неприятности, госпожа ле Вавасур, – шутливо произнес вдруг чей-то глубокий голос. – Позвольте поинтересоваться, миледи, что вы здесь делаете?

Мод подскочила и, оторвавшись от созерцания картины, которая резала глаз роскошью, уставилась на юношу – старшего брата Алена Фицуорина. Девочка знала, что его зовут Фульк, потому что бабушка и леди Хависа как раз обсуждали вчера, что ему предстоит посвящение в рыцари.

– Я пошла в туалет и потерялась, – оправдываясь, сказала она, храбро глядя снизу вверх на Фулька.

Юноша был рослый, намного выше ее отца, с копной блестящих черных волос и большими улыбающимися глазами, цвет которых трудно было определить в тусклом свете факела. Его нос был бы тонким и прямым, если бы не уродливая горбинка на переносице.

– Это ведь неправда, миледи. Вы, наверное, хотели посмотреть, что происходит в Белом зале?

Мод показалось, что ее поддразнивают, и огрызнулась:

– А если даже и так? Вам-то какое дело?

– Никакого, миледи, поскольку я ухожу нести ночное бдение, но вот другие... Вдруг они не захотят притворяться, что вас не замечают. Что сделает ваш отец, если увидит вас тут?

– Он не будет возражать.

Несмотря на столь храброе заявление, Мод в глубине души страшно перепугалась. Девочка прекрасно помнила, как было больно, когда отец однажды выпорол ее, и ей вовсе не хотелось вновь испробовать на себе родительский хлыст.

– Полагаю, вы знаете барона лучше, однако сомневаюсь, что он встретит вас улыбками и распростертыми объятиями. – Фульк взял ее за руку. – Пойдемте, госпожа ле Вавасур, позвольте мне сопроводить вас обратно в женский зал.

– Меня не нужно сопровождать! – отрезала она и стряхнула его руку. – Я и сама прекрасно найду дорогу.

– Не сомневаюсь, как не сомневаюсь и в том, что эта дорога будет очень долгой и извилистой. Леди вашего возраста и положения небезопасно бродить одной по Вестминстеру.

– Если бы я была мальчиком, вы бы так не говорили! Повезло мальчишкам!

– Ну... мальчиков... э-э-э... подстерегают иные опасности.

– Фульк? – вдруг раздался чей-то голос. – А я думал, ты собирался идти с братьями в часовню. Разве нет?

Мод подняла глаза и увидела незнакомого мужчину. Он был приблизительно такого же роста, как и Фульк, но значительно старше ее мучителя. В коротко подстриженных рыжеватых кудрях уже начинали пробиваться серебряные нити, светло-серые глаза смотрели внимательно и пронзительно.

– Собирался, милорд, но затем встретил госпожу ле Вавасур, которая пришла, чтобы краешком глаза взглянуть на пир.

Незнакомец нахмурился, отчего между его соломёнными бровями залегли две глубокие складки, но, когда он заговорил, голос его был добрым:

– Дитя мое, тебе нельзя здесь находиться. Полагаю, ты пришла поговорить с отцом? – Он быстро оглядел зал.

Встревоженная Мод покачала головой.

– Нет, милорд, я только хотела взглянуть на пир, – повторила она, но на сей раз исполненным печали голосом.

Мужчина хмыкнул и поднял ей подбородок указательным пальцем, изучая лицо. Потом обратился к Фульку:

– Я отведу ее обратно к женщинам. Отправляйся на бдение, мой мальчик.

– Вы уверены, милорд? Мне и самому нетрудно это сделать.

– Уверен, – кивнул тот.

Фульк Фицуорин склонил голову – с некоторой неохотой, как показалось Мод, – и удалился.

Мимо пробежал слуга с поросенком на серебряном блюде. Мясо с хрустящей корочкой было окружено настоящим полем из зеленых листиков петрушки. В воздухе повис сочный аромат жареной свинины.

– Идемте, миледи. – Мужчина церемонно протянул ей руку.

– Но я с вами незнакома, – сказала Мод.

– Полагаю, несколько поздно сейчас беспокоиться о благопристойности, – иронично ответил он, – но я буду снисходителен. Итак, сударыня, позвольте представиться: Теобальд Уолтер, лорд Эмаундернесса. Я имею честь знать вашего батюшку.

Чуть поколебавшись, Мод положила руку ему на рукав. Лорд Уолтер был одет в котту из ярко-синей шерсти, мягкой на ощупь, словно пух. Лицо мужчины покрывали морщины и складки, как у отца, но менее грубые, и вообще, он казался более доброжелательным.

– Вы совершенно не похожи на отца, – с любопытством заметил провожатый, – разве что взгляд у вас как у него.

Мод наморщила нос:

– Люди говорят, будто я похожа на мать, но надеюсь, что на самом деле это не так. – В ее голосе вновь зазвучала непокорная нотка.

– Вы недовольны подобным сравнением?

Мод почувствовала, что он ждет ответа, и дернула плечами:

– Мама вечно сидела у себя в комнате. Даже когда она не болела, то все равно вела себя так, будто болеет. Папа страшно сердился и даже кричал на нее, но от этого становилось только хуже.

Лорд Уолтер нахмурился и ускорил шаг.

– И на вас он тоже кричит?

– Иногда. Но сейчас за мной присматривает бабушка, так что она кричит вместо него. – Мод подняла на спутника глаза, и Теобальд нахмурился и плотно стиснул зубы, так что отчетливо обозначились ямочки под скулами. – Почему вы меня обо всем этом спрашиваете?

Лорд Уолтер ответил не сразу. Когда он заговорил, они уже почти дошли до женского зала.

– Потому, что полководец никогда не идет в атаку, не разведав предварительно, что его ждет, – сказал он.

Мод изумленно вытаращила глаза. Пламя догорающего факела колебалось, отчего ее спутник казался очень высоким. Искорки света играли на золотистой тесьме, которой был обшит ворот его плаща, и на дорогой золотой пряжке пояса. Лорд Теобальд походил на фигуру, сошедшую с освещенного ночным светом витража.

– Ступайте, дитя мое, – мягко сказал он, – идите в женский зал и оставайтесь там. Одному небу ведомо, что может подстергать вас в темноте.

Мод постояла еще несколько мгновений, потом стремительно повернулась и побежала в зал, чуть не столкнувшись со слугой, который нес блюдо жареных пирожков с инжиром. Она вернулась вовремя – как раз к сладкому.

Бабушка устроила внучке страшную выволочку, но Мод не обращала внимания на ее упреки: девочка отщипывала по кусочку от хрустящего пирожка с липкой сладкой начинкой, и мысли ее были заняты лордом Теобальдом Уолтером и его странным, но неожиданно приятным обращением.

Иллюминация сотен восковых свечей преобразила темноту ночи, которую хранила часовня церкви Святого Петра. Конечно, это не шло ни в какое сравнение с дневным солнечным светом, превращающим витражи в драгоценные камни, однако пламя свечей отражалось сейчас на всех поверхностях, как на залитом водой золоте. Стоящая перед главным алтарем гробница Эдуарда Исповедника невольно притягивала взгляды мастерством и великолепием работы камнерезов.

Фульк склонил голову и начал читать «Pater noster»¹⁰. Другие юноши тоже, преклонив колена, шептали молитвы, чтобы отогнать сон в эту ночь накануне церемонии посвящения в рыцари. Нынче здесь собралось около дюжины молодых людей, среди них были и братья Фулька. Уильям устремил сверкающий решимостью взгляд на алтарь позади гробницы и

¹⁰ «Отче наш» (лат.).

сжал на груди руки в истовой молитве. Филип, напротив, тихо шептал что-то себе под нос, меряя часовню ровными шагами.

Фульк смущенно улыбнулся. Наверное, неправильно, что сам он наблюдает сейчас за остальными: ведь ему положено общаться с Богом и молить о милости, чтобы Он помог ему стать достойным рыцарского звания. Фульк заставил себя полностью сосредоточиться, и на какое-то время ему это удалось. Когда он снова очнулся, то удивленно заметил, что среди будущих рыцарей молится также и Теобальд Уолтер. Склонив голову и прикрыв глаза, он, похоже, пребывал в состоянии столь глубокого сосредоточения, что лицо его казалось искаженным болью.

Не в обычае было произносить в часовне хоть какие-то слова, кроме молитвы, да к тому же Фульку показалось, что Теобальд явно желал остаться один. Он пришел сюда вовсе не за тем, чтобы поддержать молодых людей в их бдении, но по каким-то своим личным причинам. Рассудив так, Фульк сделал вид, что не заметил присутствия Теобальда. Юноша устремил взгляд к золотому распятию на алтаре, и мир сузился до сияющего золотого креста. Когда Фульк снова огляделся, лорда Уолтера в часовне уже не было.

Мод скривилась и взвизгнула, когда бабушка слишком сильно дернула ее за волосы.

– Да стой ты спокойно, несносный ребенок, ничего страшного не произошло, – с раздражением сказала Матильда. – Я так никогда не закончу, если ты будешь все время вертеться. – И она вновь продолжила плотно укладывать пряди в косу. – Сегодня ты должна выглядеть как можно лучше.

– Зачем? – Мод сжала кулаки, чтобы не дернуться от боли.

– Это отец тебе сам скажет. – Заплетя правую косу до конца, Матильда завязала ее серебристой лентой. – У папы есть очень важная новость, – добавила она и начала очередную пытку, теперь уже терзая волосы внучки с левой стороны.

Мод нахмурилась. Должно быть, эта новость касается ее самой, иначе почему настолько важен ее внешний вид? Или... Наверное, король подарил отцу большое поместье, и ей надо будет сидеть за почетным столом.

– Папа получил от короля земли? Или титул? – Мод попыталась посмотреть на бабушку, но ничего не вышло, поскольку та крепко держала ее волосы.

– С чего это ты взяла, девочка?

– Потому что ты меня так раздела, что теперь я похожа на марципановый торт со вчерашнего пира.

– Не говори глупости! – Матильда подтянула волосы и стала плести косу дальше, поджав губы. – Разве ты не хочешь выглядеть как прекрасная благородная леди?

Мод с трудом удержалась от резкого ответа. Ее так и подмывало сказать, что не хочет, если для этого надо так крутить и дергать волосы, что они едва не отрываются от головы.

– Отец сам тебе все расскажет, когда придет. – Бабушка вплела ленту и отступила на шаг, чтобы полюбоваться своим творением. – Пресвятая Дева! Ты так похожа на свою покойную мать, когда она была в этом возрасте. – Голос пожилой женщины вдруг задрожал, а глаза наполнились слезами.

Мод сердито нахмурилась и переступила с ноги на ногу. Вечно все твердят, что она похожа на мать, а она терпеть этого не может.

Полог шатра разошелся, впуслав Робера ле Вавасура. Свежий сентябрьский ветер разметал пряди волос, которыми барон всегда так тщательно прикрывал лысеющую макушку. Глаза его светились радостью. Широко улыбнувшись, отец обнял Мод за плечи и развернул ее, придиричиво оглядывая.

– Вы превосходно нарядили ее, мадам, – сказал он теще. – Моя дочурка похожа на принцессу.

Матильда де Шоз прохладно улыбнулась:

– Мод почему-то решила, что король собирается даровать вам графский титул.

Робер откинул голову и захохотал с легкой долей горечи:

– Чтобы мне даровали титул, нужно целое состояние. Самое большее, что я могу надеяться купить, – это должность шерифа.

– И затем из доходов должным образом возместить свои траты, – вкрадчиво добавила Матильда.

Если не считать сердитого взгляда, ле Вавасур не удостоил ее ответом. По-прежнему держа Мод за плечи, он наклонился к дочке и произнес:

– Милочка, у меня для тебя хорошие новости. Вчера поздно вечером ко мне приходил просить твоей руки не кто иной, как Теобальд Уолтер, лорд Эмаундернесса, и я решил принять его предложение. Сегодня утром, в часовне, после церемонии посвящения в рыцари, вам предстоит принести друг другу клятвы и заключить помолвку. – Он одарил Мод улыбкой, которая, по его представлению, должна была ее успокоить, но девочке, наоборот, захотелось немедленно убежать подальше. – Разумеется, свадьбу мы сыграем не сейчас, а лишь когда ты немного подрастешь. Да и к тому же тебе еще многому нужно будет научиться, прежде чем ты сможешь вести хозяйство лорда Уолтера. – И ле Вавасур ободряюще ущипнул дочь за щеку.

Мод ошарашенно уставилась на отца. Она чувствовала себя беззащитным щенком, которого выволокли из угла и швырнули на растерзание стае волков.

– Что же ты, девочка, неужели не рада?

Мод безмолвно покачала головой. Она посмотрела на бабушку, но Матильда вновь приняла столь невозмутимый вид, что, казалось, это вовсе даже и не она плакала тут совсем недавно.

– Это очень хорошая партия, – горячо продолжил отец. – Его дядя – сам Ранульф де Гланвиль, а брат – епископ Солсберийский. Теобальду Уолтеру будут дарованы земли, привилегии и должность шерифа. Да еще вдобавок его земли граничат с нашими. Будет намного лучше, если наши семьи окажутся связаны браком. – Ле Вавасур нетерпеливо повернул голову Мод, заставив ее посмотреть на отца, и голос его стал суровым. – Вот что, милая, я рассчитываю, что ты ради меня постарайся. Поэтому давай сразу договоримся: не дуться и не закатывать истерику. Ты из рода Вавасуров и должна нести это имя с гордостью. Я не хочу, чтобы Теобальд Уолтер отказался от свадьбы, увидев, что ты ведешь себя как упрямый ребенок. Ты меня поняла?

– Да, папа, – прошептала Мод.

Зрачки у нее расширились так, что почти скрывали яркую изумрудно-зеленую радужку.

– Вот и хорошо, – кивнул отец, явно удовлетворенный, и откинул полог шатра. – Идем, нам нельзя опаздывать.

Мод вдруг показалось, что ноги у нее из расплавленного свинца. А вдруг она упадет? Надо ведь непременно нести бремя фамильной гордости ле Вавасуров, не спотыкаясь. Поскольку дочь не двинулась с места, отец нетерпеливо крикнул, схватил ее за руку и потащил за собой. Даже и не думая сопротивляться, онемевшая от изумления и потрясения, Мод покорно вышла за ним в яркую свежесть летнего утра.

Аббатство было не так заполнено народом, как во время коронации, но все же в нефе собралась немалая толпа желающих стать свидетелями церемонии посвящения в рыцари. Сегодня присутствовали и женщины, так что атмосфера была хоть и официальной, но все же более свободной, чем накануне.

Меч Фулька лежал на алтаре, рядом с мечами его братьев и еще девяти молодых людей, которых королю Ричарду предстояло возвести в рыцарское звание. Узорчатый кли-

нок Фульку подарил Теобальд Уолтер. На позолоченный пояс и ножны пошел доход от ламборнской шерсти. Накануне отец с шутливым сожалением заметил, что хотя дочерей у него нет и о приданом можно не беспокоиться, однако покупать шлемы и прочее для сыновей не менее разорительно. Разумеется, на самом деле он прекрасно понимал, что его мальчикам очень повезло: получить рыцарское звание из рук самого Ричарда Львиное Сердце, и не где-нибудь, а в Вестминстерском аббатстве – на это не жаль никаких денег.

Архиепископ Болдуин окропил оружие святой водой, прося Господа, чтобы хозяева мечей могли использовать их лишь во благо: защищать церкви, вдов и сирот, и карать тех, кто чинит зло. Королевские слуги привязали мечи на пояса юношей и вручили каждому из них пару позолоченных шпор.

Ричард, до того стоявший немного поодаль, сейчас вышел вперед. Его глаза были слегка покрасневшими после вчерашней церемонии и пира, но волосы по-прежнему горели, как золотые нити, а на челе красовалась королевская корона.

Молодые люди преклонили перед ним колени и склонили головы. Фульк, стоявший в первом ряду, уставился на сапоги монарха. Они были изящно расшиты золотом: такая отделка плохо вязалась с их огромным размером – нога у Ричарда была будь здоров.

Король достал из высланных шерстью ножен полированный стальной меч и возложил его сначала на правое, а потом на левое плечо Фулька.

– Фульк, сын Фулька, объявляю тебя рыцарем, – провозгласил Ричард звучным баритоном и, убрав меч в ножны, повелел юноше подняться.

Стоя перед королем, Фульк приготовился к акколады, последнему акту церемонии. Согласно традиции, это был увесистый удар по плечу, символизирующий последний удар в жизни посвящаемого, который он оставит без подобающего воину ответа. Получив его, Фульк покачнулся, поскольку Ричард не сдерживал силу, а его ярко-синие глаза светились неистовым огнем.

Пока Фульк приходил в себя, король двинулся дальше вдоль шеренги, вытаскивая меч, проговаривая слова и нанося энергичные удары. Уильям заранее широко расставил ноги, и, когда наступил его черед, он покачнулся во время акколады, но остался прочно стоять на земле. Ричард оценил его твердость одобрительным кивком и легкой улыбкой, и Уильям покраснел от удовольствия.

После церемонии и мессы вся семья бросилась обнимать и поздравлять трех старших братьев. Хависа растроганно шмыгала носом и утирала слезы платком. Иво захотел посмотреть на шпоры и меч, но ему строго-настрого запретили пачкать сталь отпечатками потных пальцев.

Ален спросил:

– А акколада – это очень больно?

– Терпимо, – сказал Фульк, – но не хотел бы я сойтись с королем в поединке.

– Да уж, едва ли возможно сражаться с Ричардом на равных, – кивнул Филип, потирая пострадавшее плечо.

– Слава Богу, этого от нас и не требуется, ибо нам предстоит сражаться с королем на одной стороне, клинок к клинку! – заявил Уильям. Его глубокие карие глаза все еще торжественно сияли.

Теобальд Уолтер тоже подошел поздравить братьев Фицуорин и через некоторое время отвел Фулька в сторону:

– Хочу попросить тебя об одолжении. – Он потер руки, явно испытывая неловкость.

– Для вас все, что угодно, – сказал Фульк звенящим от радости и воодушевления голосом.

Теобальд вымученно улыбнулся:

– Сначала послушай, о чем идет речь. Я хочу, чтобы ты выступил в роли свидетеля на моей помолвке с Мод ле Вавасур.

Фульк изумленно вытаращил глаза и беззвучно, одними губами повторил имя невесты.

– Не хочу, чтобы ты меня превратно понял, – поспешно сказал Теобальд, и краска залила его лицо и шею. – Ты небось решил, что я старый козел, которого внезапно охватила похоть к юной девушке, не вступившей еще в пору женской зрелости.

– Ну что вы, сэр. – Фульк по-прежнему смотрел на него в полном остолебении. – Мне бы такое сроду в голову не пришло. Когда я служил вашим оруженосцем, то порой, видя, как вы сопротивляетесь всем плотским искушениям, задавался вопросом: а человек ли мой господин? За глаза мы даже называли вас монахом.

– Знаю, и меня это забавляло. Юноши часто следуют зову плоти. Спустя двадцать лет этой тяге, скажем так, сопротивляться становится легче.

Фульк потер ладонью свежевыбритый подбородок и предположил:

– Не иначе как Мод ле Вавасур владеет бескрайними земельными угодьями или обладает важными семейными связями?

Ему было крайне любопытно, что может сподвигнуть убежденного холостяка на брак с девушкой, по возрасту годящейся ему в дочери. Хотя Фульк сразу поверил Теобальду, что мотивом здесь было не вожделение, он невольно вспомнил, как вчера вечером лорд Уолтер вызвался лично отвести девочку к бабушке.

– Земли у ле Вавасуров не то чтобы бескрайние, но достаточно обширные и вдобавок граничат с моими. Словом, у нас с отцом Мод есть общие интересы.

Фульк кивнул без всякого выражения, но что-то из его мыслей, должно быть, просочилось наружу, поскольку Теобальд усмехнулся:

– Я, вообще-то, никогда не был убежденным противником брака, просто хотел найти добросердечную женщину с хорошим приданым. Мне, между прочим, уже сорок четыре года, так что пора определяться. Приданое за девушкой дают более чем достойное, родственные связи тоже хороши. Если я упущу сейчас свой шанс, ле Вавасур найдет дочери другого мужа, и еще не известно, что за человек в конце концов окажется моим новым соседом. – Уолтер посмотрел на Фулька твердым и ясным взглядом и сказал: – Поверь, я не из тех, кому нравятся незрелые фрукты. Я готов дать девчужке время стать взрослой женщиной и общаться с ней буду хорошо. Фульк, ты видел, как ведут себя некоторые мужчины. Они гладят своих охотничьих собак и бьют жен. Эта малышка вчера вечером затронула нежные струны в моем сердце, и я хочу ее защитить. – (Фульк ничего не сказал, но ему было весьма не по себе.) – Мне важно, чтобы ты дал согласие выступить свидетелем на помолвке, не питая ни доли сомнения в моей честности. – Теобальд положил Фульку руку на плечо, чтобы придать словам весомость. – Ты только что стал рыцарем, поклялся защищать слабых и твердо стоять на защите справедливости. Я хочу, чтобы ту же принципиальность ты проявил и относительно моей помолвки.

Фульк устыдился того, что его мысли приняли такой поворот. А Теобальд-то, оказываясь, видит его насквозь. Он и сам теперь не понимал, как мог усомниться в своем бывшем наставнике, человеке, чья честь и мораль всегда были безупречны.

– Сэр, я недостоин такой чести. – Фульк стиснул руку Теобальда. – Но я охотно выступлю свидетелем.

Хьюберт Уолтер, епископ Солсбери, ждал в приделе часовни вместе с Мод ле Вавасур, ее бабушкой, отцом и горсткой свидетелей. Увидев среди свидетелей улыбающегося принца Иоанна, Фульк испытал горячее желание развернуться и уйти, но Теобальд подтолкнул юношу вперед, твердо положив ладонь на его дернувшуюся спину.

– Как бы то ни было, Иоанн – мой сеньор, и я принес ему вассальную клятву в обмен на владение Эмаундернессом и моими ирландскими землями, – вполголоса произнес Тео-бальд. – И не пригласить его на помолвку было бы просто непочтительно.

Фульк двинулся дальше, но внутренне весь напрягся. Будь он собакой, шерсть у него на загривке встала бы дыбом.

Принц поднял глаза, когда Фульк вошел в часовню, и потемнел лицом. Но неожиданно улыбнулся, встретившись полным злобы взглядом с глазами Фицуорина.

– Да, Тео, ты постарался сделать свою помолвку благим начинанием, – протянул он. – Принц, епископ, ребенок и Парцифаль – дурачок, ставший рыцарем, – все собрались в одном святом месте.

Фульк с трудом сдержался, очень уж хотелось ему достойно ответить обидчику. Но, как верно заметил Иоанн, они собрались в святом месте и пришли, чтобы выступить свидетелями на помолвке. И начать сейчас словесную перепалку было бы верхом неприличия.

– Рад оказаться полезным, – невозмутимо ответил Фульк, – и польщен вашим сравнением, сир, ибо среди всех рыцарей короля Артура Парцифаль отличался наибольшей чистотой помыслов.

Иоанн, сощурившись, удостоил Фулька злобным взглядом и до самого конца церемонии обращал на него не больше внимания, чем на пустое место.

Епископ Хьюберт воздел руки, развел их в стороны, так что открылась роскошная вышивка ризы, и повелел Мод и Теобальду встать перед ним.

Изображая полнейшее безразличие по отношению к Иоанну, Фульк устремил неподвижный взгляд на пару, ради которой все сегодня собрались. Теобальд был высок, полон сил и крепко сложен. Мод доходила жениху до подмышки, и на фоне его рослой, мощной фигуры казалась хрупкой, словно маленькая фея. Темно-синяя шерсть праздничного платья лишь подчеркивала бледность ее маленького личика. Нежная белая кожа; светлые волосы, заплетенные в косы туго, как якорные канаты; широко раскрытые и остекленевшие от страха глаза.

Она произносила ответы слабым, но отчетливым голосом – повторяя слова, которые вкладывал ей в уста Хьюберт Уолтер, – и протягивала ручонку, чтобы Теобальд мог обхватить ее могучей дланью старого опытного бойца, когда Хьюберт оборачивал их руки столой. Теперь они были связаны почти так же тесно, как муж и жена. Этот союз можно было расторгнуть, лишь подав иск в епископальный суд.

Уолтер скрепил клятву, вручив Мод перстень с квадратным аметистом. Оттого что сговор произошел поспешно, не было времени изготовить кольца на заказ, и если на мизинце Теобальда кольцо сидело плотно, то Мод оно оказалось слишком велико.

Здесь все для нее слишком велико, думал Фульк, глядя, как девочка вместе с бабушкой покидает часовню, скромно опустив голову и разглядывая свободно висящий на пальце яркий золотой ободок.

– Поздравляю тебя, Тео! – громко сказал Иоанн, от души похлопав того по спине, и сально подмигнул. – Тебе будет приятно обучать эту малышку всяким премудростям – ты сам понимаешь каким.

– Я намереваюсь жениться на Мод лишь тогда, когда она будет к этому готова, – с натянутой улыбкой ответил Теобальд.

Принц хмыкнул:

– Порой женщины сами не знают, когда они готовы. Им надо объяснить. – Иоанн еще раз хлопнул жениха по спине и удалился.

Теобальд постоял некоторое время, сжимая и разжимая кулаки. Да и Фульк тоже не сразу сумел взять себя в руки, чтобы выйти и поздравить лорда Уолтера.

Вид у Теобальда был не столько довольный, сколько озабоченный.

– Как ты думаешь, правильно ли я поступил? – спросил он.
Фульк счел за благо промолчать, поскольку ответ его вряд ли понравился бы Теобальду.

Глава 9

Нормандия, май 1193 года

Под безупречной лазурью неба поле, где разместились ряды ярких шатров, казалось украшенным экзотическими цветами: красными, желтыми, синими, зелеными, белыми. Турниры, проходившие в начале лета, всегда привлекали толпы молодых людей, которых соблазняли дух состязания и возможность снискать славу и богатство. Поле уже кипело жизнью: участники поединков вели пробные схватки.

Вот уже четвертый сезон кряду Фульк с братьями пересекали так называемые малые моря¹¹, чтобы участвовать в серии турниров. К ним присоединились и Болдуин и Стивен де Ходнеты. В течение четырех месяцев молодые люди оттачивали боевые навыки, практиковались в верховой езде и упражняли свои тела, чтобы они были крепкими и стройными.

Король Ричард, возвращаясь из Крестового похода, бесследно исчез. Слухи, подогреваемые принцем Иоанном, говорили, что король мертв: скорее всего, погиб от рук разбойников. Но поскольку неопровержимых доказательств не было, никто не собирался отдавать Иоанну власть, которой он так добивался. Ясно, что долго это продолжаться не могло, и небольшие стычки уже происходили, однако ни одна сторона еще не была готова начать полноценную войну. Брюнин старался вести себя тихо и занимался своими делами, благоразумно отправив всех сыновей боеспособного возраста подальше от воинствующих фракций.

Взобравшись на лошадь и подобрав поводья, Фульк улыбнулся: пожалуй, напрасно отец считает турниры безопасным занятием. Только в этом сезоне Уильям сломал два пальца и потерял передний зуб, а Филип был вынужден пересест на запасную лошадь, поскольку его скакун сильно захромал после очередного поединка. С другой стороны, братья Фулька за последнее время так упрочили свою репутацию, что о них теперь по большей части говорили с уважением, а иные – и с почтительным трепетом. Зеленых новичков предостерегали, чтобы они ни в коем случае не выступали против Фицуоринов, если не хотят потерять все до последней рубахи.

Каждый из братьев Фицуорин и примкнувших к ним де Ходнетов, надо отдать им должное, был весьма способным бойцом, однако исключительного успеха они добились благодаря умелому руководству Фулька, которому удалось сплотить одиночек, дерущихся ради собственной славы, в единый отряд. Фульк выстраивал боевой порядок так, чтобы умения каждого бойца использовались наилучшим образом. Уильям всегда сражался на переднем крае, поскольку в принципе не был способен выжидать момент и сохранять холодную голову. Болдуин де Ходнет, сильный, с широкой костью, обычно вставал рядом с ним, оставляя более легким и подвижным Стивену де Ходнету и Филипу возможность довершать атаку. Фульк же осуществлял общее руководство, бдительно следя за обстановкой в целом и оказывая помощь везде, где она требовалась.

Забросив за спину щит на длинном ремне, Фульк тронул пятками бока своего коня. Иво последовал за ним. На древке его копья развевалось знамя Фицуоринов. Иво до сих пор все еще ходил в оруженосцах, хотя его вот-вот должны были посвятить в рыцари. Он всегда ездил слева от Фулька: там он и сам был защищен, и мог при необходимости защитить старшего брата.

Вот и сейчас они вдвоем двинулись рысью, чтобы разогреть коней; остальные члены группы к ним присоединились. Уильям после ночной попойки выглядел слегка помятым.

– Ты точно сможешь драться? – уточнил Фульк.

¹¹ Имеются в виду проливы, отделяющие Англию от Франции.

– Что за вопрос?! – возмутился Уильям. – Разве я тебя когда-нибудь подводил на ристалище?

– Нет, но мне не хотелось бы, чтобы это произошло сегодня, поскольку мозги твои затуманены вином.

– Не читай мне нотаций. Я не оплошаю.

– Ему не вино мозги туманит, – усмехнулся Болдуин де Ходнет, показывая на красно-речивое красное пятно на шее Уильяма.

Фульк постарался сохранить невозмутимый вид и вообще вести себя как строгий командир.

– Тем более нечего держать мозги в штанах, – ехидно сказал он. – Думать надо другим местом! А то тут такие красотки есть – обо всем на свете позабудешь!

– Познакомь меня хоть с одной! – загоготал Стивен.

– Да кому ты нужен без денег, – осадил его Фульк. – А чтобы заработать такие деньги, тебе надо завоевать по меньшей мере два приза. Вот что, ребята, шутки в сторону, – прибавил он. – Единственное, что у каждого из нас сейчас должно быть твердым между ног, – это круп лошади.

Замечание произвело желаемый эффект. Перебрасываясь добродушными насмешками и присвистывая, члены небольшого отряда выехали на разминку.

По ристалищу уже разъезжали пятеро фламандских рыцарей, намеренных снискать себе славу при помощи своих мощных лошадей и тяжелых доспехов. После возвращения из Крестовых походов по турнирам ездило немало подобных воинов – наемники рассчитывали отыскать себе нового хозяина из числа нормандских лордов и поступить к нему на службу.

Уильям, как обычно, порывался сразу вступить в бой, но Фульк хоть и разрешил брату выкрикнуть вызов, однако предостерег:

– Они сильнее нас, да и снаряжение у них более тяжелое. Смотри не бросайся со всей силы, а то мне придется потом тебя выкупать. Провоцируй удары, привлекай фламандцев, пока они не устанут.

Уильям натянул поводья.

– Я и сам прекрасно знаю, что делать, нечего тут меня поучать.

Фульк постарался не лезть в бутылку.

– Иди, – коротко сказал он. – И поступай как знаешь.

Уильям прищипил коня. Фульк отправил Болдуина вслед за ним и поскакал на правый фланг, прихватив с собой Иво. Филип и Стивен направились налево.

Пятеро фламандцев выстроились в боевой порядок, стремя к стремени, и сомкнули копья. Фульк не спеша сдвинул щит на левое плечо и продел руку через короткие ремни. Огонек, его конь, пошел боком. Этому рыжему жеребцу явно не терпелось ринуться в бой.

– Тихо, – пробормотал Фульк, – тихо.

Предводитель фламандцев выкрикнул боевой клич. Поскольку мощный шлем полностью закрывал его лицо, клич этот прозвучал неразборчиво. Остальные фламандцы прищипили коней, и Уильям, выкрикивая ответ, вылетел вперед, словно болт из арбалета.

– Фицуорин!

Из-под копыт жеребцов летели комья, и сама земля дрожала под мощью атаки. Выждав момент, Фульк повторил клич брата и поскакал вперед.

Поединок оказался ожесточенным и непростым, но не тяжелее, чем ожидал того Фульк. Уильям увлек фламандца далеко на правый край поля и резко вонзил тупой конец меча между модным сюрко противника и его кольчужным хауберком. Это был коронный номер Уильяма, прием, который он отработал до совершенства, и несчастный фламандец оказался ловко выброшен из седла. Уильям не мог удержать веса противника, и ему при-

шлось бросить копье, но поскольку для ближнего боя оно все равно не годилось, это не имело значения. Когда наемник, крикнув, ударился оземь, Уильям рассмеялся и достал меч.

У фламандских рыцарей было два бесспорных преимущества: вес и мощь. Однако при этом они сильно проигрывали в скорости и маневренности. Когда упавший воин повернулся, чтобы разобраться с Уильямом, было уже поздно. Фламандец только-только успел стукнуть мечом по щиту, как ему уткнулось под ребра тупое копье другого рыцаря, щеголявшего коротко подстриженной каштановой бородой. Это был не кто иной, как Филип Фицуорин.

– Твоя жизнь в моих руках, сдавайся! – возбужденно заявил он и едва успел нырнуть, уклоняясь от удара палицы, и отъехать на безопасное расстояние.

Поскольку жертва его решила пренебречь правилами боя и продолжить биться, Филип вынужден был повторить сей маневр. Однако больше пригибаться и отступать ему не пришлось, так как Фульк аккуратно выбил третьего противника из седла и забрал его палицу.

Дальнейшая битва была уже чистым удовольствием. Фульк отступил назад и дал братьям порезвиться, пока фламандцы не сдались все по очереди: кто внешне спокойно, а кто с видимой неохотой.

В приподнятом состоянии духа Фульк с товарищами вернулись в лагерь, обсуждая по дороге каждый удар, нанесенный ими и наемниками. Уильям был страшно доволен собой, и Фульк не мешал ему болтать, понимая, что брату необходимо снять напряжение. Тем более что тот сегодня не просто хорошо себя показал, но работал на общее дело, а не тянул по всегдашней привычке одеяло на себя.

Уильям с горящими глазами подъехал к Фульку и заявил:

– Я же говорил, что не подведу тебя, и не подвел!

– Ты молодец, – великодушно признал Фульк. – В следующий раз тактику боя будешь выбирать сам, чтобы набраться опыта.

Заметив, что довольное выражение на лице Уильяма сменилось тревожным, Фульк улыбнулся. Он давно подозревал: безрассудство брата объяснялось отчасти тем, что он знал: его импульсивность будет уравновешена поведением других, более серьезных соратников. Но отвечать за все самому – это уже совсем другое дело.

Спешившись у коновязи, Фульк передал Огонька Иво и направился к шатру.

– Милорд, я предскажу вам судьбу всего за одно пенни.

Дорогу Фульку заступила смуглая фигура с черной бородой. Незнакомец был причудливо одет в свободную котту и еще более свободные, мешковатые шоссы. За поясом у него виднелся кривой нож, а вышитый плащ был завязан на плечах золотым шнурком. На голове вместо шляпы – тюрбан из ярко-красного шелка.

– Я не нуждаюсь в прорицателях, – неприветливо ответил Фульк и попытался отодвинуть незнакомца в сторону. – Я сам высекаю линии своей судьбы.

Он уже привык, что к нему постоянно пристают всевозможные торговцы, врачеватели и шлюхи, решившие подзаработать на рыцарях, которые приезжают на турниры.

– Не сомневаюсь, сэр, но не прогоняйте меня столь поспешно. Я могу весьма и весьма вам пригодиться.

– Правда? – скептически поднял бровь Фульк. – И сколько же ты хочешь за свои услуги?

– Я всего лишь прошу уделить мне немного вашего драгоценного времени. Ну и буду рад, если меня угостят обедом.

Фульк внимательно посмотрел на наглеца, испытывая желание прогнать того подальше, но внезапно испытал странное ощущение: этот человек показался ему смутно знакомым.

– Тогда расскажи мне что-нибудь, – предложил Фицуорин прорицателю. – Покажи, на что ты способен.

Незнакомец потеребил черную бороду узкой смуглой ладонью. На пальце сверкнуло золотое кольцо – судя по всему, ремесло владельца, при всех его превратностях, приносило неплохой доход.

– Этот шрам у вас на переносице был получен в драке с принцем Англии Иоанном во время игры в шахматы.

Фульк скептически хмыкнул и высокомерно сказал:

– Ну, положим, история эта известна многим.

– Тогда стоял промозглый декабрьский вечер, и шел мокрый снег. Вы отправились на дворцовую кухню и ели там на ужин жареного кабана. И не один, а в обществе достойнейшего молодого человека – Жана де Рампеня, оруженосца сэра Теобальда Уолтера.

Фульк прищурился.

– Но откуда?.. Ах ты, бродяга! – завопил он, бросаясь на «прорицателя» и яростно стискивая того в объятиях. – Ну и ну! А ведь тебе сперва удалось меня обмануть!

– Лишь совсем ненадолго, – сверкнул белыми зубами Жан. – А я-то надеялся, что ты не раскусишь меня до самого утра!

Фульк отстранил друга и оглядел его с ног до головы. Жан сильно похудел, и тонкие черты его лица скрывали густая черная борода и усы.

– Так бы оно и случилось, не упомяни ты собственное имя! Что ты здесь делаешь? И к чему такой маскарад? Нет, не отвечай, сначала садись и выпей вина! – И Фульк указал на деревянные табуретки, расставленные вокруг весело горевшего очага. – Я не нуждаюсь в предсказаниях, но в качестве платы за обед ты вполне можешь спеть. Погоди, только сброшу с себя этот тяжеленный хауберк. Хватит с меня, больше никаких поединков в такую жару, подождем, пока станет попрохладнее.

– Да разве это жара? Ты бы так не говорил, если бы тебе пришлось, облачившись в кольчугу, сражаться с мусульманами где-нибудь по дороге в Арсуф, – заявил Жан.

– Полагаю, ты прав, – усмехнувшись, согласился Фульк. – И видит Бог, я рад, что не отправился с вами в поход.

Жан поздоровался с братьями Фулька и с де Ходнетами, которые тоже вернулись в лагерь и сняли доспехи. Скептическое любопытство, которое они испытали при виде чернобородого прорицателя, быстро сменилось восторгом, как только все поняли, что за гость к ним пожаловал.

Уильям хотел знать о Крестовом походе абсолютно все: о каждом ударе и маневре, о каждой минуте героических испытаний, выпавших на долю его участников.

– Это тебе не игра вроде вашего турнира, – сказал Жан, презрительно махнув в сторону лежащего позади ристалища. – Когда я отправился в поход, то был совсем еще мальчишкой, ну как ты сейчас, и мне все казалось игрой. А потом я видел, как при осаде Акры умирал от дизентерии Ранульф де Гланвиль. Мне раньше не приходилось наблюдать, как живая плоть тает до костей – столь быстро и отвратительно. Этот человек так высоко ценил свое достоинство, а умер, увы, совершенно неблагородно.

Жан обхватил руками рог с вином, который ему сунули, и прижал его к груди, словно ища поддержки.

– Я видел, как наши солдаты казнили три тысячи заложников, когда Саладин нарушил клятву. Три тысячи!

Он поочередно оглядел сидевших кружком слушателей, на протяжении нескольких тяжелых секунд посмотрев каждому из них в глаза, и только потом продолжил:

– Можете себе представить, как выглядит и как пахнет такая бойня на нестерпимой жаре.

Наступила неловкая тишина, никто не знал, что отвечать, и всем было не по себе от страшных картин, которые обрушил на них Жан.

– Может быть, когда-нибудь я напишу боевые песни, дабы почтить память мертвых: не только наших, но и тех, – вздохнув, сказал Жан. – Я буду петь хвалу Ричарду Львиное Сердце как величайшему военачальнику со времен Александра Македонского. Я расскажу людям о славе и героизме, чтобы кровь потекла в жилах быстрее и глаза наполнились слезами, но это будет потом. Сейчас я просто не выдержу.

Фульк подлил Жану вина. Молодой человек выпил, и губы его скривила невеселая улыбка.

– Господи, друзья, простите меня. Никто не виноват в моих страданиях; в конце концов, это ведь мне самому не терпелось отправиться с королем Ричардом в поход, а вы деликатно стараетесь не напоминать мне сие обстоятельство.

Фульк в ответ пожал плечами и дипломатично заметил:

– Но зато теперь ты набрался мудрости и опыта. Я понимаю, Жан, тебе тяжело вспоминать, но, может быть, ты все-таки расскажешь нам, что делаешь здесь, переодетый заморским предсказателем?

– Выполняю поручение Хьюберта Уолтера. Я сейчас иду к нему с сообщением от двора германского императора. Что до переодевания... – Жан расправил свою безразмерную котту. – Есть в Англии... э-э-э... представители определенных группировок, которые руку себе отрежут, только бы перехватить переписку Ричарда с лордом Хьюбертом. А за фигляром, который промышляет предсказаниями на турнирах, следить не будут.

– Допустим. Но ты выглядишь таким чужаком, что любой здешний барон немедленно бросит тебя в тюрьму, а то и казнит как еретика, – с сомнением произнес Фульк.

Жан довольно ухмыльнулся:

– Ну да, признаю, я немного перестарался с костюмом, но это ради тебя. Обычно я путешествую, переодетый угольщиком или крестьянином. – Де Рампень размотал тюрбан, взъерошил примятые волосы и с наслаждением почесал голову. – Я слышал об этом турнире и подумал, что мой друг Фицуорин вполне может сюда приехать. Кажется, мне повезло. – Он оглядел присутствующих. – Если кто-нибудь из вас выразит желание сопровождать меня, я возражать не стану: вооруженный эскорт на заключительном этапе путешествия уж точно не помешает.

– С превеликим удовольствием, – ответил Фульк и скопил глаза на брата. – Уилл, помнишь, я говорил, что дам тебе возможность покомандовать? Вот как раз удобный случай, пока я буду сопровождать Жана в Англию.

Уильям открыл было рот, чтобы протестовать, но передумал. Ехать в качестве сопровождающего – такая тоска по сравнению с той жизнью, что кипит на турнирах, да и к тому же сколько можно уже находиться у Фулька в подчинении. Нет, определенно не стоит упускать шанс наконец-то обрести самостоятельность!

Фульк повернулся к Жану:

– Прямо сейчас отправимся или подождем до завтра?

– Чем скорее, тем лучше.

Фульк поднялся.

– Тогда надеваю свой панцирь обратно, – обреченно сказал он. – Можешь взять мой запасной гамбезон.

Он жестом велел Стивену собираться и приказал Иво готовить лошадей.

Жан пошел в шатер вслед за Фульком:

– Ты не хочешь спросить, в чем заключается моя миссия?

– Это не мое дело.

Фульк порылся в сундуке и достал толстый стеганный гамбезон. Поскольку его носили под смазанным жиром хауберком, небеленый лен прочертили черные полосы. Под рукавом

имелась прореха, через которую проглядывала шерстяная набивка, но в целом гамбезон был во вполне пригодном состоянии.

– И твое тоже, коли ты согласился оказать мне услугу. – Жан взял гамбезон и с помощью Фулька кое-как в него влез. – Условия освобождения короля полностью согласованы, и, хотя он еще не вышел на свободу, момент уже близок. Канцлер Лоншан выслал меня вперед с этим известием. И скоро новость сия будет известна всем. У Филиппа Французского есть шпионы при германском дворе. Узнав, что Ричарда должны отпустить на свободу, он не мешкая оповестит Иоанна, и они вдвоем попытаются этого не допустить. Надо, чтобы весть сперва достигла ушей Хьюберта Уолтера, дабы тот смог сыграть на опережение.

– Из всего, что ты сказал, я могу сделать вывод, что сейчас Хьюберт Уолтер не просто епископ Солсберийский, – усмехнулся Фульк.

– Ричард наделил этого человека полномочиями юстициария и поручил ему охранять королевство и собирать выкуп. – Жан подергал гамбезон, чтобы тот сел поудобнее, взял из рук Фулька запасной пояс и охотничий нож в ножнах. – И еще. Ричард обещал поспособствовать тому, чтобы Хьюберт стал архиепископом Кентерберийским. – (Пораженный, Фульк негромко присвистнул.) – После смерти Ранульфа де Гланвиля и архиепископа Болдуина именно Хьюберт вдохновлял войска при Акре. Он был с Ричардом на протяжении всего пути и ни разу не дрогнул.

– Странно, что Хьюберт Уолтер так преданно служит Ричарду, тогда как его брат Теобальд хранит верность Иоанну, – заметил Фульк, надевая кольчугу.

– А что ему еще остается делать? Теобальд Уолтер обязан Иоанну своими ирландскими землями и от имени принца выступает хранителем Ланкастерского замка. Если он человек Иоанна, это еще не означает, что он его ставленник, – возразил Жан.

Нахмурившись, Фульк попрыгал, чтобы кольчуга ровно легла на тело, пока край ее не коснулся коленей.

– Согласен, – кивнул он. – И поэтому понять Теобальда еще сложнее.

Быстрыми резкими движениями, выдававшими его недовольство, юноша облачился в сюрко и подвязал пояс.

– Сэр Теобальд принес клятву, и он человек чести, – подняв указательный палец, сказал Жан. – У Ричарда нет детей. Скорее всего, следующим королем станет его брат, и тогда нам всем придется приносить ему клятву. Думаю, что лорд Уолтер и это обстоятельство также принимает во внимание. Согласись, что кусать руку, которая тебя кормит, неразумно.

– Значит, я неразумный человек, – коротко бросил Фульк и, пристегнув к бедру меч, стремительно вышел на улицу, на палящую летнюю жару.

Глава 10

Ланкастерский замок, лето 1193 года

Гребень из слоновой кости и зеркало были покрыты тонкой резьбой в виде узора из листьев аканта. Зеркало, помещавшееся в грациозном футляре с откидной крышкой, было предметом настолько редким, что Мод видела его впервые, хотя и слышала песни трубадуров о прекрасных дамах, любующихся собой в будуарах.

Мод разглядывала себя в зеркале, и ей доставало тщеславия признать, насколько хороши ее густые белокурые, с серебряным отливом волосы и ясные изумрудно-зеленые глаза. Однако, будучи девушкой здравомыслящей, она прекрасно понимала, что в сложившейся ситуации особых поводов для радости у нее нет.

Сегодня был день ее свадьбы, и зеркало с гребнем она получила в подарок от почетного гостя, принца Иоанна. Мод знала, что он прибыл сюда не просто ради удовольствия отпраздновать бракосочетание одного из своих вассалов. Учитывая, что в последнее время упорно циркулировали слухи о скором возвращении короля Ричарда, принц хотел окружить себя преданными людьми вроде Теобальда Уолтера.

Иоанн приехал вчера поздно вечером. Мод уже легла, и подарок принесли к ней в спальню сегодня утром, вместе с остальными свадебными подарками. Там были фибула для плаща и покрывало из легчайшего аквамаринового шелка, обшитое по краю золотой нитью, – от Теобальда, а от отца – пояс, расшитый мелким жемчугом и на концах отделанный чистым золотом. Сами мужчины, как и предписывала традиция, не появились; они находились в другой комнате башни, готовясь к свадьбе.

Мод аккуратно убрала зеркало в футляр и положила его на сундук. Рука девушки дрожала, а на сердце было тревожно. Она чувствовала, что еще не готова стать женой, но больше откладывать отец не позволил.

– Первые крови у тебя начались уже больше года назад, – бесцеремонно заявил он дочери, сообщив, что дата свадьбы назначена на лето и приурочена к празднику святого Иоанна. – Теобальд Уолтер говорил, что хочет подождать, пока ты подрастешь и сможешь рожать, и сейчас ты уже в подходящем возрасте.

Сегодня Мод предстояло выйти замуж за человека, который был в три раза ее старше. Правда, лорд Уолтер ей нравился: он гораздо добрее отца и наверняка станет о ней заботиться, но... Мод с ужасом представляла, что всего каких-нибудь девять месяцев спустя она может стать матерью. Отец, во всяком случае, очень рассчитывает, что так оно и будет. Спустя девять месяцев она может умереть. От этой мысли бедняжку трясло с ног до головы, она чувствовала себя словно загнанный зверь, но пути назад не было. И приходилось держать себя в руках: не хватало еще демонстрировать беспокойство собравшимся в комнате гостям.

Подскочила бабушка, разгладила складки на шелковом зеленом платье Мод, приколотла на место непослушную прядку волос, поправила свадебный венок из шиповника и пахнущих мускусом лилий, переплетенных зеленью с серебряной проволокой. Мод вонзила ногти в ладони, чувствуя, что вот-вот закричит от ужаса.

– Матильда, оставь девочку в покое, – сказала Хависа Фицуорин, отделившись от остальных женщин. – Неужели ты не видишь, она вся как натянутая струна? – Матильда де Шоз набрала воздуха, чтобы ответить, но Хависа опередила ее: – Ты и так уже сотворила чудо. Невеста выглядит настолько совершенной, что добавить просто нечего... разве что ей не помешало бы немного румянца на лице. – Хависа подняла со скамьи легкий плащ Мод. – Идем, дитя мое, подышишь свежим воздухом. Это будет для тебя намного полезнее, чем натирать щеки румянами.

– Но ведь мужчины придут с минуты на минуту! – возмутилась Матильда. Хависа бросила взгляд в открытое окно во двор.

– Пока еще не видно, – рассудительно сказала она. – Ты же не хочешь, чтобы девочка упала в обморок во время венчания?

И, не давая Матильде времени ответить, Хависа быстро утащила Мод из комнаты и повела ее вниз по винтовой лестнице. Позади слышались звуки, напоминающие шум расстроенного курятника, но быстро затихающие по мере того, как женщины спускались.

– Помню, как в день своей свадьбы я чуть с ума не сошла от мудрых советов, которые мне все наперебой давали, – сочувственно сказала Хависа. – У меня плохо лежали волосы под покрывалом, и, если послушать остальных женщин, это был конец света, – улыбнулась она. – Боже, как они вокруг меня тогда суетились! Но я все их замечания пропускала мимо ушей, поскольку знала: даже если я приду к алтарю босая, в одной сорочке и с жутко всклокоченными волосами, Брюнин все равно возьмет меня в жены.

Они вышли из башни и очутились в лучах упоительного солнечного света. Трава между служебными постройками была зеленая, как изумруд, и в воздухе носился запах жареного мяса: вовсю шли приготовления к свадебному пиру. Живот у Мод сводило – от голода и от страха.

– Я знаю, ты не сама выбрала в мужа Теобальда Уолтера, – сказала Хависа, – но, поверь, он достойный и благородный человек и не станет тебя обижать.

Мод судорожно сжала губы, но заставила себя ответить:

– Я знаю, миледи.

– Однако сейчас тебе от этого не легче. – Понимающе кивнув, Хависа повела девушку в сень маленького садика, безмятежно устроившегося под стеной замка.

– А как было?.. Как все было в вашу первую брачную ночь? – решилась спросить Мод, когда Хависа открыла калитку из дубовых досочек, за которой посреди жары позднего утра уже источали аромат клумбы с цветами и травами.

– Боюсь, мой опыт тебе нисколько не поможет, – вздохнула Хависа, пропустила девушку вперед, вошла сама и закрыла за ними калитку. – Да, Брюнина выбрал мне отец, но я и сама отчаянно хотела стать его женой, и к тому же мы были почти одного возраста. – Она внимательно посмотрела на Мод. – А что, бабушка ничего тебе не рассказывала?

Мод покачала головой:

– Только предупредила, что я должна покорно принимать все, что будет делать муж, и исполнять свой долг. – Ее лицо вспыхнуло пунцовым цветом. – Я знаю, в чем состоит мой долг, миледи, я не настолько невежественна.

– Но достаточно, чтобы бояться, – проницательно заметила Хависа и пошла между клумбами и бордюрами, ведя за собой Мод. – Ты спрашиваешь о моей первой брачной ночи. Я бы солгала, сказав, что ничего неприятного тогда не было, но последующее удовольствие с лихвой возместило все неудобства. – Она легонько стиснула девушке плечо. – Теобальд Уолтер не зеленый юнец, чтобы причинить тебе боль неуклюжестью или беспечностью. Может быть, этот союз и не станет браком по любви, но обещаю, что к тебе будут относиться бережно. Лорд Уолтер заботится о тех, кто принадлежит ему. Мой старший сын несколько лет служил при нем оруженосцем и не мог бы пожелать себе лучшего наставника.

У Мод слегка отлегло от сердца. Ей очень хотелось верить, что все будет хорошо, что ее замужняя жизнь окажется лучше прежней, проходившей в строгости отцовского дома. Но кто знает, как оно все сложится. И разумеется, девушку немало пугала также и первая брачная ночь.

Процедура венчания оказалась намного более длительной, чем церемония заключения помолвки. В маленькой, но очень красивой часовне замка Теобальд поклялся вверить свою жизнь Мод, а она поклялась вверить ему свою. Он надел ей на безымянный палец золотое

кольцо с рубином в знак верности – на сей раз оно прекрасно подходило ей по размеру. Мод глядела на красный, как кровь, камень с какой-то непонятной отстраненностью, словно наблюдала за собой со стороны. Она произносила слова клятвы, протягивала руку за кольцом, но происходящее почему-то казалось ей совершенно нереальным.

Священник долго что-то говорил на латыни. В нужных местах Мод преклоняла колена и снова вставала, бормотала ответы, открывала рот, чтобы ей положили туда облатку, глотала красное вино, символизирующее кровь Христову, и... совсем ничего не чувствовала. Внезапно откуда-то сзади, с того места, где стоял принц Иоанн, донеслись нарочито усталые вздохи и шуршание. Иоанн был известен своим невниманием к религиозным обрядам. Говорили, что, выбирая себе капелланов, он руководствовался лишь одним-единственным соображением: как быстро они могли отслужить мессу.

Священник, который умел понимать намеки, спешно прогнал остаток церемонии до конца и в заключение благословил Мод и Теобальда. Гости столпились вокруг новобрачных с поздравлениями. Мод обнимали люди, которых она едва знала, к ней прижимались мягкие щеки женщин и жесткая щетина мужских усов и бород. А потом вдруг она почувствовала более интимное прикосновение на талии, и пелену ее оцепенения прорвал взгляд горящих глаз.

– Теобальд явно не прогадал, выбрав тебя в невесты, – сказал Иоанн. – На помолвке ты была маленьким бледным бутонem, а сейчас словно раскрывшийся цветок. – Ухмылка обнажила его ровные белые зубы. – И привилегия отпить из него нектар принадлежит мне.

До этого гости целовали ее в щеку. Даже те двое, что потянулись к губам, лишь невинно прикоснулись к ним. Иоанн притянул невесту к себе, как не делал еще ни один мужчина, и приблизил свой рот к ее губам, усилием заставив их раскрыться. Его быстрый язык ловко скользнул внутрь.

Глаза Мод расширились от ужаса, и она забилась в объятиях Иоанна, как дикая кошка. Зубы девушки сжались, и если бы принц моментально не убрал язык, ему бы наверняка пришлось об этом пожалеть.

Тяжело дыша от ярости и отвращения, она гневно посмотрела на Иоанна, но тот лишь улыбнулся и промокнул влажные губы рукой.

– Со временем ты научишься понимать, откуда приходит наслаждение, – тихо произнес он. – Жаль только, что я не смогу тебя этому научить. Боюсь, твоя невинность будет впустую потрачена на Теобальда.

Первым порывом Мод было пнуть его в пах и убежать, но обстоятельства вынуждали бедняжку сохранять самообладание. Ее слегка замутило, и она подумала, что Иоанну послужило бы хорошим уроком, если бы ее стошнило на его изящные, расшитые золотом сапоги.

– Ваше высочество, позвольте мне поздравить невесту.

Хависа Фицуорин присела, сделав глубокий книксен, и сквозь ресницы бросила на Иоанна обольстительный взгляд, давая понять, что не только юным девушкам, но и женщинам постарше тоже присуще свое очарование.

Губы Иоанна изогнулись в довольной улыбке.

– Разумеется, леди... э-э?..

– Фицуорин, – любезно подсказала Хависа. – Мой старший сын получал воспитание в доме лорда Уолтера – и некоторое время в вашем.

Улыбка Иоанна поблекла, но Хависа уже повернулась к Мод и, покровительственно взяв ее за плечи, повела к Теобальду.

– Вот сука! – пробормотал Иоанн.

Мод с благодарностью оперлась на крепкую руку леди Фицуорин:

– Спасибо, миледи.

– Не за что, – ответила довольная Хависа.

– Он засунул язык мне в рот, – передернувшись, сказала Мод.

Ее спутница издала негромкое восклицание, в котором звучали сочувствие и гнев. И с жаром воскликнула:

– Надо было его откусить!

– Я хотела, но он слишком быстро убрал язык.

Мод встревоженно посмотрела на Теобальда, к которому они приближались, и уточнила:

– А... все мужчины так делают?

– Не так, как Иоанн, – дипломатично ответила Хависа. – И не волнуйся, твой муж не распутник и не грубиян.

Мод сглотнула. Бедняжку все еще мутило, но ей удалось выдавить из себя слабую улыбку, предназначенную Теобальду. Когда он улыбнулся в ответ и наклонился, чтобы поцеловать ее в губы, она держала их закрытыми и лишь слегка вздрогнула.

Гонец прибыл поздно вечером, как раз когда новобрачных вот-вот должны были препроводить из зала в спальню. Женщины собрались вокруг Мод, а мужчины окружили Теобальда. Грубые шуточки и советы слетали с развязавшихся от вина языков, по большей части – с мужских.

– Не обращай внимания, – сказала Хависа на ухо Мод. – Это просто пьяные идиоты, и они скоро уйдут.

– Но только после того, как я предстану перед ними обнаженной, – прошептала Мод.

Согласно церемонии, ее и Теобальда должны были раздеть, чтобы все могли убедиться, что ни у жениха, ни у невесты нет никаких физических изъянов – причин отказаться от брака. От мысли о том, что придется стоять голой и незащищенной под хищным взглядом принца Иоанна, бедняжку бросало в дрожь.

– Мы с твоей бабушкой позаботимся, чтобы эта часть церемонии прошла как можно быстрее, – легонько похлопала ее по плечу Хависа. – Да и Теобальд, я думаю, тоже. Он не любит публичности.

Ага, в отличие от принца Иоанна, который наверняка станет глазеть на нее с удовольствием. Мод неохотно двинулась к винтовой лестнице. И только она поставила ногу на первую ступеньку, как в зал вошел гонец в сопровождении одного из оруженосцев Иоанна. Сапоги и край плаща у путника были припорошены пылью, а под глазами от усталости залегли черные тени.

Мужчины разом остановились и примолкли. Теобальд выбрался из круга гостей и подозвал гонца. Наверняка весть, которую он привез, очень важна, раз ее доставили в ночное время, причем человек этот явно скакал до Ланкастера во весь опор.

– У меня письмо для принца Иоанна. – Гонец преклонил колено у ног Теобальда – не столько с почтением, сколько от изнеможения.

Нахмурившись, Иоанн протянул руку к запечатанному пакету, который гонец вытащил из сумки.

– Нет, останься, – приказал он Теобальду, когда тот собрался уйти. – Ты можешь мне понадобиться.

– Сир. – Теобальд склонил голову и дал женщинам знак идти в спальню новобрачных.

Причесав волосы, так что они начали сиять, как серебряное зеркало, обернув вокруг обнаженного тела теплый, подбитый мехом плащ, Мод ждала мужа и следила, как на острiente подсвечника догорает свеча. Она больше не боялась. Девушка ощущала лишь какое-то странное оцепенение, что отчасти объяснялось тем, что леди Фицуорин щедро напоила ее вином с пряностями. Веки Мод были тяжелыми, она отчаянно сопротивлялась сну. Подавив

зевок, девушка глянула через плечо на просторную кровать. Покрывало было откинута, призывно демонстрируя хрустящую льняную простыню. Если бы только можно было сейчас лечь и заснуть... Но никто ей этого не позволит.

Звук мужских голосов, эхом отдававшийся по лестнице, вывел Мод из оцепенения, пронзив ее сердце стремительной и острой стрелой беспокойства. Приглашенные женщины, которые все это время празднично болтали и ели пирожки с инжиром, отряхнули с платьев крошки, допили из бокалов вино и с готовностью встали.

Все еще полностью одетого, жениха ввели в комнату. Мод с облегчением увидела, что принца Иоанна и рыцарей из его свиты здесь нет. Лицо Теобальда посерело от усталости, и морщинки, разбегавшиеся от уголков глаз, уже не освещала улыбка. Его спутники тоже попристихли, хотя это и не остановило шутника Уильяма Райнфреда, который ткнул жениха локтем и предложил пятьсот марок серебром, чтобы занять его место.

– Я не соглашусь даже за все богатства Англии, – сказал Теобальд и нежно посмотрел на Мод.

Мужчины начали снимать с него одежды.

– Эх, Райнфред, жаль, что ты не пришел ко мне с таким предложением раньше, – засмеялся отец Мод. – За столь внушительную сумму я бы охотно отдал тебе дочь!

А ведь и впрямь отдал бы, подумала Мод. Она почувствовала, что взгляды всех мужчин устремлены на нее: ни дать ни взять торговцы лошадьми, оценивающие на базаре стать молодой породистой кобылы. Похотливое любопытство, зажегшееся в их глазах, когда женщины расстегнули тяжелый плащ и подняли его с плеч девушки, наполнило сердце бедняжки стыдом и страхом. Она не могла спрятаться даже за покровом своих волос: бабушка собрала их и подняла, желая продемонстрировать, что под тяжелой шелковой копной не скрывается никакого изъяна.

– Видите, – гордо сказал отец, – ни единого пятнышка!

– Я удовлетворен, – чуть сдавленным голосом произнес Теобальд и подал знак Матильде де Шоз. – Пусть наденет плащ.

Мод бросила на него благодарный взгляд и поспешила воспользоваться предложением.

– А вы, миледи? – спросил священник, присутствовавший в спальне, чтобы благословить новобрачных на супружеском ложе. – Вы довольны?

Принимая во внимание возраст, нельзя было сказать, что Теобальд не имел совсем никаких недостатков, но все они были мелкими и не могли послужить препятствием для брака. Его тело, пусть уже и не такое стройное, как у юноши, было крепким, а руки – мускулистыми и гладкими. Зубы у новобрачного были здоровые, да и волосы, хоть уже и щедро припорошенные сединой, оставались по-прежнему густыми.

– Да довольна она, довольна, – сказал ле Вавасур, нетерпеливо махнув рукой.

Мод вздернула подбородок, решив ответить сама. Под надежной защитой наброшенного на плечи плаща девушка чувствовала себя храброй. Быстро окинув глазами нагое тело Теобальда, она остановила взгляд на его лице:

– Довольна.

Священник попросил новобрачных встать бок о бок и окропил святой водой из маленькой кропильницы. Он произнес на латыни слова благословения, прося Бога, чтобы брак этот оказался долгим, счастливым и плодовитым. После чего отправил Теобальда и Мод в постель, где снова окропил супругов святой водой и благословил само ложе.

– Помни о своем долге, дочь моя, – сказал ле Вавасур, на прощание целуя Мод в щеку.

– Да, папа.

Ответ прозвучал холодно и неестественно. Отец всегда был для нее чужим, и сейчас Мод почувствовала это, как никогда.

– Благослови тебя Бог, дитя. – Бабушка крепко обняла Мод, и глаза ее сверкнули капелькой влаги, словно она прощалась с внучкой навсегда.

А может, и правда навсегда, подумала Мод. Между сегодняшним вечером и завтрашним утром лежало бурное море неизведанных переживаний, и когда она переплывет это море, возврата уже не будет. Либо она узнает то, что познали ее бабушка и ее несчастная мать, либо приобретет знание, которое заставляло Хавису Фицуорин улыбаться и сжимать ей руку.

– Желаю вам обоим радости! – произнесла Хависа, обнимая Мод, а затем Теобальда.

Последовало еще несколько прощальных шуток, состоящих из вялых намеков на вспахивание поля, засеивание семян и вкладывание меча в ножны. Наконец дверь за последним гостем закрылась, и Мод с Теобальдом остались одни.

– Клянусь, что больше никогда в жизни не буду подтрунивать над женихом и невестой, – сказал Теобальд. – Вина?

Накинув плащ, он встал с постели и налил ароматного тутового вина из кувшина, который очень кстати оставили на сундуке.

Мод кивнула. Она и так уже выпила больше, чем нужно. Еще один глоток не сыграет роли, но зато хоть ненадолго оттянет ужасное мгновение.

Возвращаясь к постели, Теобальд протянул жене налитый до краев бокал. Он взобрался на кровать рядом с Мод, но даже не попытался прикоснуться к ней.

– Уж не знаю, что сегодня тебе наговорили, в шутку или же искренне желая помочь, – сказал он, – но поверь: я вовсе не собираюсь набрасываться на тебя, как дикий зверь. – Он презрительно скривил губы. – Некоторым мужчинам нравится творить насилие, особенно когда оно освящено браком, но я к такому никогда не был склонен. Поняла?

– Да, милорд. – Мод опустила взгляд в бокал.

– Зови меня просто Тео. В спальне официальное обращение не к месту. И говори мне «ты». – Теперь он дотронулся до Мод, но лишь с целью осторожно развернуть ей пальцем подбородок, чтобы она взглянула на него. – Не надо меня бояться. Мне не нужна жена, которая съезживается, едва заслышав голос супруга, и боится заговорить, чтобы на нее не накричали.

Мод с сомнением обернулась и наткнулась на добрый взгляд его серых глаз. Такие слова звучали слишком волшебным образом, чтобы быть правдой. Она привыкла к иному обращению. Никто, ни мужчина, ни женщина, еще никогда не осмеливался противоречить желаниям ее отца.

– Я не боюсь, ми... Тео.

– Вот и замечательно. – Он убрал палец с ее подбородка и выпил вина. А затем вполголоса выругался. – Да уж, – сказал он, и Мод увидела, что у него дрожат руки. – Где, интересно, был мой ум, когда я надумал посвататься к такой юной девушке?!

Мод не знала, как на это отвечать. Возможно, Теобальд и не ждал ответа. Чтобы разрядить повисшее в воздухе напряжение, она спросила:

– Плохие новости для принца Иоанна?

– Что? – рассеянно посмотрел на нее Теобальд.

– Я спросила о гонце. Судя по виду, он проделал долгий и тяжелый путь.

Теобальд покачал головой и ничего не сказал. Мод задумалась, не перешла ли она допустимые границы. Отец говорил, что государственные дела не должны заботить женщин, чей удел – семейный очаг и спальня. При этом его нимало не смущало то обстоятельство, что мать короля Ричарда в отсутствие сына была назначена регентшей Англии. Не будучи хорошо знакомой с Теобальдом, Мод не знала, какого мнения на сей счет придерживается он.

– Я вовсе не хотела... – начала было девушка, но, как только она заговорила, Теобальд глубоко вздохнул и ответил:

– Ты угадала – новость не из приятных. Недаром принц удалился в свои покои размышлять, что делать дальше. – Муж угрюмо посмотрел на Мод, и ей показалось, будто он прикидывает, что ей можно сказать, а чего нельзя. – Гонец привез письмо от короля Филиппа Французского, в котором тот предостерегает Иоанна: «Дьявол на свободе».

Мод намотала локон на указательный палец и уточнила:

– Он имеет в виду, что короля Ричарда отпустили?

– Не совсем. Но условия его выкупа уже полностью согласованы, и король будет освобожден, как только заплатят большую часть суммы.

– Это и для тебя тоже плохая новость?

Теобальд почти залпом допил вино:

– Как ни крути, а я ведь человек Иоанна. Я владею землями по его соизволению, и он доверил мне безопасность Ланкастера, поскольку этот замок находится в самом сердце моих северных владений. Это с одной стороны. Но в то же время я и человек Ричарда, ибо он король и ему принадлежит высшая власть.

– Значит, тырываешься между двух огней?

Теобальд кивнул:

– Что бы я ни сделал, все равно окажусь в проигрыше. Если поддержу Иоанна, меня обвинят в государственной измене. А если признаю власть Ричарда, скажут, что я обманул доверие Иоанна. Наша свадьба – не причина, по которой принц приехал в Ланкастер, а только повод. Он хочет крепче привязать меня к себе, заставив обновить вассальную клятву. Я должен был сделать это завтра, в большом зале, но мне пришлось приносить клятву сегодня, так как наутро Иоанн уедет. – Теобальд снова поднял бокал, внимательно рассмотрел осадок, потом встал, чтобы налить еще вина. – Я преклонил колени и поклялся Иоанну в верности, и это означает, что я буду защищать этот замок, хоть от черта, хоть от дьявола... но и от Ричарда... – Он повернулся и потер лицо. – Мод, это ужасно. Не могу же я загубить свою фамильную честь!

Мод смотрела на Теобальда, обхватив колени, и горячо желала помочь ему сочувствием или мудростью, но не могла предложить ни того ни другого. Как же она жалела сейчас, что проявила бесцеремонность и задала этот вопрос.

– А что, разве нет никакой надежды убедить Иоанна признать власть Ричарда?

Теобальд вернулся на кровать и осторожно лег рядом с Мод. Она чуть отодвинулась, словно бы давая ему место, но на самом деле желая сохранить между ними расстояние.

– Такая надежда есть, – сказал он, – но, боюсь, пока Ричард остается в заключении, Иоанн придумает, как усилить свои позиции. Он постарается оттянуть выплату выкупа и даже, может быть, предложит императору Генриху деньги, чтобы тот продолжал держать Ричарда под замком. Иоанн сделает все, что в его власти, дабы не выпустить из рук имеющуюся у него власть.

– И несмотря ни на что, ты все-таки служишь ему?

Нотка осуждения, сквозившая в голосе Мод, видимо, задела его за живое. Тео сурово посмотрел на нее, однако заговорил, словно бы оправдываясь:

– Да, зная про Иоанна все, я тем не менее ему служу. Он лжив, капризен, развратен и не имеет ни малейшего представления о чести. Но у него и немало достоинств: Иоанн обладает острым умом, и он, пожалуй, самый способный государственный деятель из всех сыновей Генриха – когда не ведет самоубийственную войну с тенью Ричарда Львиное Сердце.

Мод согласилась с доводами мужа, но не могла сдержать невольную дрожь отвращения, вспомнив, как груб был с ней Иоанн на свадебной церемонии.

– Другого наследника престола у нас все равно нет, – устало сказал Теобальд. – Артур Бретонский совсем еще ребенок, и он всю жизнь провел на чужбине, никогда не ступал на британскую землю, тогда как Иоанн знает Англию и любит ее. – Теобальд покрутил в руках

бокал и мрачно усмехнулся. – Поверить не могу, что сижу тут в свою первую брачную ночь и обсуждаю государственные дела с шестнадцатилетней девочкой. Тебе небось очень скучно?

Мод захлестнула волна паники. Вот сейчас Теобальд прекратит говорить, задует свечу, и они приступят к акту консумации брака.

– Напротив, мне очень интересно, – сказала она, в надежде еще на некоторое время отложить неизбежное. – Я хочу побольше узнать обо всем этом. А иначе как я смогу тебе помочь?

– Ты? Помочь мне? – Теобальд улыбнулся, но как-то не слишком весело. Затем аккуратно отставил бокал и повернулся к Мод. – И как, интересно, ты можешь это сделать?

– Если бы я больше знала, то не задавала бы некстати глупые вопросы.

– Некоторые люди говорят, что знание опасно. – Он взял прядь ее волос и накрутил себе на пальцы.

– Но и неведение тоже, милорд, – возразила Мод и прикусила язычок, снова испугавшись, не зашла ли она слишком далеко.

Однако Теобальд, кажется, нисколько не рассердился. Дыхание его участилось, а взгляд стал тяжелым, но не от гнева.

– Ну хорошо, – тихо сказал он и намотал локон еще сильнее, притягивая ее к себе. – Если ты хочешь учиться, то я должен тебя научить. – Другой рукой он нежно погладил Мод по щеке. – Мое знание и твое неведение, – прерывисто дыша, проговорил он и нервно рассмеялся. – Господи, девочка моя, да это и впрямь опасная смесь!

Глава 11

До чего же хорошо скакать по прохладе раннего утра, под пение птиц! Жаль только, что удовольствие это будет недолгим: совсем скоро вновь начнется невыносимая жара, когда, кажется, вот-вот сvariшься заживо внутри доспехов.

«По крайней мере, в Ланкастер мы прибудем раньше, чем нас настигнет палящее солнце середины лета. А пока что следует быть благодарным жизни за ее мелкие радости» – так думал Фульк, ведя свой отряд к северу. Последние несколько дней, когда на небе не было ни облачка, превратились в пытку: воинов мучила постоянная жажда, а кожа их воспалилась от пота.

Пока правили королева Алиенора и ее юстициарии, в стране было тихо, однако умные люди из предосторожности путешествовали в кольчугах, невзирая на физические неудобства.

Благополучно доставив Хьюберту Уолтеру письма от германского императора, Фульк и Жан отправились в Ланкастер: на сей раз они везли послание от Хьюберта Теобальду, а также подарки архиепископа молодым на свадьбу. На обратном пути Фульк должен был в целости и сохранности привезти мать в Олбербери, а затем вернуться к братьям в Нормандию.

– Интересно, как сейчас выглядит Мод ле Вавасур? – задумчиво проговорил Жан.

Ему захотелось подурачиться, и он надел ярко-красную котту, которая смотрелась бы немисливо кричащей, если бы не гармонировала с его смуглым лицом. Лютня висела на кожаной перевязи у него за спиной, а темные кудри венчала щегольская красная шляпа, украшенная павлиньим пером. Сегодня он был менестрель, и его переполняла радость лета.

Фульк пожал плечами и стал смотреть на дорогу. Еще недавно она была пуста, но сейчас впереди можно было разглядеть облачко пыли.

– Я как-то не думал об этом, – рассеянно сказал он.

– Помяни мое слово, с такими глазами и такими волосами она сейчас должна стать редкой красавицей.

Фульк хмыкнул. В голове у него возник образ маленькой девочки: вот она завладела мячом его брата и требует, чтобы мальчишки приняли ее в свои игры. Своевольная и коварная, скорее необычная, чем хорошенькая. Фульк вспомнил, с каким упрямым любопытством Мод подглядывала за пиром в честь коронации Ричарда и как потом стояла в аббатстве рядом с Теобальдом Уолтером, с остекленевшими от страха глазами и негнущейся спиной, собрав всю свою храбрость, чтобы не сбежать. В зависимости от обстоятельств Фульку становилось то весело, то досадно, а временами его переполняло сочувствие. Но представить эту малышку прекрасной молодой женщиной – подобное просто не укладывалось у Фицуорина в голове.

Облачко пыли выросло, и, судя по скорости, с которой оно передвигалось, это был немалый конный отряд. Фульк натянул поводья и дал знак своим людям сдвинуться на пыльную обочину.

Первый возникший на дороге всадник оказался рыцарем на сером мерине. В руке он держал копьё, увенчанное развевающимся красно-золотым знаменем, на шелке которого скалились анжуйские львы. Сюрко рыцаря тоже было красное с золотом. Потом показались остальные, в таком же облачении. Двигался отряд быстрым галопом. В центре верхом на испанском жеребце ехал с перекошенным от гнева лицом принц Иоанн. Едва он увидел Фулька во главе отряда, как в нем буквально заклокотала ярость. Принц рывком натянул поводья, заставив коня резко остановиться, так что рыцари у него за спиной чуть не столкнулись.

– Сир. – Фульк неохотно склонил голову, дабы изъявить почтение наследнику престола.

– Вам надлежит спешиться и преклонить передо мной колена! – проскрежетал Иоанн. – Я хочу, чтобы уважение ко мне выказывали, как подобает.

Фульк долгим взглядом посмотрел на Иоанна, давая понять, что он думает об этом приказании. Ни один человек за его спиной не шелохнулся.

– Я сказал, спешиться и преклонить передо мной колена! – прошипел Иоанн. – Слышите, подонки?

Не сводя взгляда с принца, Фульк соскочил с седла и опустился на одно колено. Повинуясь короткому жесту командира, его люди тоже слезли с лошадей, но видно было, что сделали они это по приказу Фулька, а не Иоанна.

Принц злобно смотрел на них, чуть ли не дымясь от гнева:

– Однажды, Фульк Фицуорин, твоя дерзость погубит тебя!

Фульк поднял голову:

– Если бы вы были королем Англии, Божьим помазанником и моим сувереном, я бы немедленно преклонил колена, сир. А так вы хотите получить то, что вам не принадлежит.

Иоанн задохнулся от ненависти. Его лошадь, подергиваясь, пошла боком, а затем начала взбрыкивать и приседать. Жирар де Мальфе быстро перехватил поводья и успокоил животное.

– Я покажу тебе, что я могу и чего не могу требовать! – сквозь зубы процедил Иоанн. – Имей в виду, Фицуорин, если я и пощадил сейчас твою жизнь, то только ради того, чтобы в один прекрасный день ты узнал, что такое раскаяние. – И, вонзив шпоры в серые бока лошади, принц устремился вперед так резко, что у де Мальфе вырвало поводья.

Королевский отряд усакал. Фульк медленно поднялся. Ноги его вдруг ослабели, и ему пришлось схватиться за уздечку своего коня.

– Ну что, – сказал Жан де Рампень, – да вы с твоим братцем Уильямом, как я погляжу, одного поля ягоды. И ты еще осуждал его за безрассудство! Интересно, что ты будешь делать, когда Иоанн наденет корону Англии?

– Во-первых, еще не известно, дойдет ли до этого дело. Но если однажды подобное все-таки случится, то можешь не сомневаться: я смиренно преклоню перед ним колена, поскольку тогда он будет иметь на это полное право. – Фульк мрачно глянул на Жана. – Ты не обязан был следовать моему примеру. Мог бы выразить Иоанну почтение по собственной воле.

– Увы, похоже, я столь же безрассуден, как и ты, – сказал Жан и снова сел на коня.

Пока Фульк забирался в седло, его друг всматривался в оседающее на дороге облачко пыли.

– Кажется, до Иоанна дошло известие о скором освобождении Ричарда.

– Ни за что не поверю, что он мчится на юг собирать выкуп, – мрачно сказал Фульк. – Помешать сбору денег – вот это вполне может быть.

И с этими словами он пришпорил гнедого.

Мод повернулась на другой бок и подсунула руку под мягкую перьевую подушку, не желая отпускать от себя глубокий сон, что еще несколько секунд назад окутывал ее. Приглушенные звуки проникли в затуманенное сознание. Они становились все громче, и темный покой сна отступил, хотя она и не открывала глаз.

Ее обнаженное плечо тронула рука. Ладонь была теплая, широкая, мужская.

– С добрым утром, моя милая жена. Там пришли твои женщины, чтобы помочь тебе.

Мод подняла веки и увидела, что над ней склонился Теобальд. Он был полностью одет, а за защитной стеной прикроватного полога сияло в полном разгаре великолепное утро.

– Доброе утро, милорд.

Звук получился сухим и хриплым, а во рту стоял привкус прокисшего вина. В висках пульсировало, голова нестерпимо болела, не говоря уж о том, что между ног ощущение было не из приятных.

– Который час?

– Уже почти два пополудни, – сказал Теобальд и с тревогой взглянул на нее. – Я дал тебе поспать, сколько мог, но все гости уже собрались в зале. Ты хорошо себя чувствуешь?

Мод хотелось закрыть голову подушкой, застонать и велеть ему уйти. Однако пришлось ответить:

– Да, милорд.

Она с трудом села в постели. Свет ударил ей в глаза и заставил сощуриться.

– Твои женщины пришли, чтобы помочь тебе, – вновь повторил он, показав через плечо в направлении, откуда раздавался приглушенный шепоток, и кашлянул. – Извини, если вчера ночью сделал тебе больно.

– Только немного, мило... Тео.

Она вспомнила его слова о том, что дома следует называть супруга по имени, и увидела, как лицо его смягчилось от нежности.

– И все равно, я бы предпочел вообще не делать тебе больно, – проговорил Теобальд и погладил ее по щеке. – Боюсь, милая, что тебе придется поторопиться. Простыню с брачного ложа ждут в зале, чтобы гости могли ее освидетельствовать.

Мод поморщилась, представив себе, как доказательство ее невинности будет вывешено на всеобщее обозрение.

– Ладно, не буду мешать тебе одеваться.

Теобальд, неловко пятясь, отошел от кровати, что-то сказал служанке и удалился.

Бабушка Мод и прислуга сразу окружили кровать. Одна из женщин протянула ей горячий травяной отвар. Мод сжала в ладонях дымящуюся кружку и с наслаждением отхлебнула.

– Ты хорошо себя вела, – сказала Матильда де Шоз, коротко кивнув, что могло считаться похвалой. – Твой муж, кажется, остался очень доволен.

Мод молча пила отвар. Хотя акт консумации и не оказался удовольствием, о котором говорила Хависа Фицуорин, однако он не стал и жестоким испытанием, как намекала бабушка. Мод почувствовала боль, за которую, задыхаясь, извинился Теобальд, пока еще был в состоянии говорить. Боль осталась и сейчас, но вовсе не такая уж невыносимая, и после прошедшей ночи Мод понимала, что теперь обладает силой и влиянием, которые не идут просто ни в какое сравнение с ее положением в доме отца. Теперь она была леди Уолтер, и Теобальд поверял ей свои мысли. Да одно лишь это с лихвой возмещало физическое неудобство, которое он ей причинил.

– Вот вода, леди Мод, умойтесь, – сказала Барбетта, одна из служанок, которых приставили к ней в Ланкастере. – И еще успокаивающий бальзам, если надо.

Мод покачала головой:

– Не надо. Лорд Уолтер хорошо со мной обращался.

Бабушка сразу насторожилась:

– Но он консумировал ваш брак?

Отбросив покрывала, она жестом велела Мод сойти с кровати и вздохнула с облегчением, увидев пятна крови на простынях и красные полосы, испачкавшие внучке внутреннюю сторону бедер.

– Я горжусь твоей храбростью, – сказала Матильда.

Повернувшись к служанкам, она приказала им снять простыню и отнести ее в большой зал.

– Я вовсе не была храброй, – призналась Мод. – Я столько выпила, что едва понимала, что происходит, а теперь у меня болит голова.

– Вам нужно принять порошок из ивовой коры, миледи, – встрепелась Барбетта. – Сейчас принесу.

Она выскочила за дверь, а две оставшиеся служанки принялись снимать с кровати окровавленную простыню – доказательство девственности Мод. Если через девять месяцев она родит, то это будет ребенок Теобальда, и никого другого.

Мод омыла кровь с бедер. Когда муж впервые вошел в нее, она стиснула зубы, чтобы сдержать крик. Теобальд извинился, но продвинулся еще глубже, прерывисто шепча, что нужно потерпеть, что в первый раз всегда трудно. Потом станет легче, она должна ему довериться. И она доверилась, обхватив Тео за шею, прижавшись к нему изо всех сил, а он еще дважды сделал ей больно, а затем забился в ее руках, словно умирающий. В эти мгновения, омытые липкой кровью, Мод утратила беспомощность и уязвимость, и ей было даровано первое смутное представление о власти, которую женщина может иметь над мужчиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.